

А.Ф.Вельтман
МММСДХLVIII ГОД.
РУКОПИСЬ МАРТЫНА-ЗАДЕКА

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Александр Фомич Вельтман

МММСДХLVIII год

Слегка фантастический, немного утопический, авантюрно-приключенческий роман классика русской литературы Александра Вельтмана.

Содержание

#1	0007
КНИГА ПЕРВАЯ	0006
Предисловие	0007
Часть первая	0008
Часть вторая	0042
Часть третья	0068
КНИГА ВТОРАЯ	0105
Предисловие	0105
Часть четвертая	0107
Часть пятая	0132
Часть шестая	0173
КНИГА ТРЕТЬЯ	0211
Часть седьмая	0211
Часть восьмая	0252
Часть девятая	0297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0315
Биография	0319
Библиография издания	0327

Александр Вельтман
МММСДХLVIII ГОД
Рукопись Мартына Задека

Посвящается князю Николаю Ивановичу Трубецкому

**ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА**

XXXI

**Leo
2017**

А. Ф. Вельтман

МММСDXLVIII ГОД.

РУКОПИСЬ

МАРТЫНА-ЗАДЕКА.

КНИГА ПЕРВАЯ

Предисловие

Одно только время может удостоверить в справедливости описываемого события.

Воображение человека не создавало ещё вещи несбыточной; что не было, чего нет, то будет. Обычаи нравы и мнения людей описывают параболу в пространстве времени, как кометы в пространстве вселенной. Если бы человек был бессмертен, то в будущем он встретил бы прошедшее, ему знакомое.

Часть первая

I

*Ты всех приковал к себе той цепью, ко-
ей звенья состоят из справедливости,
доверенности и любви.*

Около полувека после переселения Османов на берега Ливии, и вскоре после перенесения Столицы Великого Народа с берегов Понта на место Рима Босфоранского, в 1-й день Травеня стечение жителей на Софийскую площадь было, необычайно. Волны народа уподоблялись не порывам громового Изолинского потока; но спокойному и величественному течению Ры, соединявшей между собою Запад, Восток и Юг древней Руси.

В толпах народа не было видно ни рубища, ни грустного взора: одежда и взоры на празднике дружбы были светлы.

Посреди площади, как усеченная пирамида Хеопса, высился возход. К нему-то в этот день сходились Босфоранцы, воспретить своего Властителя и сопровождать его в храм Вознесения.

День был прекрасен. Также, как и в древние времена Эллинов, славного Рима, и горделивых обладателей Санджак-Шерифа, также, как и в средние и новые времена могущества Северного Орла, когда пробудилось родство народов и соединило их под один кров, Юг был тих, спокоен, сладостен для жизни, а Босфорания славилась роскошною природой, легким воздухом и неиссякаемым источником богатства.

Столпившийся народ, в разноцветных одеждах, казался с высоты зданий Туркестанским ковром, разостланным по площади; но какая-то волшебная сила переливала на нем краски, перерисовывала узоры.

Взоры всех обращались к стороне моря, где был летний дворец Властителя. Оттуда до возхода, и потом до храма, пролегал путь, огражденный золотыми перилами и покрытый цветным бархатом.

Храм Вознесения был чудом зодчества. В нем, первые Христиане пели гимны Богу, пред посвящённым Св. Софии жертвенником, вылитым из чистого золота и серебра, украшенным драгоценными камнями и надписью

Иустиниана: «Соломон, я победил; тебя!» В нем под мозаическими сводами, в мраморных стенах Ая-Софи, пели Иманы стихи Корана. Но звуки Давидовых песнопений воскресли, и Властители Славян, посвятив его Вознесению Искупителя, преобразовали и украсили всю роскошью древнего и нового искусства. Церковь сия, как небесная красавица, осыпанная лучами, отвлекла мысли проходящих от всего земного и обращала взоры на себя.

Горы красного гранита, сдвинутые для сооружения стен и сводов таинственного алтаря, были необъятны. Резные базальтовые обнизи переднего вида и цветоны, горели, но время светлого дня, как алмазные ожерелья Гольконды; двенадцать столбов, из цельного белого мрамора, равнялись вышиною с главными опорами храма, и отделяясь совершенно от здания, составляла полукружием особую колоннаду с бронзовыми изваяниями двенадцати Святых учеников.

Пространный золотой купол оспаривал свет у солнца; по оконечностям возвышались круглые, башни, подобные древним восточ-

ным минаретами; но золотые иглы их так были высоки, что в странах северных, большую половину года, они скрывались бы в тучах. Все здание, кроме переднего вида, обнесено было рядом высоких тополей.

На башне, над домом Блюстителя, пробило уже двенадцать часов. Это было время выхода из дворца. Все умолкло. Открылось шествие.

Владыко церкви, в белом облачении, в ризе как будто кованной из серебра и осыпанной блистающими звездами, ожидал Властителя, приближавшегося под высоким бархатным навесом, который несли четыре витязя в кольчугах. Сверх обыкновенной одежды, лежала на плечах Царя пурпуровая мантия, на голове был венец царства, в правой руке жезл власти.

Он был средних лет; наружность не изменяла названию земного Бога. Кто смотрел на него, тот радовался, что это видел. Взоры его были склонены; но, когда он поднимал их, всё потупляло глаза с чувством невольного уважения.

Про него новый Орфей сказал бы: «он подобен Царю того благословенного народа, кото-

рого жизнь равнялась десяти вечностям; который питался нектаром из благовонных цветов, а утолял жажду небесною росой».

За ним шли: Совет, судьи, двор, охранная сотня и двенадцать полков пеших и конных защитников.

Когда властитель поднялся на ступени возхода, тихие звуки хора, пронеслись по воздуху; сладостное содрогание пробежало по чувствам всех присутствующих. Все умолкло, плавная речь его раздалась.

При первых словах, взглянув на небо, он обратился к народу:

— Слава И поклонение источнику ЖИЗНИ Богу!

— Мир и любовь народу!

— Сила Царю, права закону, воля мудрости!

— Настал день нового обета на соблюдение чистоты души и тела! Да будет каждый из вас стражем своего ближнего и десницею Царя! Да исполнит Провидение добрые молитвы ваши; а Царь ваш да исполнит волю Провидения!

— Здравствуй Властитель! Здравствуй

отец! — громко раздалось в народе; и долго не утихали восклицания, переносясь из уст в уста, как эхо пещер Онарских.

Когда народные клики умолкли, тихий гимн, как небесное существо тек. по воздуху, обращая все в тишину и в чувство любви.

В это, время Властитель следовал к храму; золотые звезды на голубом, навесе засияли. В след за ним затолпится народ.

В храме Вознесения бесчисленность светильников, отражаясь в золоте, алмазах, рубинах и яхонтах, помрачала взоры, и казалась первою радугою — символом примирения земли с небом.

Посреди храма, на возвышении, стоял белый мраморный гроб Искупителя, и был отверт, крыта опрокинута, а воины Пилата лежали в прахе вокруг гроба.

Взглянув на одушевленный искусством мрамор, каждый обращал невольно свои взоры вверх, и содрогался, увидя прозрачный Фарфоровый свод, на котором изображалось в облаках и в свете Вознесение Искупителя. Величие мысли и совершенство искусства так уподоблялись истине, что неверие древних

мудрецов обратилось бы в иступление веры.

Совершив обычное поклонение Богу, Владыко церкви, старец умиленный как смирение, произнес слово, которого смысл состоял в следующем:

— С первого взгляда на вселенную, понятие о Создателе её, велики, как беспредельность вселенной. Они были неизменны, но все течение времени. Покуда человек полон даром небесным, он чувствует волю над собою и в себе. Но когда страсти истощат его, унижат и в собственных глазах и в глазах людей, тогда, как поверженный в бездну, он перестает видеть свет, и мыслит, что все есть ничтожество.

Величие обрядов поклонения не отвергнут и будущие века. Блеском одежд, великолепием и чистотою, человек хочет приблизиться к блеску, чистоте и великолепию неба. Ясность окружающих предметов освещает и душу его. В праздничном наряде он чувствует себя гордее, боится прикоснуться к нечистоте.

По окончании слова, Владыко церкви благословил Властителя и народное, семейство.

Обратное шествие сопровождалось всеми.

Когда Властитель вступил, но дворец, звуки: здравствуй Царь! повторились снова, и народ разошёлся по бесчисленным улицам Босфорании.

Начались и игры общественные.

Тут часто являлся и Властитель, одетый просто, скрываясь от взоров, любящих его видеть.

Уже все площади и набережная усеялись народом; пролив покрылся легкими цветными ладьями.

На завороте набережной к югу пространный сад, принадлежащий к великолепному дому вельможи Сбигора Свида, примыкал к Босфору и ограничивал площадь с южной стороны. Там народ столпился вокруг качелей и Китайских кружал; любопытство увлекалось общественными удовольствиями; но внимание многих чаще обращалось на Киоск сада.

На огромном гранитном, основании, которое выдавалось за решетку сада, Киоск уподоблялся древней Тибетской вазе, вылитой из фарфора и украшенной всеми странностями Китайского воображения. Верх Киоска в виде

крыши вазы, висел над нею, осененный ветвями чинара. Проведенная вода из источника Мали, образовала вокруг беседки подобие стеклянного колпака над искусственными цветами.

Но не беседка обращала на себя взоры всех. В ней была дочь Сбигора Свида. Красота Клавдианы была необыкновенна, как дитя пылкого воображения, осуществленная мысль о блаженстве.

Внимательно рассматривала Клавдиана поклонников своих; они молчаливо стояли перед Киоском, как древние поклонники светил небесных перед восточной звездой. Взоры её были ласковы, улыбка приветлива; и никто не мог определить: где душа её — на устах, или, но взорах?

Кто-то в синем плаще, в шляпе, нахлобученной на глаза, прислонясь к бронзовой решетке сада, стоял и не сводил глаз с Киоска. Никто не обратил бы на него внимания, если б не засмотрелась Клавдиана. Все ловили её взоры. Когда она остановила их на незнакомце, все с завистью обратились к нему. Вдруг шепот раздался в толпе.

— Это он! — произнесли некоторые.

— Он! — повторили многие.

Неизвестный заметив слова толпы и обращенное на себя внимание, смутился, отвернулся, закутался в плащ и пошел вдоль решетки сада.

Толпа следовала за ним; он удвоил шаги; но народ со всех сторон сбегался и окружал его. Не видя спасения на улице, как будто преследуемый ужасом, он бросился на крыльцо Сбигорова дома и скрылся в переходах.

Народ столпился подле крыльца.

— Где, где он? — все спрашивали друг друга.

— Кто его видел?

— Слепой только не узнает Властителя!

— Зачем бы прятаться отцу от детей?

— Помните ли, в толпе народа мы узнали его и понесли на руках, но дворец; тогда он был весел; теперь суров; что с ним случилось? Верно не к добру ездил он по чужим землям!

Многие повторили это замечание и вздохнули; ибо все любили Властителя, и готовы были разделять с ним все тяжкое для души.

Долго толпа народа стояла подле крыльца.

Уходящих заменяли приходящие; рассказы, замечания и суждения, переносились от одного к другому; наконец, все утомились рассматривать ступени, по которым прошел неизвестный в синем плаще; говор утих; стали понемногу расходиться.

Лучи солнца виделись уже только на вершинах башен и храмов. С закатом своим, оно как будто уносило и силы, и бодрость человека. Живость очей и радости потухали с его светом; все успокаивалось. Только сторож напевал про себя песню, нетерпеливо ожидая смены.

Только злой, похищая чуждое богатство и благо, похищал и золотые минуты собственного своего спокойствия.

Только бедный, работая думал: «до света я кончу труд свой!»

Только изнеженный и бессонный искал ночных удовольствий, соблазнял, или покупал спокойствие других, для своего рассеяния.

Только больной боялся ночи, ибо отсутствие дня лишало его последних сил.

Между тем как толпа народа стояла подле крыльца, с свойственными ей беспечною и удивлением, Синий плащ прошел длинные переходы, наружную площадку, и не встретив никого, спустился по мраморной лестнице в сад. Казалось, что он хотел скрыться даже и от шума народного, который раздавался между строениями. Торопливо шел он по густой липовой аллее. Вдруг на повороте послышались голоса идущих к нему на встречу. По первому порыву он остановился, хотел скрыться между деревьями; но уже было поздно: две женщины, также изумлённые встречей, стояли перед ним и не знали на что решиться: идти далее, или нет?

Неизвестный хотел говорить, но взглянув на одну из них, он узнал в ней дивную красавицу Киоска. Бледность его исчезла, румянец вспыхнул, глаза загорелись. Овладев собою, он извинился, что вошел в сад без позволения.

— Вы желали скрыться от народа, — сказала ему Клавдиана, — я это заметила; уважаю вашу тайну, и рада, что вы у нас избрали для себя минутное убежище.

Привет удивил неизвестного; пламенно взглянул он на Клавдиану.

— Для незнакомца слишком много добродушия и чести.

— Чаще мы отдаем мало чести незнакомцам.

— Не удивляюсь тем чувствам, которые внезапно приковали меня к Киоску!..

— Наружность не изменяет сердцу и душе. Простите же меня, что я так пристально смотрел на вас; хотите ли знать мысли мои? я думал, что вы созданы смотреть на народ с трона!..

— Вам легко шутить надо мною— произнесла смущенная Клавдиана.

Синий плащ приблизился к ней.

— Кто бы не признал вас Царицей! — сказал он, взяв решительно руку её, и продолжая голосом, который заставляет часто забывать нескромность мужчин:

— Странно было бы видеть небо и не поклоняться ему!.. но... когда вы обратили на меня взоры... когда... они остановились на мне... я благодарил судьбу, что она одарила меня зрением и чувством... но я спросил себя:

кто я? Стою ли того восторга, который вы внушили в меня?..

Вдали послышались голоса. Смущенная Клавдиана хотела идти; но неизвестный удержал ее. — Нет! — сказал он — я готов окаменеть в этом положении, если вы не дадите мне верного слова бить здесь чрез два часа!.. На одно только мгновение, слышите ли! на один миг!.. Говорите: да!.. говорите скорее!

— Да! невольно произнесла чуть внятно волнуемая страхом Клавдиана.

— Этот звук для меня надежнее клятвы! — сказал Синий плащ, опустив руку Клавдианы. Она бросилась по аллее, к подруге, которая в продолжении разговора её с неизвестным, отдалилась.

Долго смотрел неизвестный на след удаляющейся Клавдианы; она скрылась.

— Женщины..., всегда и везде женщины! — сказал он наконец. Новая, неожиданная победа!.. Но, скорое начало требует скорого конца; иначе все дело испорчено!.. О, я желал бы сойти с ума, от восторга, когда она будет моею!.. сойти с ума... убить себя, после блаженной минуты, чтоб не испытать, потери бла-

женства!..

Он исчез в рядах густых деревьев, пробираясь к ограде сада со стороны набережной.

Между тем Клавдиана догнала подругу свою. Полная чувств и мечтаний, она схватила ее за руку, но не могла произнести ни слова.

— Вы хотите сердиться на меня, Клавдиана?

— За что?

— За то, что я оставила вас одну, защищаться от слов знакомого незнакомца.

— Он ничего мне не говорил... — произнесла тихо смущённая Клавдиана.

— Ничего?.. это худо, в таком случае наши замыслы кажется ничтожны. Подобные встречи редки... Если они равнодушны... то родителю вашему и вам придется согласиться на предложение Колумбийского посланника...

— Нет! вскричала, — Клавдиана — этого не будет!

— Что же будет?

— Он много сказал мне... — произнесла тихо Клавдиана и бросилась в объятие подруги

своей.

— Это дело другое! Если есть начало, то и развязка будет. Как желаю я, чтоб сбылись надежды наши! от них зависит и мое счастье; я буду неразлучна с вами!.. вы верно не захотите заменить другую ту, которая вас так любит?

— Какой странной вопрос! — отвечала Клавдиана.

Я в первый раз видела так близко Властителя. Как он прекрасен, величествен; говорят однако же, что, во всех чертах его лица видна доброта, а он мне показался таким суровым.

Показался!.. Длинный плащ и навислая, как черная туча, шляпа омрачат и черты ангела.

— Когда вы показали мне его, то взор его искал уже вашего? Какие глаза! он ими сожжет хоть кого! Я не удивляюсь, что вы узнали его в толпе.

— Довольно его видеть только один раз, чтоб узнать повсюду. Величественная его наружность заметна между миллионами. И не я одна, все стоявшие около него не долго всматривались в знакомые каждому черты Властителя.

теля; все узнали его; но он, кажется, этого не желал.

— Конечно, за чем бы ему и скрываться от народа... Впрочем... это могло быть с намерением.

— Какие слова! нужно ли Властителю подражать в изъяснении чувств своих простолюдинам? Это просто случай.

— Я не согласна с вами: Любовь у всех с одинаковыми причудами; таинственность в скрытность увеличивают наслаждение... Но, вы говорили, что он вам очень много сказал?... Что-ж он сказал вам?

— После узнаешь; теперь лучше посоветуй мне: говорить ли об этой встрече батюшке?

— Не думаю. Не худо подождать немного. Это разрушит очарование; при том же, от радости, что давние желания его исполняются, он все испортит какими-нибудь намеками, что знаешь привязанность к вам знакомого незнакомца.

— Когда голубь летит в силок, то подгонят его не нужно, чтоб не спугнуть. Между тем, не мешает вам основательнее увериться в чувствах Иоанна? Слова и пламенные взгляды не

есть еще доказательства истинной любви. Иоанн молод, он может забываться.

— Ты судишь о Властителе, как о человеке обыкновенном! — произнесла Клавдиана с сердцем.

— О нет, я хотела сказать только, что он Властитель, воля его, а отчет одному Богу.

— А своей совести?

— Да, конечно, и совести; но за лесть женщинам совесть никого еще не мучила.

— Слыхала ли ты общий голос, — сказала гордо Клавдиана, — что Властитель верен своему слову, как свет солнцу?... Общее мнение для меня порука.

— Верю, верю и ему и вам, Клавдиана, но скажите мне....

— Прошу тебя оставить теперь свое любопытство. После узнаешь все.

Они вошли на крыльцо и скрылись в про-
странных и богатых комнатах дома.

* * *

Отец Клавдианы, бывший первым Верховным совещателем, человек исполненный лени и придворного ума, занимал действительную должность при отце Иоанна. Тогда влия-

ние его на управление было явно и заметно не только для тех, которые при дворах вымеряют рост, шаги, совесть и силу каждого сновника; но даже и для людей простодушных и недаленовидных. Тогда неограниченная доверенность вполне удовлетворяла честолюбие вельможи; он не имел случая испытать зависти.

Но вступление Иоанна на царство, было для старого вельможи началом пасмурных дней. Иоанн знал, что лучший Царь есть тот, который умеет окружить себя лучшими из людей; и потому, первый верховный советатель Сбигор Свид скоро сдал свое первенство другому.

Иоанн взял бразды правления в собственные руки, и колесница народа покатила по гладкому пути истинного народного блага. Он имел свою волю, свой разум, свои чувства, свои обо всем ясные понятия, свое великодушие; он не хотел смотреть только на то, что ему показывали, и слышать только то, что льстило слуху, заглушало голос истинной любви, страдания и теплой молитвы.

Он знал, что Царь есть солнце, и ни один

из окружающих спутников не заменит его своим холодным светом.

Он хотел, чтоб дети ласкались к отцу, а не льстили ему.

Отставленный Вельможа, зная, что ни происки, ни слова, раздражающие самолюбие Властителей, не в силах уже возвратит ему прежней власти: и прежних почестей, должен бы был совершенно потерять надежду на придворное благо, мог бы добровольно удалиться от двора, и в уединении думать не об удовлетворении честолюбия, а о спокойствии семейном, как о лучшей цели отца и старца; но у него была пятнадцатилетняя дочь, которой развивающаяся красота была уже предметом общего удивления. На ней и предположил он основать новый колосс своего честолюбия. Обычай избирать Царицу в царстве, а не вне оно, давал ему все надежды.

* * *

Иоанн, положив всему пределы, и оградив царство свое священными условиями с народами соседственными, занялся внутренним устройством. Первою его мыслию была необходимость видеть все собственными глазами,

ознакомиться с нравами, обычаями и способами ему подвластных.

От ледников северного полюса до берегов Ливии, где древняя Атлантида приняла на лоно свое изнеженных потомков Чингиса и Тимура; от Арарата до Адриатического моря, он проехал внимательно, и совещался с опытностью каждой страны, что необходимо знать, что прилично, что составляет её богатство, промысл и благо народное.

Но время сего путешествия Иоанн посетил и соседние царства.

Время отсутствия Иоанна, казалось для Сбигора-Свида Сатурновым веком; но дочь его еще расцветала.

Если сердце художника обливается радостью, когда все смотрят с восторгом на оживленный его искусством мрамор; какое же чувство должен испытывать отец, виновник жизни существа, которому готово все поклоняться? Но, часто, тот и другой видят в создании своем не одну только славу свою, но и вещь продажную, которую можно поменять на золото и почести.

Мысль, о будущности успокаивала оби-

женное честолюбие Сбигора-Свида. Он утешался еще мечтами, как Альцион, изгнанный Минервой из луны, и предвидел родство свое Сбигора-Свида Иоанном, как вещь неизбежную.

«Лучший перл, — мыслил он, — должен принадлежать Царю. Обычай и Иоанн выберут Царицу из среды своего семейства; кто же ближе моей дочери к престолу и по красоте, и по рождению?.. Встреча Иоанна с Клавдианой и... судьба её решена!..»

Так мечтал Вельможа, и боготворил в дочери будущее свое счастье, как поклонник огня надежду на блаженство Ейрена.

Все разговоры его с нею клонились к тому, чтоб внушить и в нее честолюбие, которое ограничивалось бы одним Иоанном. Властитель и красота её были неистощимым предметом разговоров. Часто говорил он ей: «Я привыкаю уважать тебя; ибо тот, кто будет владеть тобою, должен быть выше отца твоего саном... хотя сан мой и первый после царского...», — прибавлял он значительно и медленно.

Дочь одного бедного семейства, которое

пользовалось за нее-же милостями Сбигора-Свида, после смерти жены его, была избрана в подруги Клавдиане. Она была опытных лет. Хитрая и исполненная расчетливого ума, она знала свои выгоды, поняла мысль честолюбивого старика, и избрала для действий своих мечтательную цель его; ибо надежда играть в будущности значительную роль при дворе, обольщала и её самолюбие.

Таким образом отец и подруга, питали душу Клавдианы высокими, мыслями о красоте и собственных достоинствах; они успели в своих замыслах. Не зная еще Иоанна, она уже любила его; не понимая, что такое власть, она смотрела уже на всех мужчин, как на достойных единственно, снисходительного, ласкового взора; а на женщин, как на будущих своих послушниц. Подобное чувство самонадежной гордости обыкновенно отмщается общим презрением; но молодость и необыкновенная красота были еще сильными защитниками её, против языка зависти и против мщения обиженного самолюбия.

Много было искателей её сердца; но оно было неприступно, как небо для дерзких Ти-

танов. Многие искали её руки, и между прочими первостепенный Лер, посланник Колумбийский, но Сбигор-Свид ожидал приезда Иоанна, и потому дочь его для всех женихов была слишком еще молода.

Иоанн возвратился из путешествия, богатый царским богатством.

С возвращением Властителя, вся столица ожила, все пришло в движение, как в природе, когда она радуется возвращению Мая и Оры[1]. Сбигор-Свид, озабоченный своею мыслию, считал уже присутствие свое во дворце государственною необходимостью. В сборной палате, в толпе придворных, прежняя гордость и важность его воскресли.

Он совершенно переменялся; ходил как углубленный в размышление, от которого зависит постоянное течение вселенной, и молча, иногда, взглядывал равнодушно на всех, и удостаивал незаметным наклоением головы: тех только, которых почитал людьми для себя необходимыми.

Постоянные посетители дворцовой сборной палаты невольно заметили перемену в бывшем первом верховном совещателе, и хо-

тели отгадать причину её; люди сильные, стоявшие на гранитных основаниях, мало обратили на это внимания, и кончили замечания свои смехом; но те, которые были при дворе на шатком подножии, стали беспокойно всматриваться в таинственную наружность вельможи. По их мнению, только тот мог носить на лице своем самонадеянность и гордость, кто уже пользуется и особенным расположением, и полною доверенностью Властителя.

Снова стали они обращаться к нему с изъявлением истинных чувств уважения и преданности, как к особе, служившей некогда рогом того изобилия, которое отец Иоанна изливал на царство.

Честолюбивый вельможа, заметив возродившееся к себе уважение, еще более убедился в своей мысли, и стал считать его за общее предчувствие той перемены, которая его ожидает; наружность его стала пышнее, тайное самодовольствие прояснило тусклые очи.

Устраивая мысленно свою будущность, он создавал уже вокруг себя новый свет, и ожидал с тягостным нетерпением того дня, в ко-

торый у Блюстителя Босфорании назначен был для царя гостиный вечер, но время которого Клавдиана представилась в первый раз Иоанну. Этот день настал; но судьба, существо своенравное, глухое и лишенное зрения, не предвидела честолюбивых желаний Сбигора-Свида, и, без всякого злого намерения; отклонила эпоху нового бытия его.

В пространной гармонической зале, освещенной огромным хрустальным шаром, сквозь бесчисленные скважины которого истекал ослепительный пламень. Блюститель Босфорании принимал гостей своих. Сановники, вельможи и бояре, с семействами своими, в блестящих, разнородных одеждах, заняли уже места. Ждали только Властителя.

Когда он приехал, вечер открылся неподражаемой ораторией Человеческие страсти. Музыка была необыкновенна; искусство превосходило всю возможность совершенства. В переходах: звуков и, в согласии разнородных инструментов, слушатели испытывали все чувства, какие только могут быть свойственны человеку.

После оратории; играли на древних во-

сточных инструментах, древнюю песню Эдемскую.

Отец Клавдианы не любил музыки, и приехал с дочерью своею тогда, как все уже вышли из залы гармонической в другую пространную залу, где веселые звуки оркестра подвязали крылья прелестным женщинам и девам Босфоранским, и они, попарно с юношами, носились из края в край, слетались в венки, разрывались, и не знали утомления, как беззаботные духи света, перелетающие на лучах, из мира в мир, из светила в светило, по всему пространству вселенной.

Внезапным появлением, Сбигор-Свид хотел обратить на дочь свою общее внимание, хотел поразить Иоанна красотою её, и потом уже представить ему.

Перед пятнадцатилетней Клавдианой, прекрасной и блестящей, как венок сплетённый из всех земных радостей, распахнулись двери залы. Она вступила, вспыхнула; отец следовал за нею, умерив шаги и ожидая хозяина для встречи.

Взоры всех обратились на Клавдиану. С её появлением, певец любви сказал бы, что веч-

ная ночь прошла, звезды потухли, восстал прекрасный светлый день. Но Блюститель не торопился встретить ее. Кто не почел бы это за преступление, если б он не был обязан проводить первого, дорогого гостя своего. Властитель Иоанн уже удалялся. Неожиданно получив известие из Западного Царства, он желал быть, но дворце.

Встретив Сбигора-Свида и дочь его при входе, он отвечал на поклон их поклоном.

Удаление Иоанна погубило лучшее чувство в сердце честолюбивого старика, оно облилось кровью. При ожидании верного успеха, малейшая неудача есть тяжкая рана, для излечения которой нужно время и уединение.

Клавдиана возвратилась домой недовольною, так же, как и её отец. Она видела Иоанна мельком; Иоанн настоящий был предпочтен воображаемому; но она была приготовлена к чему-то большему. Она ожидала, что Властитель, встретив ее, забудет все, кроме желания обладать ею.

В горестных воспоминаниях прошло несколько дней, а Сбигору-Свиду не представ-

лялось еще нового случая обратит внимание Властителя на дочь свою.

Между тем настал описанный уже нами день торжества; и этот день прошел, но Клавдиана еще не кончила его: она ожидала с нетерпением темной ночи.

В первый раз узнала она тяжесть времени. Припомнила свинцовые крылья спящего Сатурна, медленный ход обремененных часов, и сравнила мгновение с вечностью.

Первый ропот сердца есть плач младенца, вступающего в свет; сама природа говорит за него.

Оставалось уже не более двух часов до полуночи. Клавдиана с невольным трепетом вслушивалась в звуки Андроида, который произнес: десять часов! Между тем как звуки сии отозвались в пространной зале, в рядах комнат и в сердце Клавдианы, колокол на городской башне возвестил тоже целой Босфорании.

В это время по Босфору пронеслась легкая, крытая ладья, и остановилась подле ограды сада. Кто-то выскочил из неё на гранитную лестницу набережной.

— Подите сюда, пилой и щипцами! — сказал он, — вот прямая дорога к моей цели; здесь, в ограде, должен быть вход! Понимаете?

— Понимаем! — отвечали два голоса.

Через несколько мгновений сквозь бронзовую решётку сада, мог без затруднения пройти и добродетельный Эней с отцом своим и со всеми богами, которых он выносил на плечах из Трои.

— Ждите же меня здесь! — сказал неизвестный; пролез между бронзовыми прутьями в сад и пробрался до поворота густой аллеи.

Долго ходил он молча; но нетерпение изменяло его тайным мыслям; почти в слух говорил он сам с собою:

— Сдержит ли свое слово это неопытное, пылкое, доверчивое существо?.. Эта жемчужная Дорада[2].

Но, тем лучше, я не люблю искать и в женщинах!..

Красота её удовлетворит самолюбию... моему самолюбию!.. Скорее да, тушить восторг, впрочем... дешевле в руки, скорее с рук!..

Тихие шаги послышались, в аллее. «Чуженская походка!.. Все приметы осторожности, для тайного свидания!..»

Клавдиана приблизилась... В отдалении остановилась её подруга.

— Вы начинаете недоверчивостью? Вы не одни? — сказал неизвестный подходя к Клавдиане.

— Вы сами, может быть, не захотели бы вдруг лишиться меня вашего уважения. Я исполнила вашу волю... но...

— Волю мою? — произнес неизвестный, и схватил Клавдиану за руку.

— Просьба Властителя есть повеление... Но я не завишу от себя, у меня есть отец...

Сии слова, произнесённые почтительно, остановили на себе внимание неизвестного.

— Властителя? — повторил он, — кто вам сказал?

— Не я одна узнала Властителя; весь народ узнал его — отвечала Клавдиана.

— Да! тем лучше... вы узнали... сходство...

— Одежда не могла скрыть Иоанна от тех, которые видели его хоть один раз!..

— Вы часто видали его?

— Часто-ли? — отвечала смущенная Клавдиана, — Вам трудно было заметить бедную девушку, едва вступающую в свет...

— Что говорите вы?... Неужели не заметен был вам взор мой, который породил, но мне страсть неизлечимую взор, который встретил в вас все, что может составить счастье царя!.. Впрочем, вы могли и не заметить его скромность не проницательна; но не о прошлом хочу я говорить, а о том... что я люблю тебя, что мне нужен ответ твоего сердца, существо небесное!..

— Царю ли свойствен этот вопрос, — едва произнесла смущенная Клавдиана. — Без согласия отца моего.

— Царю несвойственно сомневаться в согласии отца; но свойственно думать, что любовь каждого может платиться равнодушием, — сказал неизвестный, прервав вдруг слова Клавдианы. — Но что за сомнения! я их рассею, невеста Иоанна! Клянусь Океаном, что ты моя, как эта голова, которая у меня на плечах.

Схватив Клавдиану, и заглушив восклицание её страстным поцелуем, он бросился как

похититель Европы с драгоценной ношею по темной аллее к набережной. Там послышался шум, потом свисток.

Неизвестный остановился. Прислушался к голосам.

Клавдиана пришла в себя.

— Оставьте меня! — вскричала она.

Прибежавшая на голос Клавдианы, испуганная наперсница, звала ее.

— Я забылся! — проговорил неизвестный, и выпустил из рук жертву свою.

Клавдиана бросилась от него, и скрылась преследуемая своею подругой.

Неизвестный прислонясь к дереву, долго еще стоял углубленный в размышление.

— Проклятый свисток!.. верно сторожевой объезд!.. Вот кстати злая встреча!.. Очень нужно учить меня терпению!

Она еще не моя! Но день, два, три, неделя, месяц, год... все равно! иногда, минута блаженства покупается целою жизнью!..

Скорыми шагами пошел он к решётке сада. Свистнул... Никто не отозвался.

— Их нет! Верно щука по следу идет! Опять терпенье!

Он прислонился к решётке.

— Чудная мысль! — прошептал он вдруг, сдвинув назад шапку свою. — Иоанн! Да!.. Испытаю счастье земное над самою бездной!.. там, оно совершеннее!

Несносен мне путь, по которому или я шел в след за другими, или другие могли идти в след за мною!

Что за слава, победить людей и силой, и обманом, и лестью, и добром? Победить собственное малодушие!.. Судьба играет людьми, бросает их под небо; с безумным восторгом летят они на высоту, как будто в прозрачном воздухе есть за что удержатся! Кто ж запретит и мне играть своею участью? вздохнуть под небом и разбиться вдребезги о землю?.. Испытаю!.. А сладость мщения?..

Но смолкни, вспылчивая мысль моя!.. великое намерение должно таить и от самого себя!

Шум вёсел разбудил уснувший Босфор. Неизвестный опять свистнул. Послышался ответ. Шлюпка подъехала.

— Где были?

— На утёке.

— Ага!.. Притвори же калитку, как умешь! — сказал он и вскочил в шлюпку.

— Готово! — произнес чрез несколько минут грубый голос, и ладья покати́лась по Босфору, так быстро, что струи следа её светились.

Часть вторая

Он хотел принять на себя образ Ангела, и уподобился Ангелу падшему.

III

Время, сгладившее горы, иссушившее океаны, разрушившее миры, потушившее солнца, затеплившее новые светила, мирно текло. Любя частые, но всем преобразования, оно, казалось, довольно было новым порядком, восстановленным на земном шаре; — должно было ожидать постоянства. Покров грубых заблуждений опал с понятий, души возжглись, тела оживились, солнце сделалось щедрее для природы, влияния луны стали благодетельны, стихии примирились, а люди дружелюбно разделили землю по родству племен. Нравственная часть богопочтения,

одинаковая с самого начала Христианства у всех народов, после переворотов в средних веках, превозмогла наконец предрассудки наружного богопочтения и совершенно искоренила ненависть, происходившую от различия понятий.

В сие-то время, названное в Истории благословенным, на Босфоранском престоле восседал Иоанн, прозванный любимым.

Достоинства Царя определяются любовью к нему народа. Иоанн был боготворим.

Оградив твердою защитою верного слова, границы западные, северные и восточные, Иоанн видел еще южное небо покрытым тучами, нарушающими тишину в садах Архипелагских, и не мог быть спокоен.

Между островами Средиземного моря морские разбои так укоренились, что островитяне и жители прибрежные не имели способов защищаться от них, и были лишены того спокойствия, которым пользовались внутренние земли.

При начале царствования Иоанна, дерзость Стаи Нереид (так называли себя Пираты, новые Киликийцы) до такой степени уве-

личилась, что повсюду была главным предметом страха и рассказов. Безнаказанно носилась она по морям, как буря, от которой нет спасения. Торговля остановилась, сообщения прервались.

Путь чрез Средиземное море совершенно опустел; никто не хотел везти богатство свое на поклон Предводителю Стаи Нереид, известному под именем Эола.

Как древний Изидор, преступный Владыко Олимпа, Фазелина и Изоры, он имел у себя 50 надежно вооруженных кораблей и множество налетов[3]. Его разбои пользовались какою-то законностью, как в Афинах воровство Гермогена. Никто еще не восставал на злодеев и не усмирял их; ибо, укоренившееся зло, между привычными ко всему людьми, часто пользуется каким-то правом, как будто необходимым для общего блага. Люди снисходительнее к порокам, нежели к слабостям.

Но Иоанн не равнодушно снес первое известие о нападении на отряд своих кораблей, шедший в Босфоранию из Западного Океана.

Никому, не объявляя своих намерений, он вооружил сильный флот, сел на Орла и понес-

ся в Эгейское море, где рассеяны были в то время корабли Эола. Между тем, тайными повелениями всем морским силам, находившимся в пристанях островов в набережных, определено было в назначенный день стекаться и Олинту, и по грому орудий вступать в бой с кораблями, на которых не будет выставлен зелёный флаг.

Внезапное появление Флота царского не устрасило Эола; он собрал всю свою стаю и считал Иоанна своею добычей. Близ Лемноса встретил он его и ударил всю стаю кораблей своих, как дух тьмы, хотевший некогда потушить солнце.

Иоанн, не вступая в решительную битву, быстро склонился к заливу Олинтскому. Эол преследовал его.

Приблизясь к пристани Олинта, Иоанн вдруг обратил свои силы и вступил в бой.

Быстрота, лёгкость, искусство и навык Эола превозмогли бы многочисленную морскую силу Иоанна, не привычную к действию; но внезапное появление вспомогательных военных кораблей с тыла, расстроило Стаю Нерид. Пираты бросились искать спасения в бег-

стве; спасения не было. Окруженные со всех сторон, они с отчаянием сцепились с кораблями победителя; но упорство было напрасно, и они сдались. Из всех кораблей Эоловых, один только спасся от плена; как громовая стрела опалил он ряды кораблей Иоанна, и пробился сквозь них. На нем был сам Эол.

Предприятие сие уподоблялось подвигу Помпея, когда, предположив истребить одним ударом Пиратов Киликийских, бичей моря, он разослал по Понту Эвксинскому и по Океану корабли свои, запер все сообщения, и таким образом, обложив сетями все приюты морских разбойников, истребил их и дал свободу морям.

Водворив спокойствие и в области морей, Иоанн пожелал видеть царство свое, земли и воды чуждые, чтоб иметь ясное понятие о мире, созданном для человечества, и о человечестве, созданном для причины сокровенной. Он отправился, как уже было выше сказано, путешествовать.

Возвращение его было торжеством для столицы; но Иоанн стал задумчивее; величие души и доброта её, яснее выразились, во, всех

чертах его, но взоры стали ко всему равнодушнее. Все желали отгадать причину сей перемены, хотя она имела влияние только на наружность Иоанна.

Полученные, во время гостиного вечера у Блюстителя мира известия из Галлии, также были для всех любопытною тайною. Сношения государственные не скрывались и не могли скрываться от Совета; но последнее, никому не объявленное, должно было касаться, или лично до Иоанна, или заключать в себе новость неприятную, которую он желал таить от всех, чтоб продолжить общее спокойствие.

Молчание Иоанна порождало толки, соображения, выводы, заключения, и было главным основанием разговоров, — ибо, часто, мысль Царя есть участь народа.

— Худой знак, — говорили одни, — верно война с западным соседом.

— Не может быть — возражали все те, которые были с Иоанном, но время путешествия, — Иоанн расстался с Тором, как истинный друг.

— Зачем же оставлен там Ведатель Рован и

отряд охранный, сопутствовавший Иоанна?

Заклучениям не было конца, а задумчивость Иоанна была еще для всех тайною, как размышления Архимеда, но время падения Сиракуз.

Праздник Охоты в долине гротов, совершенно возмутил весь двор, а наконец и всю Босфорию.

В день Св. Петра, любители охоты, в легких одеждах, на быстрых конях с запасом стрел, копий, пращей и ручного огнестрельного оружия, с собаками и соколами, собрались в долину гротов, находящуюся в расстоянии двух часов езды от города.

С одной стороны долины, пространный охотничий лес, населенный разными зверями, обведен был тенетами и уставлен капканами.

На лугу равнины, между крутыми скатами гор, устроены были пространные ограды, для травли и борьбы зверей с силачами, которые носили прозвание Леших. Особенные поприща были устроены для скачки и для метания стрел, за выпускаемыми птицами.

На скате левого берет долины были устрое-

ны народные увеселения и зрелища. В наметах показывались живые звери всех стран. При каждом был рассказчик, которого называли Эзопом. Обязанность его состояла в том, чтоб показывать любопытным зрителям басни, в лицах и описывать свойства животных, сравнивая их с свойствами людей. Часто, для совершенного подобия, звери и птицы были наряжаемы в различные одежды, сообразно сходству их с людьми; например, медведь, в кафтан грубого и необразованного; лиса, в древний оклад придворного... Только свинья и осел не имели особенной одежды, как космополиты; ибо для них везде хорошо, где только можно найти грязную лужу, нечистоту и сноп гнилой соломы.

Несколько часов уже как охота началась; звуки рогов раздавались и вторились в ущельях гор. Стечение народа в долине гротов волновалось как море; но все еще толпы оно-го тянулись по дороге Босфоранской.

Перед вечером, на вершине горы, раздался звук вестового орудия; это был знак прибытие Иоанна, принимавшего всегда участие в народных празднествах и увеселениях.

Верхом, на белом арабском жеребце, с своими сановниками, пронёсся он между народом и мимо всех зданий, наметов и охотничьего лагеря. Встречаемый и провожаемый повсюду приветствием радостного народа, он остановился подле мраморного водомета, находившегося на правой стороне долины, в некотором отдалении от поприща охоты и зрелищ, отдал коня и пошел по дерновым ступеням лестницы, которая вилась под тенью густого кустарника в царский грот, вырубленный в возвышенности скалы. Внутренность грота сего была украшена роскошью простой природы, а снаружи висела беседка с золотой решёткой. Отсюда было видно все празднество охоты.

Здесь было место отдыха Царя, и место ожидания охотников, приходивших к нему на поклон с добычею, и приглашавших на охотничий пир, которым обыкновенно и заключался сей день.

Иоанн не любил окружать себя толпою придворных; и потому собственно при нем были всегда только два дневальных воина охранной сотни, и Князь, Любор его любимец.

Все прочие, принадлежавшие к двору и пышности царской, составляли в некотором отделении особый круг.

Но в этот день Иоанн, расположенный к уединению, удалил от себя и любимца.

Вдали раздавался шум игр народных; вблизи нарушал тишину только высокий водомет, падающий в яшмовый бассейн.

Два дневальных воина, находившиеся при Иоанне, стояли при входе в грот, успокаивая двух царских жеребцов, которые рвались друг к другу, и кажется хотели броситься в драку.

— Отойди дальше! они перегрызутся и нас с тобой поколотят! — сказал один из дневальных.

— Как враги смотрят друг на друга! — говорил другой, отдаляясь с заводным вороным конём.

— Дай им волю, оба на месте лягут!.. Какое горло!.. Тс!

— Что можно дать за такого?

— Ничего не дам! Охота навязать на шею хлопоты! Стели постелю, целый день чисти, да еще и узду держи обеими! Нет, друг, тоска

возьмёт! Мой конь не плясун, за то рысью на нем двадцать часов в день!.. Ну! Тише, проклятый!.. Что там еще за лошади? Видишь, поднял уши, как рога!..

— Эге! сюда скачут!

Вскоре подъехали трое верховых, в дорожных плащах; они остановились подле грота и сошли с лошадей.

— Властитель здесь? — спросил один из них.

— Здесь! — отвечал дневальный.

— Доложи, что привезены депеши из Западного Царства.

— Западного Царства? Властитель велел об депешах тотчас докладывать... да как доложить?..

— Подержи кто-нибудь из вас коня.

— Нет, любезный, держи сам, а мы и без доклада войдем!

С сими словами приезжие привязали лошадей своих к дереву, и не говоря ни слова вошли в грот...

— Что ж ты пустил без доклада? — сказал с сердцем дневальный, державший белого арабского жеребца.

— А ты за чем впустил?

— На чьи ж руки отдать жеребца?

— А у меня, пусты, что ли?

— У тебя заводной.

— Не тот-же чорт!

— Ну, смотри будет тебе беда, что впустил без доклада.

— А тебе что будет? Так пройдёт?

— Ну, что будет то будет! — сказал первый, но подумав, продолжал:

— Послушай, разве сам Властитель скажет Сотнику, что депеши без доклада вошли, а я уж не скажу никому!

— Это здоровее! Терпеть беду, так уж вместе.

— Эге! Властитель идет, подавай жеребца!

Иоанн с наклоненною на глаза шапкою, спустился с лестницы, подошёл к вороному жеребцу, вырвал узду из рук дневального, сел верхом и поскакал по дороге к городу.

— Ну, друг, Властитель что-то хмурен, быть беде! Смотри, молчи, ни слова! — сказал один воин другому; и они помчались в след за Иоанном.

Вестовая пушка, на горе, возвестила удале-

ние Властителя. Как после сильного удара грома мертвеет вся природа, так шум народный вдруг замолк в долине. Какое-то недоумение выразилось в общем молчании, казалось, что удовольствия повсюду прекратились. Свита царская понеслась в след за Иоанном.

При самом входе в грот стояли двое из приехавших к оному неизвестных в дорожных плащах. Они следили взорами удаление Иоанна.

— Ну, да здравствует новый Царь! — произнёс один из них; смех его отозвался в гроте и между скалами.

— Да здравствует! — повторил другой, — да не отяготит его бремя царствования, и да не забудет он уплатить нам долг свой, а не то....

— Не то... концы еще не в воде, а у нас в руках! — сказал первый.

— Не худо придумано, Эвр! — произнёс другой; и они скрылись по тропинке, идущей от грота в густой томарисковый кустарник.

IV

— За что не добр, к нам Властитель? Не, хо-

тел поздравить нас с счастливой ловлею и разделить с нами сладкого куска! — говорили охотники, расходясь по домам как гости с пира Узуль-мары, когда мстительный Огр обратил ее в истукана. Только огненные головы юношей не совсем еще потушило общее горе; только старцы, впивавшие с слезами виноградников Архипелагских сладкое усыпление чувств, молча, смотрели еще в глаза друг другу, и не верили, что в этот день им не удастся уже поднести к устам своим задравный кубок Царю, и опорожнить как чашу, наполненную духовным блаженством.

— Государь намерен был ожидать окончания охоты в гроте, но не дождался даже и меня, не спросил обо мне... это не понятно! — произнес Любор, и поскакал в след за Царем.

При въезде в ворота северо-западные, он догнал следовавших за Иоанном двух дневальных воинов охранной сотни, и спросил их о причине неожиданного отъезда Властителя из долины гротов.

— Не знаю, — отвечал один из них.

— И я не могу знать, Ваша Светлость, — подтвердил другой.

— Как не знаете?

— Точно так, Ваша Светлость!..

— Что так?

— Так...

— Кто был с Государем?

— Никого не было, Ваша Светлость!

— Но вы где же были?

— Были...

— Как же вы говорите, что никого не было?

— Никого, Ваша Светлость.

— Глупцы! — прошептал с сердцем Князь и подъехал к Иоанну.

— Государю Властителю не угодно было ожидать окончания охоты? — сказал он ему.

— Да!

— Успех охоты превзошёл ожидание....

На эти слова не было ответа. Любор замолчал и в недоумении ехал за Иоанном.

Молча проехал Иоанн улицы Босфоранские и не обращая внимания на поклоны встречающегося народа. Выехав на большую площадь, приблизился он к Старому дворцу, подле подъезда сошел с лошади; все последовали его примеру; приняли от него лошадь, и

он скорыми шагами поднялся на мраморную лестницу; подошёл к двери, схватил за ручку замка, повернул; но двери не отворялись.

— Дворец заперт, Государь, — сказал Любор. Иоанн остановился. Скоро принесли ключ, двери отперли, и он вошел во внутренность покоев, где владычествовало молчание, как в царстве Леты. Только на золотых карнизах высоких стен отражался еще свет румяной, вечерней зари; темнота скрывала уже роскошные и блестящие украшения длинного ряда дворцовых покоев.

Все следовавшие за Иоанном остановились в Сборной палате; ибо Властитель, пройдя оную, захлопнул за собою двери.

Не постигая причины мрачности его, все с удивлением изыскивали в уме своей причину приезда в Старый дворец, который со времени совершения в оном обряда венчания на царство, стоял пустым.

После долгого ожидания возвращения Иоанна, Князь Любор, более прочих приближенный и более прочих решительный, пошел в глубину длинного ряда покоев.

Он нашел Иоанна в покое, который был

светлее прочих; ибо сияние вечерней зари и взошедшая; луна проницали во внутренность, сквозь хрустальный свод, посреди коего золотой орел с распростертыми крылами, держал венец, озарённый лучами. Иоанн сидел, поддерживая голову, так что кисть руки скрывала все лицо его. Приближение Князя, казалось, вывело его из задумчивости, он произнёс невнятно:

— Кто?

— Что угодно приказать, Государь?

— Огня! — был глухой ответ Иоанна.

Князь вышел и отдал приказание дневальным.

— К нему нет приступа! — говорил он, возвращаясь в Сборную палату.

— Что это значит? — был общий вопрос, и никто не мог разрешить его, как надписи на Виндзойском камне, начертанной по преданиям жителей, до создания мира.

Только один блюститель Босфорании равнодушно повторял:

— Должно ожидать приказаний, или выхода Властительского; ибо верно, он не долго останется здесь, и отправится в Новый дво-

рец.

— А мне кажется, — сказал Князь, — что Государю угодно здесь провести ночь, потому что он приказал осветить дворец.

Все приняли слова Любора за шутку.

Старый Сбигор-Свид, сопутствовавший Иоанна на праздник охоты, был тут же; скорыми шагами ходил он по Сборной палате, и тайно радовался перемене, замечаемой в Властителе. Всякая перемена была для него выгоднее настоящего положения.

Все прочие сезонники и царедворцы также ходили взад и вперед, не сводя глаз с роковой двери.

Пустота дворца никому не нравилась. Эхо расселилось по всем углам, ловило все слова и досаждало придворной скромности. Небольшая сырость давно необитаемых покоев, начинала уже действовать на здоровье некоторых; многие чувствовали необходимость подкрепить истощенные силы пищею, и возбудить бодрость духа семитравником, напитком, изобретенным Аравитянами, хранившими долго способ составления его в тайне, вновь открытым в 13 столетии Раймундом

Люлли, и известным под именем живой воды, жизненного бальзама, почитавшегося — всем светом за извлечение эссенции из философского камня.

Уже более двух часов продолжалось испытание терпения; и, хотя нигде столько его нет, сколько в обитающих на стремнинах земного величия; но как все подобные люди считают себя людьми озабоченными делами и знающими цену времени, то жалобы их друг другу, на невозвратную потерю нескольких часов, были бесконечны. Некоторые говорили даже, что если это продолжится, то порядок во всем расстроен неизбежно. Многие, поглядывая, то на двери, то на часы, готовы бы были предвещать всеобщую войну, повсеместный неурожай, голод, и вообще все несчастья, если б состояние Государства хотя не много походило на их беспокойную душу.

Пробило десять часов. Жалобные разговоры обратились в зевоту. Между тем дворцовые слуги осветили все комнаты. Выходящие из внутренних покоев были останавливаемы; на них сыпались со всех сторон вопросы: где Властитель? Что делает он?.. Но с словом: не

могу знать! Сии пленники любопытства освобожились, а толпа ждала в дверях новой добычи.

Недоумение, неизвестность, долгое ожидание утомили всех, и наконец стали усыплять. В широких креслах, по углам покоев и между колоннами, терпеливо успокаивались и царедворцы, и сановники; дремота тяготела над ними, как над старцем прожитое столетие. По преданию, что утро мудренее вечера, некоторые скрылись, а остальные продолжали заглядывать в перспективу отдаления.

Вдруг один из служителей торопливо вышел из глубины покоев, и шопотом сказал, что Властитель изволил пойти в опочивальню.

— Как! — вскричали все, удивленные, подобно спутникам солнца, когда оно, против обыкновения остановило течение своё.

— Властитель будет проводить здесь ночь?

— Государь изволил мне приказать идти спать — отвечал служитель.

— Что это значит? — раздалось опять со всех сторон.

— Я стал освещать покои, где был Госу-

дарь, а он и стал со мной милостиво разговаривать.

— О чем же? о чем? — вскричали все.

— О многом: изволил спрашивать откуда, как зовут, где жил, давно ли определен в истопники в Старый дворец. Я рассказал ему, как приехал из-под Оливии, как родной мой брат, дворцовый конюший, определил меня в истопники.

— Мрачен Властитель, или нет? — перебрал общий голос рассказы истопника о самом себе.

— Лицо у него, правда, немного сумрачно, да речь такая веселая, что верно ничего нет на сердце.

С удивлением посмотрели все друг на друга, и потом продолжали допросы о том, что делал, что говорил Властитель.

Бедный истопник должен был повторять свои рассказы: как вошел в царский покой, как Властитель сидел, как встал с места, как прошел по комнате, как подозвал его к себе, как и о чем расспрашивал, и наконец, уходя в опочивальню, как велел, со светом придти к нему, и никого к себе не впускать без докла-

да.

— Если Государю угодно проводить здесь ночь, или совсем сюда переселиться, то мне должно было бы знать это прежде всех, для необходимых заготовлений и перевода прислуги, — говорил худощавый дворцовый блюститель, похожий на дух Юна, имеющего только одно протяжение в длину.

— Мне бы еще нужнее было знать это — сказал придворный, тучный как жрец Ваала, и румяный как монгольский идол Юлкур-сун. — Перевести кладовую съестных припасов, погреб и кухню не так легко! Однако же, на всякий случай, я прикажу принести все необходимое по части утоления голода и жажды.

Подобное распоряжение было принято единогласным восклицанием:

— Прекрасно!

Утомленные Израильтяне меньше радовались небесной манне и коростелям.

Отданные приказания были исполнены скоро и точно. Жрец Мома пригласил всех в столовую, голосом, привыкшим угощать и хозяйничать, как гостеприимный Аль-Архан в

свою гостиницу, лежавшую на пути от Бакора до новой Самарканды.

Сбигор-Свид, как не действительный уже член двора, не считал обязанностью разделять с прочими ни придворных беспокойств, ни радостей, ни трапезы. У него не была товарищей ни по положению, ни по сану, кому бы он мог открыть свои мысли и надежды; только дочь и наперсница её были поверенные его; и потому он торопился домой; в их беседах его мнения имели полный вес и такую цену, какую назначал он сам.

Клавдиана ожидала отца своего в рукодельном покое; у нее опустились руки, голова отяжелела. Грустная задумчивость прекрасной девушки есть такое состояние чувств, которое все гитовы с нею разделить, как завидное блаженство.

Наперсница ее несколько уже дней сряду выслушивала жалобы её на таинственность Иоанна, и несколько часов внимала упреки. Не упустив случая, с своей стороны излить несколько капель желчи на мужчин вообще, она как будто удовлетворила мщению своему, и уже равнодушно, молча, слушала сло-

ва огорчённой Клавдианы; иногда только, сквозь сон, который тяготел над ее очами, как казнь над головой преступника, произносила отрывисто звуки, подтверждающие слова Клавдианы.

Вдруг доложили о приезде Сбигора-Свида. Они очнулись; одна от дремоты, другая от задумчивости. Старик запыхаясь вошел в покой своей дочери.

— Что это значит? — сказал он, взглянув на нее. — Сегодня не только во дворце, но и у меня в доме чудеса?

— Что такое, батюшка? — произнесла Клавдиана.

— У тебя на глазах слезы?

По данному знаку, наперсница Клавдианы удалилась, а Сбигор-Свид значительным голосом, начал речь свою к дочери:

— Не хочу спрашивать о причине девических слез, особенно у той которой несколько не приличны слезы, ни по званию, ни по блестящей участи, ожидающей ее.

— Какая блестящая участь?.. Кто вам сказал, батюшка? — прервала, его Клавдиана.

— Кто сказал? Сказали мне собственные

глаза, да и глаза всех тоже скажут со временем.

— Вы были во дворце? Что Государь? — спросила Клавдиана.

— Время скоро решит это, но по всем догадкам, перемена ветра для нас должна быть благоприятна. Весь двор опустил крылья; Иоанн повернул круто; но это не мешает. Из долины гротов он внезапно приехал в Старый дворец и расположился в нем как на биваках. Может вообразить, как действовала на всех неожиданность. Но это обдуманно. Мой всегдашний совет, кажется, взвешен, оценен и исполнен. На старое жилье, за старые привычки!

Тут Сбигор стал подробно описывать все происшествия дня. Клавдиана задумалась.

— Сверх всего сказанного, — продолжал он, — у меня родились некоторые сомнения. Противники мои скрывают от меня все, что только может относиться к моим выгодам и чести; однако же, Клавдиана, я узнал, хотя не вовремя, то, что Властитель, переодетый, в день 4-го Травеня, был у меня в саду!.. причина мне известна...

Клавдиана вспыхнула.

— Батюшка— произнесла она — кто вам сказал?..

— Что ж тебя так удивляет это? Может быть ты сама знаешь?

— Я знала, батюшка, но не смела вам сказать. Властитель желал этого молчания до времени... — произнесла, Клавдиана смущенным голосом.

— Ты говорила с Властителем? — вскричал отец Клавдианы, вскочив с места. Неподвижно смотрел он на дочь свою, и несколько минут стоял, как будто лишённый языка. Между тем Клавдиана, как преступница, с замешательством рассказывала ему про таинственную встречу.

— Слава Богу! — произнес он наконец, успокоенный рассказом. — Жаль только, что народ узнал его, когда он входил в мой сад. А я полагал, что Царь желал встретиться со мною, потому что, как Царь, он должен же был видеть, что с новыми людьми вещи не могут сохранить старый порядок!..

После сих слов Сбигор-Свид почтительно подошёл к своей дочери, обнял ее, и удалился

В свои покои, приводить в порядок мысли и обдумывать все предположения, клонящиеся к благу отечества, которое так много зависело от его попечительности.

Часть третья

Он жаждал достигнуть до той высоты, с которой можно окинуть одним взором всю землю, и раскаялся — земля показалась ему черным пятном на ризе вселенной.

V

На другой день солнце блистательно восходило над вершиною Бугорлу, при подошве которой лежала некогда древняя Халкедония; тень от Леандровой башни легла поперёк пролива; шум пространной Босфорании проснулся.

Еще не успело пробить на городской башне восьми часов, как от всех уже мест и направлений, дорожки к старому главному дворцу были проложены и утоптаны заботливостью людей, без которых не стоит ни одно царское здание.

В несколько мгновений, все пустые покои сделались жилыми; и все, на своем и не на своем месте, ожидало появления Властителя. Царский дворецкий, близ дверей опочивальни, давно уже ждал пробуждения Иоанна и звука колокольчика; но вдруг к удивлению, его, громко раздалось:

— Филип!

Дворецкого звали не Филипом.

— Филип! — раздалось снова из царской опочивальни.

— Кого зовёт Царь? — спросил он у двух вестовых охранной стражи.

— Не знаем! — отвечали они.

По всему дворцу пошли искать Филипа, известного Царю; и наконец нашли его в сарае, взваливающего на себя вязанку дров. Это был Филип истопник. Придворные слуги окружили его и торжественно повели во дворец. Не смотря на уродливость его, на одежду и низкий сан, двери пред ним отворились, и он боязливо вступил в опочивальню царскую.

Дворецкий прислушивался в дверях; но Иоанн не так громко говорил с Филипом истопником, как произнёс его имя. Вскоре Фи-

лип вышел.

— Что? — спросили его.

— Властитель приказал подать себе завтрак и вина.

— Завтрак и вина? — повторил дворецкий с удивлением. — Вина, которого он никогда не пил?

— Да — отвечал истопник Филип — приказал мне скорее принести завтрак и вина.

— Тебе?

— Да, никому другому кроме меня не велел он входить к себе без приказания.

Дворецкий пожал плечами, и хотел исполнять волю Иоанна.

Через несколько минут золотой поднос отдан был на руки новому слуге царскому, и он отнес его в опочивальню; возвратясь, он объявил, что Царь требует к себе доктора, который на днях приехал в Босфорию.

— Не болен ли Царь? — спросили все с участием.

— Верно не здоров, — отвечал Филип, — не может ни говорить, ни смотреть на свет.

Собрали всех дневальных, чтоб разослать их по Босфории искать доктора, которого

требует к себе Властитель. Но по общему совету, Филип истопник должен был отправиться в царскую опочивальню узнать об имени его.

Филип скоро воротился, и объявил, что Властитель не желает толковать своих приказаний.

Нечего было делать; все дворцовые дневальные и рассыльные поскакали по городу искать доктора, который на днях приехал, неизвестно откуда, где остановился и как называется.

В десять часов утра, по заведенному порядку, дворцовая сборная палата наполнилась царедворцами и сановниками правления, как нижний Египет водами Нила. Некоторые пришли с огромными бумажниками. Важность дел ясно выражалась на их лицах; казалось, что под рукою у них были таинственные книги судеб.

Удивление резко было отпечатано на всех лицах, как страсти на рисунках последнего издания Лаватера. Рассказы про внезапный отъезд Властителя из долины гротов, про неожиданное переселение в Старый дворец, являлись во всех возможных одеждах, какие

только своенравное воображение может себе представить. Никто не постигал странностей и перемен.

— Это должна быть болезнь, известная под названием: «черная немочь», — произнес важно главный придворный доктор, тронутый тем, что Иоанн призывает для пользования себя неизвестного медика, иностранца, тогда, как он, придворный медик, составил несколько томов подробного изложения болезней, коим могут быть подвержены земные Владыки, и вернейших способов предупредить и лечить оные. Сия книга прославила имя сочинителя, хотя ему не удавалось видеть в продолжении всей своей жизни больного Царя; ибо Иоанн знал, что здоровье зависит от умеренности, деятельности и осторожности, а не от трав и минералов.

— «Черная немочь», — повторял он важно, и хотел уже сделать подробное описание сей болезни; но приезд Верховного Совецателя прервали слова его, и общие суждения о болезни царской.

Вельможа вошел в сборную палату; всеобщее уважение к его летам, достоинствам и

званию, выразилось мгновенной тишиной.

Он спросил о Властителе. Рассказы о событиях утра увеличили удивление любимца Иоаннова.

— Мы не должны судить о воле и намерениях Властителя, который облечен доверенностью народа, — произнёс он важно. Уверенный, что вход в царский кабинет для него никогда не прегражден, он, не останавливаясь в сборной палате, прошел чрез длинный ряд дворцовых покоев, приблизился к опочивальне, и ожидал уже, что Вестовой отворит ему двери; но слова истопника Филипа: — позвольте, Ваша Светлость, Государь Властитель не приказал впускать без доклада! — поразили его как громом.

После продолжительного невольного молчания, он приказал доложить: угодно ли Государю Властителю принять первого Верховного Совецателя, с бумагами, известными Его Величеству.

— Государь приказал оставить бумаги до следующего дня, — сказал Филип, возвратясь из опочивальни.

— До следующего дня? — произнес с удив-

лением Верховный Совецатель, — до завтра?.. От 24 часов времени часто зависит честь Царства. Отнеси этот бумажник к Государю Властителю; если Его Величеству не угодно видеть меня, то по крайней мере, не угодно ли будет ему взглянуть на эти бумаги.

Филип понес бумажник к Иоанну.

— Чрез час будут они рассмотрены и подписаны, — сказал он выходя оттуда, — но Государь Властитель приказал Вашей Светлости принести к нему все подписанные им вчера бумаги.

— Подписанные вчера бумаги? Вчера был не мой день. Внутреннее управление до меня не касается!

— Что ж прикажете доложить? — спросил Филип.

— Доложи Государю Властителю: какие бумаги угодно ему иметь?

Главный докладчик, истопник Филип, отправился снова в опочивальню. Четвертый выход его также был скор, как и прежние.

— Государь требует последний указ, подписанный Иоанном.

— Указы не по моей части, но я дам знать о

воле Властителя Совещателю внутреннего управления.

С сими словами Верховный Совещатель удалился. Переговоры с Иоанном чрез посредника Филипа истопника ему не нравились.

После удаления вельможи, Филип, утомленный новою должностью, отер пот с лица и сел подле дверей в широкие кресла. Он уже был случайным человеком, а случайный человек как бы ни был туп на понятия, но, стоя выше других, должен же что-нибудь вообразить о себе, вывести из положения своего тьму заключения о своем уме, о своих достоинствах и о своем превосходстве над другими. Кто ж не согласится, что для задумавшегося Филипа о своих достоинствах, вопрос Дворецкого: откуда он родом, и кто его отец? был слишком неприличен, припоминая ему, что отец его был храмовым сторожем, а мать просвиірнею... К счастью звон колокольчика избавил его от обязанности отвечать, и докладчик Иоанна бросился в царскую опочивальню, потом стрелой в сборную палату, и запыхавшись, произнёс отрывистым голосом: где же Доктор?

— Вот три врача, — отвечали посыльные, — все трое приехали они вчерась в Босфоранию, но ни один неизвестен лично Государю Властителю.

— Как зовут их? — спросил Филип; но привыкнув уже к торопливости придворной, он не дождался ответа и сам обратился к ним с тем же вопросом.

Двое из приведенных потомков Гиппократа начали что-то рассуждать на неизвестном Филипу истопнику языке, а язык третьего был ему понятен.

— Как тебя зовут? — повторил Филип.

— Олоф Эмун — отвечал доктор.

Филип отправился к Властителю. Вскоре к Иоанну позвал он Олофа Эмуна. Похожий на дубового Капко-Ороло, любимого слугу глиняного бога Кэрмэта, Эмун покатился по длинному ряду дворцовых покоев, и пыхтя вошел в царскую опочивальню. Там был полусвет. Иоанн сидел подле ложа в глубоких креслах.

Из блистающих светом и драгоценностями покоев, Эмун вошел, как будто под покров ночи. Он приблизился к мраморной статуе, представляющей победителя Востока, Юга и

Запада, и поклонился ей низко.

Неподвижность её и громкий вопрос справа: как тебя зовут? смутили его несколько; но доктор не совсем потерял присутствие духа: он надел очки, осмотрел комнату, отыскал настоящее положение Иоанна, и повторил почтительный поклон, произнеся робко:

— Олаф Эмун. Откуда и давно ли здесь?

— Сего дня только приехал из Холморгуньи — отвечал Эмун уродливым произношением.

— Умеете лечить?

— Все болезни, какие угодно.

— Ложь! Мнимой потомок Эскулапа!

Эмун затрепетал, отступил несколько шагов назад.

— Где у тебя средства против болезни, которой корень скрыт в самом создании человека? Дай мне его! Где у тебя средство против мятежной мысли, которая рождается, чтоб быть мучительницею вечною, мысли, которая есть бессмертный плод смертного? Вынь ее из головы моей своими пальцами, я озолочу тебя! Где у тебя средство против желания? Убей желания, не убив человека, я буду тебе молить-

ся!

Властитель умолк.

Испуганный Эмун стоял, потупив глаза.

— Смотри, чем я болен — умеешь ли ты сократить биенье пульса?

Трепещущий Эмун прикоснулся к пульсу Иоанна; долго думал, хотел что-то говорить — и не смел.

— Не трудись делать своих заключений! Внутренний мой огонь хочешь ты измерить своим холодным правилом? — оно ложно. Твоя помощь нужна мне только для глаз и для груди; у меня болят глаза видишь?.. Дай мне зонтик и примочку....

— Для груди пилюли? — прибавил Доктор.

— Да, утоли этот жар пилюлею! Наведи на меня сон, которой бы уподобился жизни бесчувственного и равнодушного! Ступай, готовь лекарство и будь безвыходно при мне.

— А жена, и дети, Ваше Величество? — спросил. Эмун, низко поклонившись.

— Жена и дети пусть также живут здесь — отвечал Иоанн.

Успокоенный Эмун, на подобных основаниях, готов был вечно сидеть на хребте Кав-

казском возле Прометея и залечивать его раны.

Почти бегом отправился он в сборную палату.

— Кто здесь дежурный по части Медицины? — спросил он с важностью, как уполномоченный Властителем.

— Здесь есть главный придворный медик, — отвечали ему.

— Где он?

— Я — он! — сказал сердито придворный медик.

— А! хорошо; прикажи сей же час позвать ко мне аптекаря.

— Ты здесь не в своей атмосфере! она для тебя вредна, — отвечал придворный Доктор.

— Я умею очищать атмосферу от миазмов! — сказал Эмун надувшись.

— А я умею таким уродам вскрывать череп и очищать мозг! — вскричал придворный медик и вышел из сборной палаты.

Терпеливый Эмун отправился к своему семейству в гостиницу. Там, в несколько мгновений приготовил он примочку, зонтик, пилюли, и сделал нужные распоряжения для пе-

реселения во дворец. Жена его, три дочери, два сына и кухарка уложили весь домашний скарб в повозку, приставили к дышлу двух мулов Богемской породы, надели на них шлеи, и двинулись с места.

На древнем языке, который славился чистотой и приятностью, и сохранился до сего времени, как звучный древний отголосок в стенах Тавроменских, дорогой сочиняли они и поверяли друг другу планы для будущей экономии во время роскошной жизни, но дворце.

Между тем Иоанну принесли требуемые им бумаги с собственноручною подписью. Долго занят он был делами; но кончив оные, и отослав Государственный бумажник к первому Верховному Совецателю, потребовал к себе Эмуна.

Эмун представил Иоанну необходимость держать строгую умеренность в пище и питье, и хотел назначить диетный стол; но, к удивлению, его, Иоанн предпочтительно потребовал блюд жирных и раздражительных, и Архипелагского крепкого вина. Не смея противоречить воле Властителя, Доктор заметил

только, что часто в болезнях бывает ложный аппетит, который невозможно отличить от настоящего без особенных и глубоких познаний в медицине.

— Ложный аппетит, — сказал Иоанн, — есть он и для духа! Ненасытное честолюбие стремится в высоту, и что же? Над ним час от часу более и более отверзается беспредельность, а под ним растёт бездна!..

Отрывисто остановив речь свою Иоанн задумался.

— Причина ложного аппетита, — продолжал некстати Эмун, — состоит в расслаблении органов, извлекающих соки для питания тела; голод и жажда есть ничто иное, как органическое объяснение потребностей тела; и потому, тело, не удовлетворяясь пищею принятою в желудок, не перестает объяснять свои требования посредством голода и жажды.

Не отвергая решительно мнения Эмуна, Иоанн кончил обед и вышел на набережную галерею, с которой была видна вся пристань Босфоранская. Корабли, как стадо всплывавших на поверхность моря китов, стояли ряда-

ми, а мачты, как лес Озугилы, после двухлетних пожаров, чернелся посреди светлых вод залива. За пристанью гостиные дворцы возвышались посреди садов над правильными рядами строений; они были светлы, как нарисованные на темном грунте близких гор, покрытых лесом. Прямо, за Босфором виден был берег Азии; издали он, казалось, усажен был цветами; но это был не цветник, а фарфоровый увеселительный город, построенный со всем великолепием и причудами вкуса Юглу-чжин-дзан-ю, усаженный рядами тополей и огороженный узорчатыми решёткам.

Босфор был наполнен небольшими судами и лодками, которые беспрестанно перелетали с одного берега на другой. Иоанн приподнял зонтик, и внимательно рассматривал очаровательную природу, украшенную всей роскошью зодчества; можно было подумать, что он искал места, где бы создать еще новое чудо. Попечительный Эмун прервал его, высокие соображения. Уверенный в благотворном действии пилюль своих, как Монголец в могуществе деревянного кумира Юлкурсуна, бога целителя он, упрашивал Иоанна принять

их, и не напрягать очей своих на предметы, в которых ярко отражалось солнце.

— Я сам знаю, что мне опасно, и где необходима осторожность. Если б ты дал мне лекарство, которое наполнило бы чем-нибудь душевную пустоту и осветило бы в глазах моих мир, я был бы тебе благодарен; но, что мне в твоих пилюлях, разрешающих или сжимающих, производящих испарину или закрывающих поры. Однако же, я решаюсь принять твою пилюлю, только в старом вине с берегов Рейна; оно действует на душу.

— В вине? — вскричал удивленный Эмун; но, не смея противоречить Властителю, и зная, что сильный позыв больного на что-нибудь, есть требование самой природы, он покатылся исполнять требование природы. Вскоре предстал он пред Иоанна, как в рыцарские времена мундшенк Германского Императора, с бокалом, на дне которого жили тогда главные удовольствия жизни.

Иоанн наполнил кубок, бросил на дно пилюлю и залпом опорожнил.

— Теперь поедем с тобою по городу. Я не привык сидеть в четырех стенах — они всегда

похожи на темницу.

Повеление Властителя Эмун передал Филипу; от Филипа пронеслось оно как стрела к дневальным; от дневальных, как солнечный луч к главному конюшему; от главного конюшего, как сильный запах, распространилось между кучерами и слугами царскими; и вот, через несколько минут, извещение, что колесница готова, дошло, по тому же пути, подобно Генетайскому отголоску, до слуха царского.

Царский дворецкий подал Иоанну бархатную коронную шапку, накинул на него легкий плащ. Властитель скорыми шагами пошел через ряды покоев дворцовых. В сборной палате сановники и царедворцы ожидали его выхода, и встретили низким поклоном. Но молчание и невнимание было ответом.

У подъезда стояла уже Софийская коляска, запруженная двумя Иэменскими жеребцами, под сбруей, унизанной перлами Бах-арейна. Иоанн сел в коляску, посадил с собою тучного Доктора, и кони белые как снег, и гордые как павлины, запряженные в колесницу Юоны, поднялись на дыбы и пустились по широ-

кой площади.

Равнодушный к приветствиям и восклицаниям народа, Иоанн пронесся по Серальской улице, выехал на набережную, и мимо дома Сбигора-Свида велел ехать тише.

Слухи о событиях во дворце еще больше увеличили вообще любопытство видеть Иоанна.

— Смотри, сын Эскулапа! — вскричал он, приподнимая зонтик и обратив взоры на балкон, на котором стояла Клавдиана, — смотри, вот лекарство от всех болезней! Смотри на эти глаза!

Но незамечательный и равнодушный всему прекрасному в природе, Эмун думал только о глазах Иоанна. Он заботливо взглянул на них, и заметив пылающие взоры, принял их за воспаление, и советовал Иоанну не смотреть на свет.

— Молчи, сова! — отвечал Иоанн, проезжая мимо Клавдианы и не сводя с нее очей.

Все заметили внимание Властителя к дочери Сбигора. Черные глаза его показались всем красными и больными, перемена в лицо также была замечена; и тогда, как он был уже

во дворце, прогнал от себя своего нового медика, предлагавшего ему пилюлю, и погрузился в то состояние, в котором ленивый Эндимион желал пробыть несколько столетий, весь город был уже в движении, переноса с одного конца на другой новость, от которой зависело столько перемен.

В тот же еще день мелкие души, как крылатые насекомые, слетелись жечь крылья свои на свет Сбигорова дома, который был освещен несравненно ярче обыкновенного.

VI

Между тем, как Иоанн, к удивлению, всей Босфорании, совершенно переменяет образ своей жизни, а к удивлению, попечительного Эмуна запивает лекарственные пилюли масляным вином Критским, резким Цоллернским, пенистым Лианским, и другими слезами винограда, которого первородные кисти, на высотах Карк-Уры, были причиною возрождения греха после Всемирного потопа, летопись обращает внимание наше на один из небольших Архипелагских островов.

Повторим слова предания.

Несколько веков спустя после того времени, когда на всем земном шаре было только еще два человека, Цитерея, дочь Владетеля одного большого острова на Средиземном море, — но не того острова, который отделял сие море от Атлантиды, обратившейся в последствии в Ливийские песчаные волны, — влюбилась в сына пастуха златорунных овец отца своего. Хотя в то время красота пастухов считалась еще лучшею и самую правильною красотою; но всякий, одаренный способностями человеческими, может предвидеть все препятствия и горе, которым подвергается дева высокой породы, жертвуя сердцем своим породе происшедшей от Зулоса.

Ничто не могло бы быть ужаснее печали Цитереи, если б решительность не превышала в ней обдуманности.

Когда человеческий род был еще младенцем, тогда и женщины были немного проще, доверчивее и добрее нежели теперь. Тогда голос природы был в них повелительнее, кровь 30-ю градусами горячее; и потому сын пастуха, встретив Цитерею в заповедных лугах, сказал ей:

— Пойдем со мною в Альмовую рощу!

— Нельзя! — отвечала она. — Я Царевна, а ты пастух.

— Ну, так поедем на другой остров, там я и сам буду Царем!

— Хорошо! — произнесла Цитерея, и пошла приготовляться в дорогу.

Между тем любимец её соорудил Ладью в четыре шага длиною и в полтора шириною. Когда все было готово, Царевна оставила дом родительский. При сиянии полной луны вышла на берег; сердце её сжалось, она вздохнула, уронила несколько слёз на песок, на мелкие камни, на раковины, и вступила в ладью. Кормчий отчалил от берега и пустился стрелою в море. Вскоре он устал, опустил весла и стал смотреть на Цитерею, которая задумавшись сидела против него. Как единственный попечитель, который остался ей на земли, он поставил себе обязанность утешить, успокоить Цитерею, сел подле неё, вздохнул и не мог говорить. В это время челнок колыхнулся; Цитерея вскрикнула, и испуганная, невольно прижалась к своему любимцу, а он невольно сжал ее в своих объятиях.

Как хорош был тогда мир, когда всеми действиями человека располагала сама природа!

Погрузившись таким образом в сладостную забывчивость, они не хотели уже выходить из этой бездны блаженства. Челноком взялся править ветер, всегда готовый исполнять сию обязанность, если кто имеет к нему полную доверчивость. Счастливицы утопали в море восторгов, не заботясь о том, что есть возможность утонуть и в Средиземном море.

В один прекрасный день, солнце точно также светило, как и в первый день от создания мира. Цитерея и единственный её попечитель, сидели друг подле друга и ласкали двух голубков, воспитанников Царевны, не забытых дома; вдруг, неизвестно с когортой стороны, налетели тучи, небо покрылось грозю, ветер заревел, челнок заколыхался.

Ни один из древних поэтов не взялся бы описать того ужаса, в котором тогда была Цитерея.

Как ни велик был страх Царевны, но её жестокий любимец не хотел разделить его с нею, вопреки закону любви: все пополам. Однако же он готов был выскочить из ладьи,

чтоб бороться с разъяренными волнами, которые осмеливались прикасаться к Цитереи. Положение её было точно горестно: кроме крупных капель проливного дождя, на грудь её падали и крупные слезы раскаяния. Но все прошло благополучно. Небо прояснилось, солнце ярко загорелось, и скоро осушило и платье, и слезы Цитереи.

Испытав один раз опасность, мы уже начинаем предвидеть опасность; и потому влюбленные мореплаватели положили на совете своем искать пристани. Они заметили наконец, сколь неосновательно положение их, и как неудовлетворительно то, что любовь называет: все в мире.

Без счастья и без предопределения, не скоро достигли бы они до берега; но судьба заботилась об них, как волчица об Ромуле и Реме. Очень неудивительно, что вскоре земля представилась их взорам, а волны морские принесли утлый челнок не к скалам, о который бы он мог разбиться, а к пристани удобной и закрытой от всех неблагоприятных ветров Средиземного моря. Приближаясь к берегу, в изъявление радости и примирения с

судьбою, они обняли друг друга и пустили на волю эмблему любви. Голуби быстро понеслись в глубину цветущего острова и не возвратились.

— Я здесь Царь! сказал гордо юноша. Цитерея сплела венок и надела ему на голову; а он, поцеловав ее объявил торжественно всему острову, что она Царица земли Цитеры.

Прекрасный грот порфировой скалы, осененный миртами, оливами, финиками и лаврами, был избран столицей нового царства.

Вскоре мудрые подвиги и труды любимца Цитереи были, как должно полагать, причиною огромного населения необитаемого острова. Ясон, торговавший Колхидскою шерстью, первый посетил остров.

— Как называется ваше земля? — спросил он у сбежавшегося народа.

— Цитера — отвечали ему несколько сот голосов.

— Кто ваш Царь?

— Наш отец.

Ясон нисколько не удивился этому ответу, ибо все Аргонавты, бывшие с ним в экспедиции, были также родные его дети.

Далее невозможно было развернуть свитка, на котором были начертаны предания о острове Цитере. Пропустив несколько десятков, сот, тысяч или миллионов столетий, пролетевших не только над Цитерою, но и над всем земным шаром, подобно туче саранчи, оставляющей повсюду, следом своим, одно истребление, мы обратимся к тому времени, в котором с воображения снова снимаются окоры, и оно одно делается всему владыкою.

После перемен, которые, в продолжение всех вышеозначенных столетий, претерпел земной шар, от землетрясений, от наводнений, и от влияний на него соседственных миров, а более от своенравия его населения, ничем не довольного и желающего преобразовать все по-своему, остров Цитера также изменился. Кто видел Ивельлину в молодости и встретил в Старости, тот может спросить себя: неужели и девственная красота мира также потухнет, как твои ланиты, красавица, которой я дивился? Неужели и под твоим цветным поясом, верная спутница солнца, охладет внутренний жар, как в отжившем

сердце Ивельлины? Неужели ослабеет и твой голос, природа? Побелеют и твои золотые локонь, божество Пророка Бактрианы и Фарсисов?

* * *

Когда Властитель Иоанн разбил Флот Эола и взял в плен всех крылатых нимф его, Цитера, насиженное гнездо Пиратов, было забыто. Как Феникс, Нереиды возродились снова. Имя Эола снова загредело на морях, но Иоанн был уже за морем, как выражались жители холодных степей и лесов; он путешествовал, а без него никто не решился на подвиг, который мог бы снова вернуть свободу морям и спокойствие берегам их.

Хотя остров Цитера в новые времена не столь уже был привлекателен, как в те времена, когда корабль Арго, построенный из лесов Додоны, приставал к нему, но нельзя было бы не отдать справедливости тому, кто выбрал сей остров для надежного прибежища и спокойного местопребывания. Остров был неприступен, как небо для нераскаянного грешника. Клятва Эола, что он обратит весь остров в Вулкан, если законная сила овладеет

им, подкрепляла общее мнение, что подземелья острова наполнены пороховыми бочками, а пристань защищена как Олимп от нападений Тифона.

Широкая равнина простиралась от набережного возвышения до ската гор, усеянного холмами, покрытыми кустарником, плодородными деревьями и изредка высокими тополями. За деревьями были видны строения, как загородные дома в садах роскошной Смирны. За крайним возвышенным холмом, в выдавшейся скале, был грот, называвшийся гротом Царицы. Над скалою, озиравшею весь остров, была укрепленная башня, в раде тех, которые Вобан поместил в первую свою систему укреплений; она служила маяком во время ночи и сторожевым оком во время дня, чтоб на остров не залетели чужие птицы.

На третий год после несчастного побоища близ Олинта, в начале весны, Эол отправил всех Нимф своих искать приключений и добычи к южным берегам Средиземного моря и в Восточный Океан, а сам пустился, по выражению его, собирать слухи.

Остров опустел; остались только стороже-

вые, и семейства пиратов, которые хотя были врагами законов, власти освященной и блага общего, но имели также свои обязанности и в своем кругу также понимали и испытывали чувства сродные человеку. Они знали дружбу, любовь, сожаление и родство; но сии священные зависимости были для них мгновенны; ибо беспокойный дух, как, большой страдалец, искал только средств к утолению боли, а не к возвращению прочного здоровья.

Подле крайнего холма, почти под навесом скалы, где был грот Царицы, осененный деревьями и кустарником, стоял дом Эола; в нем жила старая женщина, которую почитали матерью Эола; восьмилетняя девочка, которую называли его Дочерью, и девушка шестнадцати лет, с задумчивой наружностью и иногда с слезами во взорах.

Черты лица и томные глаза её были столь привлекательны, так отражалась в них душа созданная для любви и для страдания, что кажется ничто в мире не могло бы примирить ее с равнодушием и спокойствием.

Старуха, прикованная бессилием к постели, издавна страдала уже бессонницею, и по-

тому Мери была жертвою её вечного бодрствования. Но время ночей она должна была сидеть подле старухи, слушать усыпительные рассказы её и не спать; а во время дня тешить дремоту её чтением повестей и былей, до которых старуха была охотница.

Однажды, вскоре после отъезда Эолова, около вечера, старуха, обложенная подушками, по обыкновению, лежала. Мери, пользуясь её дремотой, сидела подле окна и склонив голову на руку, смотрела, на синие волны, позолоченные лучами заходящего солнца, и на отдаление моря, в котором белелись паруса плывущего корабля. Маленькая Лена, любившая ее как мать свою, была подле неё и молча вырезывала из бумаги мальчиков.

Забывчивость Мери была нарушена кашлем, предвестником пробуждения старухи.

— Что ты делаешь, Мери! — произнес хриплый голос. — Возьми книгу прочитай что-нибудь.

Иногда горько расстаться с задумчивостью, как с внимательным и снисходительным другом, которому поверяешь свои сокро-

венные чувства. Мери вздохнула, взяла лежавшую на окне книгу, открыла заложенную страницу и стала читать:

— Ты можешь идти, но помни, что счастье заключается в нас самих; если ты отдалишься от самого себя, ты удалишься и от своего счастья.

Не верь глазам своим и слуху своему там, где освещает предметы и говорит про них твое самолюбие.

— Постой, постой, Мери! Это какие-то отеческие наставления; уж я не ребенок слушать их, переверни листочек.

Мери исполнила приказание и читала следующее:

— Он встал вместе с зарею и взошёл...

— Кто он?

— Царь Соломон, — отвечала Мери и стала продолжать:

— Взошёл на холм Мелло, ограждённый кедром. Солнце восходило над Солимом во всем своем блеске и величии.

— Прекрасна и роскошна одежда твоя, солнце! — сказал он. — Благотворны лучи твои, светильник мира! Постоянно течение

твое, источник пламени! Брось же на меня презрительную улыбку! Смотри на блестящую одежду мою, окованную золотом, осыпанную перлами, алмазами, яхонтом и изумрудом! Все блестит, всё горит! Но это твой свет, о солнце! Снисходительно ты, или презираешь, не срывая с меня твой блеск! который в безумной гордости я назвал своим?

Но не гордись же и ты, солнце! Твоя блистательная одежда была бы подобна мраку, если бы на ней не отражались лучи другого светила, другого солнца, более величественного и более благотворного!

И ты, не то море света, в котором плавают вселенная и утопает ум!

И ты, подобно мне, ложный благодетель, раздаватель чужих даров, чужого богатства, всему, что тебя окружает!

Не жалея же, солнце, чужого богатства! Расточай лучи свои, лей на меня больше света, чтоб не сказали вам, что мы живем только для себя!

— Перестань, Мери! Этого я не понимаю. Читай мне какую-нибудь историю.

Перевернув несколько страничек, Мери

снова стала читать:

— Княгиня Ариадна, после смерти мужа своего, Владетеля богатой земли, платившей дань Царю Славянскому, должна была, по законам, в течении года, выбрать мужа из сановников достойных и по породе своей имевших право на верховное Княжение, или лишиться владений и сана, предоставить Вышнему совету выбор Правителя и довольствоваться наследственным замком, находившимся близ столицы в Карпатских горах.

— Что это, быть? — спросила старуха.

— Не знаю, — отвечала Мери.

— Как не знать; про Карпатские горы я слышала; верно быть. Ну!

Но время остановки, листочек в книге перевернулся; Мери не заметила и продолжала:

— Таким образом прошло время траура. Дворец Ариадны открылся для гостей. Праздники, обеды, балы, древние рыцарские турниры, возобновились. В шумных удовольствиях она забыла, что день лишаящий ее всех прав, приближается.

— Какая ветреность! — пробормотала старуха, — да который год был ей?

— Должно думать, что она была очень молода, если так любила удовольствия.

— Что тут думать; чтоб узнать лета, не думают, а смотрят в лицо, да и то не узнаешь: кто даст мне семьдесят второй? А если б прежняя ноги, я сама только и думала бы о пирах, да о гулянье.

Мери продолжала:

— Скромный, молчаливый и любимый всеми Граф Войда, по-видимому, не обратил на себя внимания её. Все, сожалея, забыли его; предметом общего внимания сделались два юноши богатейших и почтенных Фамилий, Олег и Самбор. Они были равны и по достоинствам и по всему, что входит в смесь сравнения людей, особенно таких, которые должны быть светлым центром какой бы то ни было сферы.

Соперничество честолюбия поселило в них пылкую любовь к Ариадне, а любовь к Ариадне поселила соперничество любви. — Страсть не знает снисхождения и уступчивости; и потому Олег дал клятву: что тот, кто будет объявлен Верховным Князем, женихом Ариадны, должен, до венчания, битвою с ним

откупить право, которое внимание Ариадны дает ему на её сердце. Самбор дал точно такую же клятву.

— Вот догулялась! — произнесла старуха. — То-то глупость! Уж приманивать бы так одного; люди не куропатки! Ну, что дальше! Верно, чтоб избежать беды, откажется от княжения.

Мери продолжала:

— Настал роковой день. Советники Княжества, со всеми обычными церемониями объявили Ариадне, что согласно неизменным законам, завтра, то есть по истечении года после смерти Верховного Князя, она должна: или отказаться от права на владение, или объявить народу имя нового Верховного Князя, которого избирает её мудрость и сердце.

— Так и есть! — вскричала опять старуха, — что я сказала, тому и быть! Ну!..

— Как, — произнесла Ариадна, — завтра скучный день законного срока? Я и не думала, чтоб он так скоро подкрался ко мне; но завтра мы об этом и поговорим; а сегодня мне некогда думать о выборах мудрости и сердца; сегодня у меня торжественный обед и ве-

чер, на которых вы, господа советники, также, я уверена, не откажетесь быть?

Советники почтительно поклонились и вышли.

— Кажется судьба предоставляет не сердцу Ариадны, а совету и народу, выбор Верховного Князя, — сказал один из них.

— Тем лучше, — отвечал другой. Выбор сердца редко удачен.

— Очень справедливо, — сказал третий Советник и разговор их прервался молчанием, которое в сем случае было знаком согласия.

— Приковать бы им языки! — захрипела старуха, долго молчавшая и слушавшая внимательно чтение. — И того-то не знают, что человека всегда выбирают по сердцу! Ну!

Мери хотела продолжать, но вдруг раздался звук вестового рога.

— Что это звучит? — спросила старуха.

— Какой-нибудь корабль приближается к острову.

— Посмотри-ка, Мери, в окошко.

— На всех парусах приближается к пристани!

Звук рога повестил еще три раза. Раздался

выстрел; сторож на башне загремел вестовую песню.

— О, да это верно Эол! Сторож играет возвратную! — произнесла старуха, высунувшись из подушек.

Не успела она еще кончить сих слов, Мери не было уже в комнате. Она взбежала на находившийся в близком расстоянии от дома высокий холм, с которого видна была пристань. Взоры Мери устремились на знакомый корабль, вступивший в оную. Грудь Мери взволновалась, в очах заблестали слезы; но лицо её сделалось бледно как воск; казалось, что сердце её готовилось к радостной встрече, а душа к новым огорчениям. Несколько человек спустились с корабля в ладью, приплыли к берегу и пошли по дороге ведущей к дому Эола.

Приблизясь к холму, на котором стояла Мери, они свортели к гроту Царицы. Раздались невнятные слова; но Мери вслушалась в знакомый голос; волнение чувств её усилилось. Невольно скрылась она за куст. Двое из проходящих, в обыкновенной легкой морской одежде, вели кого-то под руки. На неизвест-

ном был накинут черный широкий плащ, а на голове, что-то в роде древнего рыцарского шлема, с опущенным забралом. За ними шел еще один.

— Север! Теперь можно выпустить голову из клетки! Пусть посмотрит на свет да затащется свежим воздухом!

— Хорошо! Пусть позабавится! — отвечал грубым голосом другой, отпирая замок ошейника и снимая с пленника шлем.

Едва Мери взглянула на лицо пленника, чувства ее оставили, она без памяти упала на землю.

КНИГА ВТОРАЯ

Предисловие

На вопрос: каким образом рукопись Мартына Задека перешла ко мне в руки, я должен дать объяснение.

Во время бытности моей в г. Яссах приучил я к себе одного забавного Швейцарца, странствующего пирожника и кондитера. Однажды, опорожнив его корзинку и наслушавшись его горных песен, любопытство заставило меня спросить у него про известного всем столетнего Швейцарского предсказателя Мартына Задека.

— Мартын Цадэк? — вскричал он — ах мой добрый господин, да это мой предок! Я сам называюсь Вернер Цадэк. Мы ведем свое происхождение от Цадэка Мелэха; Цадэк колена Елеазарова, был Первосвященником при Сауле и возвел в царское достоинство Соломона. Потом, один из Цадэков был основателем секты Цадэкеев, противной секте Фарисеев. Он сказал: «не уподобляйся рабам, которые пови-

нуются единственно из страха или награды; будь покорен без видов на выгоды и без надежды на вознаграждение трудов твоих.»

Вот, видите ли, добрый мой Господин, вся наша фамилия следовала этому правилу; и я также: вы приказали мне петь — я пою, нисколько не думая о том, что вы дадите мне по крайней мере один рубль за мои труды. О! Я бы вам рассказал слово в слово, славную историю 3448 года, которую писал Эрнст Родер, по сказаниям Мартына Цадэка, и которая хранится в Золотуре, и известна под названием Рукописи Мартына Цадэка.

Очень понятно, что, я заставил швейцарца Вернера Цадэка рассказывать мне историю 3448 года.

И вот, потомок Саддукея, свято следуя правилу предка делать все без видов и вознаграждений, растянул свои ежедневные рассказы на целый месяц, нисколько не считывая даже того, что его рожки и конфеты во время рассказов, таяли на моем языке и превращались то в рубль, то в башлык, то в крейцер, то в серебряный рубль и даже в махмудий и червонец.

Разумеется, что все рассказанное им не мог я передать слово в слово, ибо язык Вернера Цадэка походил на язык происшедший во время столпотворения и состоял из всех земных наречий. Из рассказов Вернера можно было бы составить несколько десятков томов, но я был столько осторожен, что выкинул из общей связи главного события 3448 года тьму вставок подобных пустой несвязной повести о Ариадне, которую читает Мери.

Вельтман.

Часть четвертая

*Предрассудки есть пища рассудка.
Чтоб знать, что должно делать,
прежде должно знать, чего не должно
делать.*

VII

Прошло несколько дней. Иоанна никто не видел, кроме доктора Эмуна и Филипа истопника.

Но в один из торжественных дней, в которые Иоанн имел обыкновение осматривать полки свои, Воевода охранных полков прика-

зал доложить Властителю о готовности войск к смотру.

— Смотреть войска буду! — сказал он.

Когда узнали в Сборной палате намерение Властителя быть на смотре войске, толпы придворных взволновались и устроились для встречи его.

Только Блюститель Босфорании был одинаков во всякое время года. Он обладал твёрдостью и правотою души, не боялся туч, ибо знал, что громы и молнии столь же необходимы для природы, сколько страх и надежда для человека.

Иоанн вышел.

Он остановился посреди палаты, видя, что длинный ряд дневальных от всех охранных полков, по, обыкновению двинулся к нему на встречу для представлений.

На глаза Иоанна был надвинут зонтик, который скрывал лицо его.

— Все, все в нем переменилось! — сказал тихо Князь Любор Блюстителю Босфорании. — Я начинаю соглашаться с мнением придворного доктора. Сравните настоящего Иоанна с прежним. Он как будто нас не узна-

ет. Смотрите, как остановился он, и ни слова дневальным, старшинам и сотникам, которые являются ему.

Блюститель молчал на замечания Князя Любора.

Когда дневальные представились, он подошёл к Иоанну и донес о благосостоянии Босфорании. После него придворный представитель приблизился и произнес:

— Правители трех областей просят о позволении представиться Государю Властителю!

— Зачем? — произнес отрывисто Иоанн.

— У него как будто чужой голос! — тихо сказал Любор Блюстителю.

Правитель области Горской подошёл к Иоанну:

— Народ поручил мне сказать: «Властителя мы почитаем как солнце, без которого темна была бы страна наша!»

Вслед за ним, подошёл правитель области Западной.

— Любовию и верностию ищем любви и покровя твоего, Властитель!

Наконец правитель Северной области про-

изнес;

— В деснице Властителя Иоанна, благо народа области Северной!

— Зачем? — проговорил Иоанн.

— По твоему приказу, Властитель! — отвечали правители.

— Да... — произнес Иоанн, как будто вспомнив что-то; и пошел к выходу. Иэменской жеребец стоял уже подле крыльца; широкая грудь его вздулась, глаза сверкали; встряхнув головою и брызнув белую пеной, он взвился под Иоанном, когда золотая шпора дотронулась до щекотливого ребра его.

Ряды охранных полков тянулись по площади, как металлические зубчатые стены древнего Вавилона.

Молча подъехал Иоанн к воинам. Громкое воинское приветствие пронеслось по рядам.

— Лучше было бы узнать нам друг друга в битве! — произнес Иоанн.

Эти слова коснулись до слуха приближенных к Иоанну, и как эхо отозвались по всему войску.

Необузданная радость взволновала всех.

— Дай нам войну, Властитель! Дай нам

врагов! — раздалось в рядах.

Иоанн казалось не ожидал подобных последствий от слов своих; но улыбку его все заметили. Молча объехал он ряды войск, и окинув ещё раз огненным взором полки, поскакал мимо дома Сбигора-Свида к дворцу.

Молва о словах Иоанна, произнесенных во время смотря охранных полков, переносилась уже из уст в уста, по всей Босфорании. Все взволновалось. Народ ходил по улицам, как будто лишенный уже спокойствия. Везде повторялось слово война все допрашивали друг друга: с кем? За что?

Люди, с раздраженным сердцем и неспокойною душою, ненавидящие тишину, радовались как духи тьмы падению человека.

— Столько десятков лет всеобщего мира! Что это за безжизненность! Кровь зацвела! Душа на дно осела! Пора взболтать! — восклицали они, и молодежь, у которой в голове настал уже новый век рыцарства, загремела оружием. Много прошло лет, но время которых доспехи воинские служили единственно для украшения стен, или хранились в воспоминание подвигов, современники коих не

дышали уже ни злобою, ни любовью к себе подобным. Сорвав оружие со стен, юноши стали чистить его и острить.

Но мирные граждане и женщины с слезами внимали печальной новости. Все ужасы войны представились их воображению, а рассказы до того довели его, что многим представлялся уже неприятель, стук оружия и жертвы войны, плавающие в крови.

Между тем Иоанн возвратился во дворец. В сборной палате также начались толки. Рассеянные по всему пространству залы царедворцы и сановники сходились в отдельные кружки; казалось, что хаос стал разделяться и миры образовались. Каждая отдельная сфера имела свое солнце, которое разливало свет своих понятий и свои мнения на окружающих спутников своих. Люди тонкие и проницательные, от которых не укрывалось ни одно помышление Царя, ни один предмет тайных Государственных совещаний, предсказывали близкую, неизбежную войну, но не говорили с кем, хотя по всем чертам лица можно было заметить, что тайна вполне им известна.

Но всего любопытнее было слушать суждения некоторых светил ума и придворной прозорливости, которые, как кометы ходили по палате отдельно, и иногда только, приближаясь к какой-нибудь сфере, нарушали, важностью своею и силою слов, направление понятий её и мнений.

— Не предприятие ли изгнать Османов из Ливии, и очистить берег Восточного моря от глупых и бесполезных манжур и китайцев? — говорили догадливые.

— Может быть! — отвечали другие. — Но прежде должно подумать: куда выгнать их?

— Пустопорожней земли на полюсах еще довольно!

— Мало-ли необитаемых островов!

— Изобилующих землею и небом? Очень много! — прибавляли третьи.

Вошедший Верховный Попечитель просвещения, человек преклонных лет, в чертах которого выражалась чистая душа, а в очах светила мудрость, прервал общие суждения. По докладу об нем, к удивлению всех, он был призван к Иоанну.

Властитель сидел в трудовом покое, перед

круглым столом, в широких креслах, которые имели с боков откидные шкапики с полками, уставленными книгами. На надписях было видно: законы неизменные; уставы, или законы временные; определения случайные.

В комнате было пасмурно; занавесы были опущены; пред Иоанном стоял золотой кубок, как калицея, из которой пил сам Бахус, но время битвы с Гадаеном, Царем Индии.

— Что? — произнес отрывисто Иоанн, когда вошел Верховный Попечитель просвещения. После должных приветствий, Попечитель положил на стол свой бумажник и вынул из одного толстую тетрадь.

— Вот, Государь, предположение о некоторых преобразованиях по вверенной мне части.

— Ну?

Попечитель стал читать:

— Так как от истинных забот государства о первоначальном образовании сынов своих зависит единодушие их, единомыслие, любовь к власти попечительной о благе общем, любовь к отечеству и направление к одной цели, состоящей в силе, славе и спокойствии

общем, то...

— То рассказать мне все вкратце! — прервал его Иоанн.

— Основные мысли принадлежат вам, Государь; я только распространил их для распоряжений. Вот собственноручная записка Властителя.

— Ну?

Попечитель читал:

1). Учредить Цензоров образования.

2). В учебных заведениях начинать учить сначала, т. е. не с азбуки, а с понятий предуготовительных о человеке и отношениях его к существу Всевышнему и к себе подобным. Понятия сии должны внушаться словесно. Для сего учредить основных учителей. Занимательными, лёгкими, рассказами они поселят в детях основание нравственности и любопытство к учению. Зная цель, всякий охотнее идет к ней.

3). Наблюдать, строгую справедливость и соразмерность в наградах и наказаниях.

Постепенность наград, от чувственных к нравственным.

Постепенность наказаний, от нравствен-

ных к телесным.

4). Разделять воспитанников на гениальных, полезных и обыкновенных. Учение для них различно: Где более доброй воли, там должно быть обращено более внимания.

Гениальных переводить в особенное заведение, где образование должно клониться к предмету главной их склонности.

5). Подтвердить, чтобы в учебных заведениях девиц, занимались более образованием сердца и рукодельями свойственными женскому полу, а не утонченною подробностью науки; ибо ученая жена похожа на древнего Оракула, который говорит чужие мысли, языком непонятным, и сверх того, ни один еще народ, от создания мира, не нуждался в физиках, механиках, умствователях и авторах женского пола, а все вообще народы нуждались в добрых и благовоспитанных женах и матерях семейств.

— Вот, Государь, статьи, изложенные в проекте с подробностью и с распоряжениями по всем отраслям просвещения.

— Хорошо — отвечал Иоанн — я их рассмотрю сам.

— Теперь указ по части хозяйственной...

— Ну?

— По собственноручной же записке Вашего Величества.

— Какой?

— Вот она.

— Ну!

Попечитель просвещения читал:

1). Из всех сумм, назначенных на издержки, не осмеливаться делать щепетильной экономии, на счет выгод и удобств заведения.

2). Так как служба отечеству есть долг каждого в отношении своих сограждан; а жалованье не есть награда, даруемое Государством средство к приличному содержанию служащего; то, имеющий состояние, приносящее доходу более 4000 слав, не получает жалованья, а служит по желанию, по долгу и чести. Ибо, дачею денег тем, кои, в сущности, не нуждаются в них, государство истощает способности свои, для поддержания тех из сынов своих, которые принося способностями своими видимую пользу, требуют забот о удовлетворении их потребностей....

— Конец-ли? — спросил Иоанн с нетерпе-

нием.

Попечитель просвещения остановился, посмотрел на Иоанна с невольным удивлением и произнес почтительно:

— Конец всему там, где угодно Властителю!

— Хорошо, на этот раз пусть будет конец здесь! — сказал Иоанн и поднес кружку к устам своим, как обрученный с Царицею Метеей.

— Вот список всем способнейшим и образованнейшим воспитанникам Босфоранских учебных заведений, готовым к выпуску. Властитель приказал представить их к себе; они в Сборной палате...

— В другой раз!

— Но они готовы к отправлению, по приказанию Вашему, Государь; угодно ли будет отправить их без царского совета и милости?

— Отправить! — вскричал Иоанн, и поставил на стол золотой кубок, так, что Лоригартен хлынул пенистой струей кверху, и как выброшенная на берег волна прокатился по проекту и по всем докладам Верховного попечителя просвещения.

— Что прикажете, Государь, делать с этими бумагами? — спросил он у Иоанна.

— Высушить! — отвечал Иоанн и встал со стула.

Смущенный Попечитель просвещения собрал бумаги и удалился.

VIII

— Совсем другой человек! — произнес Попечитель просвещения, входя в Сборную палату.

Его обступили и закидали вопросами.

— Иоанн переродился! — продолжал он. — Вот решение на все мои представления.

— Что это значит? Бумаги облиты? — вскричали все.

— Клянусь, что это *Dahlia coccinea tinctoria*, прописанная шарлатаном; это просто яд в настоящем положении Властителя! — сказал важно придворный врач.

— Питомцы царские напрасно ждут его выхода и той минуты, в которую они надеялись сказать благодарность отцу их Иоанну, — продолжал Попечитель просвещения, — мои слова не заменят им слов и милостей Властителя, но совет мой будет также ис-

кренен, как его!

С сими словами почтенный старец подошёл к пятнадцати юношам.

— Друзья мои! — произнёс он, — Государь Властитель по причине болезни своей поручил мне благословить отъезд ваш на службу. Скоро будете вы членами союза народного. Не забывайте попечения и любви нашей, и передайте потомству добрые внушения, в той же чистоте, в которой сами вы от нас их получили! Вот завещание вам от имени Царя, и вместе от Попечителя, друга вашего!

Старец прослезился, юноши окружили его. В полных жизни, слезы не могли нарушить румянца; но горесть их была искренна, слезы горячи.

— Откройте душу нашу Царю и отцу нашему! — сказал один из них; все повторили.

— Вы знаете чувства наши, потому, что вы их поселили в нас!

Они бросились к Попечителю, который обнял и благословил каждого.

Трогательная картина ИСТИННЫХ чувств извлекла слезы у всех присутствовавших в Сборной палате, но она были еще прекраснее,

когда сам Властитель обнимал питомцев своих и завещал им просто:

— Живите на радость себе и другим!

Велик и полон был смысл этих слов.

Когда Верховный Попечители просвещения удалился, в Сборной палате опять все пришло в прежнее положение постоянного и терпеливого ожидания. Это положение грустно, но горделивые надежды освещали пред каждым путь, по которому он предназначил себе идти, хотя цель каждого столь же была неопределенна, как направление корабля во время бури. Целая вечность вперед была полна уже сими надеждами и все пространство будущего занято; всякий жертвовал последними своими способами и силою, для того единственно, чтоб взять как можно более билетов на сию великую лотерею, хотя выигрыш был также сомнителен, как предсказанное рождение в солнечной системе нового солнца.

Правители областей нетерпеливо ожидали призвания к Властителю.

Первая встреча не предвещала добра, а цель вызова, их в столицу ещё не объясни-

лась.

Правитель внутренних дел ожидал также минуты, в которую Иоанн позовет его к себе; он привык в известный день недели, считать себя правою рукою Властителя; и потому трудно было ему не потерять терпения, зная, что царская заботливость Иоанна и важность дел государственных, взвешивают время не на золото, а на благо всего человечества; ибо Иоанн сказал: благо последнего из подданных моих для меня дороже собственного спокойствия.

Пользуясь всегда доверенностью Царя и позволением входить к нему, в случаях особенных без доклада, он, не смотря на черную немочь, коей был подвержен Иоанн, по словам придворного врача, решился войти к нему без предуведомления. «Где польза общая и служба дорожат мгновениями, там не выжидаю я счастливых предзнаменований» — так думал Правитель внутренних дел и стоял уже пред Иоанном, хотя царский дворецкий и главный дворцовый истопник Филип употребили все красноречие и убеждения свои, чтоб представить ему то неудоволь-

ствие, которому он может себя подвергнуть.

— Кто? — раздался опять голос Иоанна, когда отворились двери и Автомат Пан, стоявший у дверей, издал несколько звуков на сиринксе.

— Правитель внутренних дел, Государь Властитель! Договорное собрание ожидает уже условий, которые Государю угодно будет назначить для всех государственных подрядов.

Иоанн после долгого молчания спросил:

— Заготовлены ли условия?

— Вы, Государь, изволили сказать, что сами определите их; и для сего назначили день собрания главных членов внутренней и внешней торговли.

— Условия останутся прежние.

— Для подрядов внутренних?

— Да.

— А с иноземными купцами?

— Также.

— Государь! — возразил Правитель Внутренних дел, и хотел продолжать, но Иоанн прервал его резким словом:

— Кончено!

— Как Вам угодно, Государь, но я знаю только то, что большая часть торговли нашей в последнее трехлетие перенеслась с Запада на Восток; и потому условия одной части света с условиями другой не могут быть одни и те же!

Иоанн показал Правителю двери; и этот знак был страшнее слов исступленного. Правитель внутренних дел скорыми шагами прошел чрез сборную палату и удалился; но все заметили смущенный вид его, и догадались о причине. Подозревая неудачный опыт входа к Властителю без доклада, никто не хотел испытывать своего счастья.

Мнение придворного медика о болезни черная немочь, более и более подтверждалось. Столько примеров странностей, не собственных Иоанну, заставили ввериться в рассказы придворного доктора.

— В эти дни, — говорил он, — человек исполнен ужасом и ненавистью ко всему. Его ум, чувства и ощущения его, противоречат ему во всем. Понятия его не могут отделить добра от зла; и эта невозможность томит, мучит его. Но время дня, он видит присутствие

ночи; в мраке, тревожат его видения светлые как день. То считает он повсюду лишним самого себя; то весь видимый мир кажется ему лишним и возмущающим беседу его с самим собою. То гонит он настоящее время, как несносную скуку, как препятствие, задерживающее соединение его с счастьем; то дорожит каждым мгновением, как благом о котором в последствии он будет жалеть, и которого ничто уже не заменит ему. Дух его ищет во всем тишины и согласия, а сам он в постоянной борьбе с обстоятельствами и мнениями.

Вот в каком положении теперь Иоанн; шарлатан может обратить болезнь его в иступление; и тогда нет спасения и для нас: душа, алчущая теперь огорчений и печали, тогда будет алкать крови!

Последние слова придворный Доктор произнес так, что ужас обнял всех внимавших ему, и всем представились уже иступленный Иоанн и казни.

Мысль сия, родившаяся в одной голове, заразила всех, и как язва разнеслась до Босфорани.

Увлеченные общим ужасом, Верховный

Попечитель просвещения и Правитель внутренних государственных дел, невольно подтверждали уже страшные понятия о непонятных словах, о суровом голосе и о пламенеющих очах Иоанна.

После подобных рассказов первых сановников, приближенных к Царю и любимых им, не оставалось ни малейшего уже сомнения, что черная немочь овладела Иоанном, и что должно ожидать последствий самых ужасных.

Какое-то уныние распространилось по городу; улицы опустели, живость общего движения исчезла; рассказы о событиях последних дней переходили из уст в уста, плодились и росли, как волшебные чудовища.

Почти искорененные временем и образованием, понятий, предрассудки, как будто ожили снова в народе.

Доктора Эмуна, неизвестно от куда приехавшего и внезапно призванного к Иоанну, считали нечистым духом, домовым чертогов. Про него рассказывали чудеса. Природное безобразие его украсилось вымыслами устрашённого воображения.

Появившаяся на восточном небе комета, также не могла пройти без того, чтоб не иметь влияния на государственные дела. Спорить против этого, и опровергать зависимость земных событий, от комет, стало считаться противоречием здравому рассудку; подобное мнение согласно было с Знакозмом насмешливого Абдерита, который веря совокуплению атомов, плавающих в пустоте вселенной и рождению от них четырех стихий, сказал:

— Как комета, светило огромное, особа важная во вселенной, редкость и чудо для планет и звезд, черни небесной, производит в них появлением своим перевероты необыкновенные, так и великий Ксеркс, проходя чрез Фракию на мятежных греков, возмутил тишину Абдер и поселил в смиренных жителях оногo волнение, замирание сердца и удивление к своему могуществу, славе и блеску.

После подобных доводов, Астрономам Босфоранским оставалось узнать: какого свойства проходящая комета? Не проходила ли она близ земного шара в прежняя времена? И

потом уже сделать надлежащий вывод: какие следствия могут произойти от влияния её на землю? По сходству времен, прежде всего приступили они к изысканиям летописей и преданий, из коих бы можно было видеть, что пред изменением нрава Царя Грозного, проходила над царством его комета.

Между тем как Астрономы занялись вычислениями о комете, другие, не менее важные явления, предвестники худа, также не были забыты: слухи носились, что несколько уже ночей сряду, на куполе Собора, огромный филин, хлопая пестрыми крыльями и огненными глазами, кричит и стонет не своим голосом; что на небе, ровно в полночь, показывались разные видения, столбы, кресты, секиры, драконы и кровавые струи.

Словом, по одному подобному дню общих смятений, можно было предсказать, что пред-рассудки, чудовища, рождаемые испуганным воображением человека, бессмертны.

Сборная палата, заманчивое поприще, в котором для честолюбия воздух был чище и здоровее, нежели на холме Альилель посреди Эйрена, опустела. Даже придворный доктор,

удостоверенный в своих заключениях о роде болезни Иоанновой, всеобщим отголоском собственных своих же слов, удалился домой исследовать подробнейшим образом причины болезни и разные виды, и свойства оной.

Таким образом прошли несколько дней; течение государственных дел остановилось.

Первый Верховный, Действительный Совецатель предложил уже в собрании совета, что для избежания в управлении беспорядков, которые и самое время с трудом исправит, вести ход дел, до выздоровления Властителя, по определениям чрезвычайных собраний Верховного совета.

Составленный доклад по сему случаю, подписывался уже всеми членами, как вдруг явился дворцовый дневальный и объявил Первому Верховному Совецателю, что Властитель Иоанн требует его к себе.

Внезапный призыв к Царю поразил Верховного Совецателя ужасом; мысли его остановились на обезглавленном любимце Грозного; но он собрался с духом и предстал пред Иоанном, с готовностью на смерть.

— Садитесь! — сказал ему Иоанн. Здорова

ли дочь ваша?

— Какая, Государь?

— Дочь Ваша!

— Дочь моя? Я полагаю... но уже более месяца, как не получал от нее известий из Пелопонеза.

— Да... а другая?

«Другая?» — думал Верховный Советатель.

— Другая, Государь? — произнёс он, наполняясь мыслию о болезни Иоанна.

— Другая, — повторил Властитель.

«Другая?» — повторил мысленно и Советатель.

— Другой у меня нет, Государь.

— Может быть я ошибся, приняв какую-нибудь другую девушку за дочь вашу, но главное не то... Что дела?

— Какие угодно Вашему Величеству? — произнес смущённый сановник.

— Последние мои распоряжения.

— Дело о снаряжении новой экспедиции к южному полюсу?

— Да!

— Совершенно приведено к концу. В Алек-

сандрии, как уже я и имел, счастье докладывать Государю Властителю, вновь изобретенные для сего путешествия зимние суда, уже готовы. От вас, Государь, зависит назначить прощальный день с предприимчивым...

— Для открытий на южный полюс! — перервал Иоанн. — Это было всегда любимым моим предприятием! Давно хотел я на оконечности земной заложить собственными руками новый столп с Геркулесовой надписью, но все воспротивилось мне, и я сам на себя наложил оковы! Теперь остается мне разорвать их!..

Грозно произнёс он последние слова. Верховный Совецатель затрепетал и отступил несколько шагов назад.

— Стой! — продолжал Иоанн. — Чтоб корабли для сей экспедиции были готовы к отплытию по первому моему слову! Иди!

Верховный Совецатель удалился скорыми шагами, как приговоренный к смерти, которому подарили жизнь. Он не понял слов Иоанна, и не желал понимать, ибо считал их следствием болезненного бреда.

Часть пятая

Она бы не знала любви, если б взоры не были проводниками той электрической искры, которая падая на сердце, воспаляют всю кровь.

IX

— Кто ж приехали на остров? Где Мери? — Лена, позови ее!

Засмотрелась на приезжих, да и села на мель! В шестнадцать лет как полумертвая! Вздохи, да задумчивость, а молчалива как рыба! Уж не хочет ли сын навязать себе на шею эту радость. Есть чем утешить старость мою!

Долго бы еще ворчала старуха, но охрипый её голос, сопровождаемый глухим кашлем, вдруг прервался воплем маленькой Лены; она вбежала вся в слезах, бросилась на старуху и закричала:

— Бабушка, бабушка! Мери умерла!

— Что ты, Лена, Бог с тобой! что ты! — едва выговорила испуганная старуха и стала крикаться.

— Умерла, Мери умерла! — продолжала Ле-

на, рыдая. — Там в саду за кустом, умерла, она! Я целовала ее, а она все лежала; я заплакала, а она вздохнула и опять умерла!

Выговорив сии слова, маленькая Лена опять залилась слезами, закрыла руками лицо и побежала вон из комнаты.

— С нами Божья сила! С нами воля небесная! — твердила старуха и силилась подняться с постели; но бессилье не сладило с тяжелою ношею лет.

— Пришел конец мой! — произнесла она, задыхаясь и борясь с подушками, которые завалили ее.

— Здравствуйте! — раздался вдруг громкий голос.

Мужчина средних лет, смуглый собою, в красной куртке, в пестрых волнистых шароварах, перетянутый кожаным желтым поясом, за которым торчали кинжал и пистолет, вошел в комнату.

— Здравствуйте! — повторил он, откидывая назад черные локоны, которые катились на глаза и заслоняли яркие взоры.

— Не помешал ли сладкому сну? — произнес он еще громче, и окинул взорами комна-

ту.

Резкий голос, казалось, вывел старуху из беспамятства; она всмотрелась в пришельца.

— Постой, постой! — вскричала она вдруг, и потом отворотилась и спрятала голову в подушки.

— Что сделалось с нею! — сказал, улыбаясь неизвестный. — Жаль, что нет Эола, принять её благословенье.

— Эол!.. — прохрипела старуха.

— Эол? Его нет, да и не скоро ему приехать!.. Можно и без него умереть!

— Умерла, умерла!.. Да не говорите же ему, что Мери умерла!

— Мери умерла? — вскричал неизвестный, голосом, который воскресил бы покойника.

— Постой... постой! — завопила старуха в беспамятстве.

Неизвестный, как отчаянный бросился вон. Попавшуюся на дворе собаку он швырнул ногою так, что бедное животное перелетело чрез ограду и растянулось на земле с страшным визгом.

— Мери! А я принял сонный бред старухи за правду! — вскричал он, увидя идущую на

встречу ему Мери.

Мери была бледна, следы слез блистали еще на щеках ее. Леночка влекла ее за руку. Услышав голос пришельца, она содрогнулась, подняла голову и остановилась.

— Здравствуй, Мери! — сказал неизвестный, стараясь смягчить голос, который не привык к ласковым словам, и взяв руку Мери.

— Ждала ли ты Севера?

Мери вырвала руку свою.

— Где Эол? — спросила она, взглянув неизвестному прямо в глаза.

— Приказал тебе жить долго и радостно, а меня сделал своим наследником! И то и другое к лучшему! Милая!

— Прочь от меня!

— Прочь от тебя не я, а грусть и печаль об Эоле! У Севера, милая, есть для тебя горячее сердце!

— Прочь, злодей!

— Злодей? А, так я по-злодейски тебя и обниму!

С сими словами бросился он к Мери, но Лена вскрикнула, а Мери вырвалась из рук Севера и вбежала в дом.

— Еще успеем примириться, девушка! — ворчал сквозь зубы озлобленный Север, закручивая длинные черные как смоль усы, и следуя глазами за Мери. — Успеем, милая!

Простояв несколько минут в одном положении, он вдруг вскинул голову, поправил бархатную красную шапку, и пошел медленными шагами по дорожке, которая вилась между холмами и строениями.

Мери и Лена вошли в комнату. Старуха лежала еще без памяти. Лена подбежала к ней, и толкая ее кричала, что Мери жива.

— Что? — произнесла наконец старуха, очнувшись.

— Бабушка, вот Мери, посмотри сама!

— Ух! Владыко земных и небесных сил! — прошептала наконец старуха. После долгого кашля, она протерла глаза, приподнялась, и осмотрела все кругом себя.

— Что за странный сон! Мери, а Мери?

Мери подошла к ней.

— Посмотри в соннике, что значит слышать во сне про мертвеца? Да и Севера я как наяву видела!

Мери взяла книгу, но видя, что старуха

опять забылась, села и углу комнаты и закрыла лицо руками. Лена приютилась к ней, и обернув палочку в цветной лоскуток, показывала свое создание Мери, отдергивая руки её от лица.

Но старуха очнулась снова; осмотрела опять Мери, комнату, все предметы, окружающие ее, и как будто утвердившись в порядке, к которому все чувства её привыкли, она повторила приказание посмотреть в сонник: что значит слышать во сне про мертвого?

— Быть морозу, — отвечала невнимательно Мери.

— Что ты, Мери!.. это бред... посреди горячего лета... пустыня здесь, что ли?

— Так в книге сказано.

— И книги как люди стали лгать! Впрочем, Бог ведает... говорят, что в последние веки вся земля замерзнет и людям нигде не будет пристанища!..

После столь горестной мысли, старуха замолкла; только один шепот её напоминал, что она не спит. Мери также молчала, но это молчание было бы горько для каждого, кто взглянул бы в это мгновение на Мери.

Грудь её стеснилась, дыхание было скоро, лицо бледно, голова приклонилась, руки были сжаты, из закрытых очей катились слезы, как в гротах Турских — капли воды, которые цедились некогда сквозь своды, стекали по белому мрамору, падали на землю, и уподоблялись, то искрам алмазов, то тусклой белизне перлов.

Лена сидела подле нее; она перестала вырезывать мальчиков и убирать куклу; она также задумалась, взглядывала часто на Мери, вздыхала также глубоко, как и она, и говорила ей тихо:

— Не плачь, Мери! а не то и я заплачу! Бабушка рассердится!

Мери схватила доброго ребенка на руки:

— Чья душа в тебе, малое дитя?.. Черты твои слишком мне знакомы, но чья душа в тебе?

Слезы заструились из очей её; Лена также заплакала. Она прижалась к груди Мери и стеснила вздохи и рыдания свои, боясь, чтоб не заметила их старуха; но она уже вслушалась.

— Что вы говорите там?.. Что ты рассказы-

ваешь, Мери?

— Ничего.

— Лучше бы ты взяла книгу с притчами, да читала мне. Садись подле.

Для Мери легче было бы слышать в эту минуту приговор к смерти; она готова была бы скрыться под мрачные своды неисходимой темницы, чтоб только быть одной, не удерживать слез своих и не скрывать горесть свою; но зависимость есть благо для слабых. Мери должна была рассеять по крайней мере признаки печали и исполнить волю старухи.

Она взяла книгу, развернула без внимания и стала читать:

— Долго ходил он по комнате, оглядывая все внимательно. Нетерпение его дошло до высочайшей степени.

— Здесь нет! — произнес он, и пожал плечами. После долгого размышления он бросился по всем ящикам, но напрасно. — Нет! — вскричал он горестно.

Тщетные поиски в комнате и в целом доме изнурили его. Скорыми шагами пошел он в сад, и выбрав самое высокое дерево, стоявшее на холме, взлез на него и окинул взорами всю

окрестность. И там нет! Вышел в калитку, в поле, пробежал по всем тропинкам и по дороге, ведущей к мельнице, осмотрел все кусты и разрыл ногою все кучки, насыпанные кротами.

— И тут нет! — произнес он с отчаянием. Остановился и стал шарить по всем карманам. — Нет! — заревел он наконец, и возвратился домой.

— Что такое читаешь ты, Мери? Какой чудак ищет прошедший день.

— Это повесть.

— Где же тут Княгиня? Как звать ее, которая прогуляла княжество.

Мери стала перебирать листы в книге.

— Ну! — прохрипела старуха.

Мери читала:

— К вечеру роскошный дворец осветился, музыка загремела и Ариадна открыла бал с Олегом.

Соперник смотрел на него с завистью и досадою.

— Вы помните ваши, условия с Самбором, — произнесла тихо Ариадна.

— Помню, Княгиня! — отвечал Олег.

— Для чего безрассудною клятвою своею вы вырвали в у него клятву, которая лишает меня и владения и...

Олег думал понять слова Ариадны; он сжал её руку; она продолжала:

— Чем поможете вы теперь этому?

Олег молчал.

— Внимайте же мне, и исполните, что я скажу. Теперь время дорого; идите в главную внутреннюю галерею дворца, но, чтоб Самбор не заметил вашего отсутствия; близ третьих дверей, с правой стороны, ожидает вас женщина и другая одежда. Когда все будет готово, мы встретимся в галерее. В замке моем ожидает священник и венец союза. Согласны ли вы?

— Княгиня Ариадна! Кто не скажет: я согласен, если от этого зависит жизнь, счастье, блаженство! Но соперник? Его клятва?

— Предоставьте все мне; ступайте, но помните: осторожность и молчание до окончания обряда — это необходимо.

Олег скрылся.

Ариадна подошла к Самбору.

— Моя судьба должна сегодня решиться, —

сказала она ему, — понятно ли вам это, Самбор?

Самбор вспыхнул от таинственного смысла слов, в которых понял он все, чего желало его сердце. Он хотел говорить, но Ариадна прервала изливание его восторга теми же словами, которые она высказала Олегу.

Вскоре и Самбор отправился во внутреннюю дворцовую галерею, где у третьих-же дверей, но с левой стороны, ожидала его поверенная Княгини Ариадны.

Молча провела она его чрез ряд покоев в уборную, к зеркалу, близ которого толпа девушек с платьем и уборами Княгини, взяли Самбора в свое распоряжение. Вскоре в стекле отразился не образ прекрасного мужчины, а прелестная, молодая: женщина, светская красавица, мечтательница о победах и наслаждениях любви. Но недолго наслаждался Самбор превращением своим: на него накинули широкое, непроницаемое покрывало, и повели.

С Олегом, полетевшим на крыльях счастливица исполнять священную волю Княгини: Ариадны, случилось, с противной стороны галереи, подобное же превращение. Как боже-

ство тайн, или как невесту, с трепетом ожидающую минуты, в которую все чувства, понятия и отношения к жизни изменяются, его также вели под руки.

Между тем Княгиня Ариадна, спустя несколько минут после удаления Олега и Самбора, обратилась к собранию и объявила всем, что она едет в свой загородный замок, где для её гостей готовятся новые, неожиданные удовольствия.

— Это последний день моей свободы, и потому я хочу провести его так весело, чтоб память об нем никогда не изгладилась! Там ожидаю я всех гостей моих, ровно в 12-ть часов ночи!

После сих слов Ариадна скрылась, оставив всех в изумлении.

— Княгиня ожидает вас! — сказала поверенная её переодетому Олегу; взяла его за руку, покрытую перчаткой, и повела. Двери в галерею отворились; с противной стороны также вышли.

— Вот! — произнесла она и сложила руки двух соперников.

Восторг пробежал по чувствам их; каждый

мечтал сжимать в руке своей руку Ариадны. Обманутое воображение вливало в сердца их тот же трепет, который испытывает взаимность двух полов; их свели с крыльца и посадили в карету.

Чувства, не смевшие выражаться иначе, как только пожатием руки, перелились в пальцы. Говорить было запрещено и невозможно; в той же карете сидела любимица Ариадны, неугомонная Графиня Орни, которая заглушала рассказами своими стук колес. По гладкой дороге, карета скоро докатилась до замка.

У подъезда, приезжих встретили с факелами и ввели по большой лестнице, через ряды покоев в огромную залу, которая была уже полна гостей. Все стояли в молчании и с удивлением смотрели на совершающийся обряд венчания. По обычаю, невеста была под покрывалом, а жених в рыцарском одеянии и в шлеме с опущенным забралом. Обряд уже кончился, и, тогда как Олег и Самбор, следуя за Графиней Орни, приблизились к налою, священник благословил жениха и невесту, и произнес громким голосом:

— Да нерасторгнется союз ваш вовек! Княжите со славой над добрым народом!

В это время Рыцарь снял шлем, а невеста сдёрнула с себя покрывало. Граф Войда и Княгиня Ариадна обняли друг друга.

— Обман! Обман! — раздались вдруг два звонких мужских голоса. Все обратили внимание на двух вошедших с Графиною Орниженщин, которые отскочили друг от друга и бросились вон из залы.

* * *

Мери остановилась читать, ибо старуха захрапела.

— Подожди меня здесь! — сказала она тихо маленькой Лене. — Если проснётся бабушка и спросит меня, то скажи ей, что я пошла к Врасанне за смоквами, слышишь?

— Слышу — отвечала Лена, и с горестию смотрела на скорое удаление Мери.

Пробежав сад и взобравшись на полускат горы, Мери торопилась по узенькой тропинке, идущей густым кустарником до самой вершины скалы, где была вестовая или обзорная башня. Приблизившись к оной, Мери устремила внимательный взор на два окна, нахо-

дившиеся вверху строения и заделанные железными решетками.

Грудь Мери волновалась, сложив руки, она смотрела, как существо, лишённое всех земных надежд, смотрит на небо.

Долго стояла она в этом положении; солнце ярко горело на западном скате голубого свода.

Лучи его налегли уже на море, и казались огненной струей, которая текла от оконечности вод, до взора, созерцающего величественную картину.

Вечерний свет ударил в стекла небольших окон в вышине башни; Мери внимательнее устремила взор свой. Что-то показалось ей в окне, она взбросила руки; долго стояла в этом положении, как будто ожидая нового явления; и вдруг, как одушевленная счастливого мыслию, бросилась бегом по тропинке, ведущей на западную сторону острова.

На скате горы, не вдалеке от обзорной башни, на небольшой площадке, в толпе акаций, стоял отдельный домик главного сторожа острова. К нему пришла Мери.

В дверях, на пороге сидел бодрый старик;

живость в глазах его еще не потухла; лицо было молодо, и много еще черных волос оценили седины его. Задумчиво смотрел он на море.

— Здравствуй, добрый Исаф! — сказала, приближаясь нему, Мери.

— Всякий, кто смотрит уж в землю, добр, моя милая! Пора и мне быть добрым! Такой ветер занес тебя ко мне? Ты что-то не своя?

— Я испугалась, Исаф! Шла к Врасанне на западный берег; проходя горою мимо обзорной башни, я взглянула нечаянно в решетчатые окна; что-то вдруг мне показалось страшное, я так и обомлела, и бегом сюда! Скажи пожалуйста, Исаф, — продолжала Мери, сядясь подле сторожа, — верно там есть какой-нибудь новый пленник?

— Может быть, пленник или чорт, не знаю! — сказал с сердцем Исаф.

— Не знаешь? Да кому же лучше знать, как не тебе? У тебя на руках ключи.

— Да, были у меня... а теперь пришло время, что нет ни к кому веры, всякий хочет сам стеречь свои ворота!

— Что это значит, добрый Исаф?

— Добр и ненадёжен — верно все равно.

— На кого ж и положиться, как не на тебя! — произнесла Мери голосом участия.

— Привык я и сам так думать, да Север иначе выдумал!.. Поймал какую-то жар-птицу, сам за ней и ходит!.. Боится, чтоб кто не упустил ее из клетки, верно надеется получить за выкуп небесное царство!.. Береги! Чорт тебя возьми, проглоти тебя средиземная пучина, если я не уберег! У меня сквозь пальцы и пыль не пролетала, посмотрим у тебя!

— Какая обида. Откуда ж привезен этот пленник?

— Карачун их знает! Эвр и Нот также верно в части. Север остался сторожить, а те тотчас же отправились куда-то на полете.

— Странно! — произнесла задумчиво Мери.

— И очень странно! Своему глазу веры нет!

— Север сам и пищу носит пленнику?

— Стало быть, сам, когда сам с ключами носит.

— Но ты верно видел пленника?

— Видел? Да откуда я его увижу? Кто мне его показывал? Да и показывать боятся, чтоб

взглядом не замарать золотых его перьев!

— Что-ж делать, Исаф! — произнесла Мери.

— Что делать? А вот что: я не останусь коз да свиней сторожить, как Ровня!.. Завтра выходит из пристани Нимфа Альзама в поход!

— Прощай, Исаф!

— Прощай. А что слуху о нашем Эоле?

— Ты не видал его?

— Где ж я его увижу.

Мери опомнилась от задумчивости.

— Прощай, Исаф! — повторила она, и скрылась из глаз старика.

— Добрая девушка, ласковая! Откуда-то вывез ее Эол? Что-то с ней будет делать? Жаль, если ей будет такая же участь, как и матери бедной Лены! — сказал старый сторож, и вошел в дом.

Мери обошла кругом горы и воротилась домой. Старуха, была еще в сонной забывчивости; а маленькая Лена встретила: ее с радостью, которую, от боязни нарушить сон старухи, могла она, выразить только объятиями и, поцелуями.

После испугов, накрутивших спокойствие расслабленной старухи, утомление её обрати-

лось в крепкое усыпление. Так прошел весь вечер.

Лена также спала; а Мери считала преступлением сомкнуть очи, забыть страдания сердца и разлучиться хотя на одно мгновение с тоскою души. Тускло горела перед нею лампада. Этот томный свет казалось ей нравился; она всматривалась в него, он был похож на искру надежды, которая могла обратиться в пламень, или совсем потухнуть.

Но вдруг, как будто очнувшись от усыпления, она бросила взор на окно, и с каким-то нетерпеливым ожиданием очи её приковались и нему. Так прошла ночь. Показалась заря. Постепенно ослабевая, свет лампады исчез, при появлении первых лучей солнца.

Перед утром кашель разбудил старуху, она заворчала, забормотала и вывела Мери из мрачной задумчивости, своими: различными требованиями.

Как будто преследуемая каким-то беспокойством и любопытством, Мери под разными предлогами уходила. Посылаемая за нею Лена, всякий раз находила ее стоявшею в саду на холме. Всякий раз, когда возвращалась она

в комнату, старуха ворчала на её рассеяние, беспамятность, неловкость, слепоту и невниманье. Так прошло утро.

В полдень она опять ускользнула из комнаты. Опять маленькая Лена, посланная старухою, прибежала за ней.

— Мери, Мери! Бабушка сердится на тебя; я буду плакать!

— Милая Лена! — сказала ей Мери, — сядь здесь; когда пойдет Красный, которого ты не любишь, вон туда, под гору, то прибеги и скажи мне об этом, слышишь?

— А если Красный увидит меня, да схватит, как тебя вчерась? Я умру, Мери!

— Сядь за этим кустом; он тебя не увидит, не бойся, он не тронет тебя. Смотри же, скажи мне, когда он пойдет туда под гору.

Мери поцеловала Лену и возвратилась в комнату, где старуха после долгого ворчанья велела подать себе фасоль, и посадила Мери подле себя. Положив перед собою подушку, и разложив бобы на несколько кучек, старуха стала шептать и отделять от каждой, по очереди, по два, по три и по четыре боба, присоединяя к другим; наконец раскладка кончи-

лась.

— О-о, какая беда над его головой!.. Дорога, а нет пути!.. Сроду еще так не выходило!.. Вот пустое место! Ни бобочка! Ну, в праведный третий раз! А!.. послушай Мери!.. Не ждать ли нам в дом Эола? Смотри... дом полон, хозяин в доме!

— Если бы это сбылось! — произнесла Мери; румянец вспыхнул на томном лице её; она как будто ожила.

— Мери, Мери! — раздался вдруг звонкий голос Лены, вбежавшей запыхаясь в комнату. — Мери! Красный сюда идет!

— Кто идет? — спросила старуха.

Мери молчала.

— Красный! — повторила Лена и прижалась к Мери.

Вошел Север.

— Еще здравствуйте! — сказал он.

— Ах, Владычица! Говорят, снам не верь!.. Вот он и наяву!.. Откуда ты, Север? А Эол где?

— Про Эола не спрашивайте. Вряд ли удастся ему воротиться сюда. Высоко забрался!

— Как? — вскричала встревоженная старуха.

ха.

— Да, для нас он умер.....

— Умер? А... убил! — возопила старуха, и упала без памяти в подушки.

— Бабушка, бабушка! Не дам тебя убить! — закричала маленькая Лена, вскочив на колени к старухе и обратив взоры полные слез к Северу.

— Мери! Я пришёл говорить не с старухой, а с тобою! — сказал Север, удерживая Мери, которая бросилась также к беспмятной старухе. — Послушай, Мери! Я тебе не чужим языком повторяю...

— Злодей, оставь меня!

— Довольно с тебя и того красавица, ЧТО Эол оставил!.. Все женщины в подобном случае плачут, а ты, сердисься! Странно! Но тем лучше: я люблю сердце, в котором нет слез. Послушай, я люблю не терпенье, а тебя! Выбирай: добрую волю, или... мне все равно! Будет моей? Прощай, до завтра можешь думать, сколько хочешь!

Север удалился. Когда двери захлопнулись, Мери, как потерянная, обвела взорами комнату. Её внимание остановилось на образе, но

как будто не осмеливаясь смотреть на оный, она опустила очи в землю, упала на колени, сложила на груди своей руки, и вдруг вскочила, выбежала в боковой покой, чрез несколько минут возвратилась.

Лицо ее горело, глаза налились кровью; не печаль, а какая-то обдуманность видна была в чертах её. Быстро прошла она чрез комнату, пробежала крыльцо, двор, сад, и остановилась при входе в грот.

Все было тихо; она вошла под своды.

В глубине пространного грота, в камне были железные двери. Свет едва доходил до них; но было заметно, что они были полуотворены. Мери прошла оные. В узком переходе зрение было бесполезно. Ощупью шла она далее, постепенно поднимаясь по восходу без ступеней. Стены узкого перехода кончились; по завороту их в право и в лево и по гулу шагов своих Мери чувствовала, что вступила под своды пространного подземелья. Она хотела идти, далее, но рука её встречала то каменные столбы, то сырую, обросшую мохом стену. Волнение чувств и мрак безвыходный приводили ее уже в изнеможение. Долго

блуждая в темноте, она остановилась; силы стали оставлять ее и, она приклонилась к каменному столбу; но вдруг, вдали луч света пробежал по мраку как молния. Мери вздрогнула. Свет показался снова, и можно было уже видеть, что он ударял из двери, находившейся за рядами витых колонн, которые поддерживали каменные резные своды подземелья. Мери приблизилась к дверям и стала за колонну. Ей были уже слышны шаги идущего человека. Это был Север. Пройдя двери, он поставил фонарь на землю, претворил их и стал задвигать запор.

Тихо подскочила к нему Мери. Услышав шорох, он оборотился, но удар кинжалом в лицо перервал внезапное чувство удивления и слова при взгляде на Мери. Он упал.

— Вот тебе ответ мой и завещание Эола! — произнесла Мери исступленным голосом.

— Постой! — захрипел залившийся кровью язык Севера и вдруг выстрел из пистолета раздался под сводами. Пуля просвистела над головою Мери. Север застонал, пистолет выпал из руки его; ключи зазвенели. Мери выхватила их, взяла фонарь, отворила двери

и поднялась на высокую лестницу.

Пройдя площадку, она увидела пред собою вход в башню.

Торопливо перебрала она все ключи, покуда нашла подходящий к огромному замку, который висел у запора дверей. С усилием отодвинула она ржавую полосу железа, отдернула двери, вбежала в башню, и бросив фонарь, с громким восклицанием: Эол! упала в объятия заключённого.

Х

— Эол! — повторила Мери приходя в себя, — теперь ты мой! Я выкупила тебя! Смотри на эту дверь, она для тебя отперта! За нею плавает в крови твой враг, Север, которого ты считал другом! Вот рука, которая убила его! Чувствуешь ли ты, как сильна она? Испытай... и не плати равнодушием!

Ты сам сказал мне, что любишь меня! О! Я помню, как в первый и в последний раз ты обнял меня и вдруг оттолкнул от себя как преступницу! Холодна была грудь моя, или жгла тебя? Скажи?

Чего во мне мало для тебя, чего много? Скажи, Эол!

— Опомнись, несчастная! Всмотрись в меня, я не Эол! — произнес заключенный, освобождаясь из объятий Мери и приподнимаясь с нар.

— Не Эол? — вскричала Мери, и отскочив от пленника, остановилась перед ним, как пред преступником, который отпирается от своего имени, чтоб избежать казни. — Не Эол? — повторила она. — Да! Должно иметь не слух мой, не глаза мои, а мои чувства, чтоб поверить твоим словам!.. Эол не назвал бы меня несчастной, потому, что сам сделал меня несчастною! Точно! В нем нет сожаления и сострадания: он называет эти чувства духовным паданием, и смеется над ними! Правда! Он смотрел бы на меня и теперь равнодушно! Потому что с освобождением его соединялась моя собственная выгода!.. Так! Ты не Эол! Я не вижу, а чувствую это... Но кто же ты в образе Эола?

— Имя свое я могу произнести только на свободе. Здесь нет у меня имени! — отвечал пленник.

— Ты уже свободен.

— Доброе существо! Я не в силах вознагра-

дить обманутую надежду твою. Тяжко невознаградимое благодеяние, вечный долг, но я должен принять его на себя; может быть найдутся люди, которые за освобождение мое разделят со мною благодарность к тебе...

Мери внимательно смотрела на пленника; слезы катились из глаз её. — Да! — произнесла она, — наружность твоя обманула бы и меня, но душа не обманет!.. В тебе нет того равнодушия, которое так убийственно, но которое заставляет так дорого ценить каждую ласковую улыбку, каждое ласковое слово. Иди!.. Ты никому не обязан за освобождение; не я, а случай благодетель твой.

— Постой, милое существо; найду ли я на острове убежище от злодеев и путь к совершенному освобождению? Если эта минутная свобода клонится к тому только, чтоб вздохнуть на чистом воздухе, и потом снова быть в руках злодеев; то зачем выйду я отсюда?

Мери задумалась.

— Ты будешь Элом до тех пор — произнесла она вдруг, — покуда возможность даст тебе право назвать себя настоящим имеем. Пойдем.

Они вышли из башни, спустились по лестнице. Фонарь, который несла Мери, осветил плавающего в крови Севера. Глухие стоны вырывались еще из груди его. С трепетом пробежала она мимо.

Скоро прошли они чрез ходы подземелья. В гроте Мери остановилась.

— Здесь, — сказала она освобождённому пленнику, — ты будет ждать меня я скоро возвращусь. Тебе нужна одежда Эола. В пристани есть корабль, готовый к отплытию. Ложный Эол может также располагать им, как настоящий. А я научу тебя быть настоящим Эолом.

Мери скрылась, неизвестный сел на камень, который лежал у входа. Сквозь густой кустарник он мог видеть море и часть острова; но внимание его не было обращено на видимые предметы: он погрузился в задумчивость.

— Вот судьба людей! — произнес он наконец. — Повелитель должен носить личину преступника, добродетель личину порока, истина должна скрываться под черною одеждою лжи; иначе — и человек и добродетель и

истинна зависят от руки злодея, от зависти малодушного, от слов клеветника.

Может быть ищут уже могилу мою, чтоб облить ее слезами любви; но кто же казнит хищника?.. Человеку ли достойно казнить и достойно вознаграждать себе подобного?

Он обратил взоры к небу и продолжал:

— Преступление как неизлечимая мучительная болезнь ведет к внутренним тайным страданиям и к страшной смерти; добродетель, как чудотворный источник, оживляет и воскрешает нас.

Неизвестный умолк, но вскоре опять увлеченный горестными мыслями, он продолжал, приложив к сердцу своему руку.

— Здесь было бы всегда спокойно, если бы судьба человека не связана была с судьбою других, любимых и любящих существ!

О, Эвфалия! Кто встретит тебя во вратах Босфоранских ужасной новостью, тот убийца твой!..

Он умолк.

Между тем Мери пробежала гору, и задыхаясь от усталости, приблизилась к дому главного сторожа.

— Исаф! — вскричала она, входя в двери.

— Кому понадобился Исаф? — сказал старик. — А, Мери, что тебе?

— Эол прислал меня сказать тебе, чтоб ты собирался в поход. Ты ему очень нужен, ступай на корабль, который в пристани, и скажи, чтоб его ожидали; с закатом солнца он хочет выехать.

— Это значит: в дальний поход! На новый руль верно нет надежды!.. Хорошо, для Эола припомню Восточное небо!..

С клюкой старика лучше не спотыкнётся, нежели с зоркими глазами молодого хвастуна!

— Сбирайся же скорее! — сказала Мери и торопилась идти.

— Постой, Мери, откуда ж взялся Эол?.. Он кажется не приезжал с Севером?

— Некогда рассказывать, после узнаешь; скоро смеркнется, а мне еще нужно сходить к Врасанне.

Мери ушла, а Исаф связал в узел походные пожитки, простился с домом своим, запер его и отправился в пристань.

Сходив к Врасанне на южный берег, Мери

воротилась домой. Старуха пришла в себя и несколько уже раз спрашивала про Мери и посылала Лену искать ее.

— Вовремя вздумала пропадать! — произнесла она, когда вошла Мери.

— Я была за горой у Врасанны... ходила к ней за смоквами...

— В доброй час забота о смоквах!.. Сын умер... я лежу мертвая...

— Я не хотела сказать вам... Я проговорила от радости, что вам лучше; я звала Врасанну помочь вам.

— Дело другое! — сказала старуха, успокоясь. — Придет ли?

— Придет.

— Хоть с нею поделюсь горем!.. Ох! Вот тебе и вся слава!

Умер и конец! Да еще дастся-ли небо за грехи? Угодники, как солнце в лучах, будут сидеть спокойно и творить вечную молитву; а тебе Эол, придется еще поскитаться без души по белому свету!.. Быть бы тебе лучше Христовым воином, чем губить ближних войной!..

Вошла Врасанна. Старуха лет пятидесяти,

оракул острова, шаманка, вещунья и утешительница, родильница суеверий и предрасудков, толкователь снов и явлений, прибежище малодушия, словесный шумный водопад. Все речи её начинались с слов: поверишь и вперед! Все окрестные события, домашние происшествия, общие слухи, частные тайны, все было ей известно.

Между тем, как Врасанна утешала отчаяние старухи, Мери ускользнула из комнаты. Сумерки способствовали ей вывести плащ и шапку Эола, и достигнуть незаметно до подземелья.

— Вот все, что нужно для тебя! — сказала она неизвестному. — Чтоб никто не подозревал, что ты не Эол, остается узнать тебе его привычки.

— Постой! Еще успеешь научить меня привычкам злодея! Скажи мне прежде: готова ли ты оставить приют разбойников и спасти добродетель свою от порока?..

Мери посмотрела гордо на неизвестного.

— Спасайся, или надень опять оковы, мне все равно, ты свободен, оставь и меня располагать собою!..

— Я готов идти назад, если ты еще не уверилась в равнодушии к тебе Зола. Я надену опять оковы; но оживи же моего сторожа, несчастная! Ты даешь мне свободу, и запрещаешь знать благодарность и сказать избавительнице моей, что напрасно хочет зажечь она то, что перегорело, как душа бесчувственного злодея?.. Прощай, я иду; иди же и ты назад, заразись преступлениями!.. Убийство твое я принимаю на себя!.. Иди!

— Остановись! — вскричала Мери. Слова неизвестного, произнесенные голосом участия, поразили ее. — Постой! — повторила она. — Зажечь то, что перегорело?... Нет!.. Здесь хочу только дожидаться его... хочу простить его, проститься с ним и тогда... О... тогда пусть куда хотят унесут меня морские волны!.. Ты удались отсюда: твое счастье не здесь; не заботься о несчастной Мери!

— Мери, Мери! Наше счастье там, где наше спокойствие.

Я понимаю, знаю обольщения сердца: оно имеет еще надежды, когда желает видеть предметы привязанности своей; но чем будет оно обольщать тебя, если я скажу, что здесь

никогда не увидишь ты Эола?

С ужасом взглянула Мери на неизвестного.

— Напрасно поверяешь ты взорами истину слов моих; — продолжал неизвестный, — за твое доброе сердце я не отплачу неблагодарностью; я знаю также любовь, любовь счастливую, и взаимную; зачем же буду я обманывать тебя?.. Мери, ты едешь со мною; ибо от этого зависит и исполнение собственного твоего желания. Повторяю, тебе, как клятву, что здесь ты не встретишь уже Эола.

Долго стояла Мери нерешительно, как существо, забытое посреди беспредельных песков степи Аравийской: со всех сторон пустыня сливается с мрачным отдалением и с небом. Наконец, как будто предавшись воле и предчувствию сердца, она произнесла:

— Я еду с тобою; верю словам твоим; ничто не удерживает меня здесь! — и вдруг опять задумалась. — А Лена? Дочь его, которая меня любит... У которой нет матери?

— Возьми ее с собою, — отвечал неизвестный на вопрос, который Мери невольно сделала сама себе.

— Хорошо; иди же в пристань; вот дорога...

Я буду вслед за тобою...

Там встретит тебя Исаф, помни: Исаф, главный сторож острова. Эол не любит много говорить; тем для тебя удобнее быть на него похожим. Но, впрочем, и молчание одного редко похоже на, молчание другого. Но время молчания Эола говорят его вспыльчивые, но мрачные взоры. На устах его видна бывает только улыбка презрения; голос его отрывист и резок; походка медленна; всех корабельщиков называет он Ветрами; только те, которых предпочитает он и любит, пользуются его ласками и особенною свободою дружеского обращения с ним. Но на Нимфе Альзаме нет таких, которые были бы близки к Эолу. Иди же в пристань; не забудь имя Исафа; он тебя ожидает, а я пойду за дочерью Эола. Она должна, хотя в последний раз, подобно мне, увидеть отца своего!

Мери скрылась с виду. Неизвестный натянул на себя плащ, надел шапку и пошел по тропинке, ведущей к пристани...

Дорога шла холмами; приближаясь к берегу, поднялась она на возвышенность, с которой открылось все пространство моря и вся

равнина Цитерская, ограничиваемая слева волнистым местоположением, покрытым садами и кустарниками, а справа отдельною горою, над которой возвышалась обзорная башня.

Неизвестный остановился. Прекрасная картина весенней светлой ночи, чистый, свежий воздух, одушевили его; он как будто утолял палящую жажду, всматриваясь, то в ясное небо, то в полное светило ночи, плывущее в высоте, то в бледный лик его, отражающийся и рассыпающийся в волнах моря. Перед ним, между скалистыми оградами залива была пристань острова; в ней стоял корабль, с движущимися на нем людьми и мелькающими огнями.

Насмотревшись перед собою, он оглянулся назад; но озаренная луной обзорная башня, как уединенный памятник, пробудила в нем неприятные чувства, и напомнила о заключении, о бедственных днях, которым не видел еще пределов. Отвратив взоры от башни и окинув извивающуюся дорогу к селению острова, в котором сквозь деревья видны были уже огни, неизвестный пошел медленными

шагами к набережной.

Приближаясь к ограде, он увидел на каменной площадке, близ схода на воду, сидящего человека, а у лестницы корабельную ладью с несколькими гребцами.

Он мог уже различать голоса и слова.

— Какой попутчик дует в спину!

— Да, не нужно ловить боковых, Нимфа пойдёт на одном востоке.

— Не отгадаешь, куда вздумает плыть Эол: может быть придется идти на пролом!

— Куда? Вот новость!.. Не в мастерскую ли землю? К Босфорану не дорога плавать Нимфам: там гребни и хвосты отобьют!

— Тишком, не размахивая крыльями, можно везде проплыть!.. Эол кажется слетал туда на днях. Чорт его знает, откуда явился он опять на острове?

— Тс! Кажется, идет! — сказал вдруг сидевший на площадке схода.

Неизвестный подошёл.

— Здорово, ветры! — произнес он громко.

— Здравствуй, начальник! — отвечали несколько голосов.

— Исаф здесь?

— Здесь, старый слуга твой!

— Готово?

— Все с нами, ветры в руках!.. Куда велишь? — прокричали гребцы, и готовы уже были принять мнимого Эола в ладью.

— Постойте! — сказал неизвестный. — Исаф, я жду Мери, она едет со мною.

— Мери? — возразил Исаф с удивлением. — Женщин хорошо возить из похода, а не в поход!.. Не на новое ли поселенье? Ты же, начальник, давно собирался в Океан. А старуха твоя?

Неизвестный молчал.

— Впрочем, зачем беспокоить старость, — продолжал Исаф, не дождавшись ответа. — А заключённый в башне?

— Едет! отвечал неизвестный.

— Едет! А, теперь понимаю: верно Северу поручил ты второй обоз... Не за свое только дело брался он, за сторожу... Каков заключенный... к иному мало двух чертей на часы!.. Знаем мы сторожа, да таим про себя! Иному в глаза не гляди — взглядом с ног сшибет; с иным слова не вымолви — разжалобит, всю душу вытянет; иного подле стены не са-

жай; иному железные цепи — стекло; иной сторожа вместо себя засадит, да еще уговорит опоясаться оковами. Был же такой случай!.. Каков язык... уверит хоть кого, что все равно: сторожем быть или заключенным; выслушай, задумайся, смотрит — он на воле, с крыльев тюремную пыль стряхнул, а ты сидишь в рогатке!..

— Исаф! — сказал неизвестный — иди скорее назад, скажи Мери, что я жду ее, но скажи так, чтоб никто не слышал этих слов; про меня также никому ни слова: понимаешь?

— Понимаю! — отвечал Исаф подумавши, и пошел в остров. Приближаясь уже к дому Эола вспомнил он, что в связках ключей от башни и от подземельных ходов, которые он сдал Северу, был его складной, дорожный ножик. Столь необходимую для похода собственность, он и умирая не оставил бы в наследство недругу своему; и потому Исаф решил зайти сперва за ножом, а потом за Мери.

Он не застал Севера дома; но всех прочих домах его также не было.

«Верно в подземелье!.. Да что ж он делает

по ночам с заключенным? Э! Не девица ли красавица у него под замками?... Должно быть так!..» — думал Исаф, и любопытство придало ему быстроты.

Торопливо вошел он в грот, вырубил огонь, зажег складной фонарь, который носил всегда за пазухой... и окинул взорами подземелье.

— Точно здесь! — сказал он, проходя отпертые железные двери.

Под сводами слышались, ему глухие стоны, но Исаф привык преодолевать внезапный ужас. Не останавливаясь, он прислушивался к ним и шел вперед. Хотя образы пленников колдунов и сети нечистой силы, живо представлялись воображению его, но редкие стоны казалось выходили из башни. Уже подошел он к двери ведущей на последнюю лестницу. Стоны, утихли, но вдруг повторились: протяжнее, почти под ногами Исафа. Холодный пот обдал его, он остановился, свет ударил на пол... Кто-то лежал на земле.

«Это привидение, кажется, не поднимается само на ноги!» — думал, он, приходя в себя и рассматривая лежащего перед ним окровав-

ленного человека.

— Север! — вскрикнул наконец Исаф. Воло-са у старика стали от ужаса дыбом. — Я это предчувствовал! Не за свое ремесло, друг, ты взялся! Что, приятель, теперь поверил, что стены, замки да оковы плохая помощь худому сторожу! Что, друг! Где твоя золотая птица? А?.. Эге, бедный! Как расклевала лицо!.. Пустой пистолет!.. Послал верно пулю вдогонку, да не по той дороге!.. Ну, приятель, жаль!.. Что-то скажешь?.. Кажется, еще есть надежда!.. Может быть, можно еще спасти тебя, да сказать Эолу, куда не уехал; он же тебя любит как брата!.. Ну, не думал я, что ты в другой раз сядешь мне на плечи!..

С трудом довлек Исаф бесчувственного Севера до дома, принадлежавшего Эолу.

— Здесь ему скорее подаст помощь добрая Мери; а я, между тем, пойду сказать Эолу, — говорил он, складывая на крыльце бремя с плеч своих и входя в дом. В комнатах было темно; тишина перерывалась только одним храпением.

— Мери, Мери! — произнёс Исаф. Ответа не было.

— Мери! — повторил он громко.

— Мери! — раздался сиповатый голос. Никто не отвечал.

Часть шестая

И вы ропщете, волны морские? Жалуетесь друг на друга ветрам, или друг другу на ветры?

XI

— **Н**а острове крик!.. Там меня хватились!.. Едем! Ждать опасно! Мери, садись в ладью!

— Мери, Мери! Что будет делает бабушка, когда мы уедем? Что, как к ней придет Красный?

— Не бойся, Лена, у бабушки Врасанна!

— Здравствуй, атаман! — вскричали гребцы, когда мнимый Эол и Мери с Леной вошли в ладью.

Ладья покатила. Подъехали к кораблю; спустили лестницу; все вошли на палубу.

Толпа людей с опаленными лицами, закаленных в бурях жизни и моря, стояла для встречи начальника Стаи Нереид. Резким го-

лосом приветствовали они вступление его на Альзаму.

— Эол! — сказал кормчий, и приятельски протянул к нему руку. Многие также приблизились к мнимому атаману; но он предупредил намерение их.

— К месту! — вскричал он. Все исполнили приказ, кроме кормчего, который остался подле него и с сердцем произнес:

— Поздоровайся сперва с старыми служивыми, Эол! Еще успеешь плюнуть в море!.. Или забыл кормчего, который вынес тебя из-под громовой тучи?

— А, это ты?.. Помню! — отвечал неизвестный, опасаясь, чтобы подобный знакомец и старый служивый не снял с него Эоловой личины.

— То-то же! — продолжал кормчий, обиженный равнодушием. — За добро плати хоть памятью! Куда прикажешь ехать? На подводный камень или в пучину?

— По пути к Босфорану.

— К Босфорану? — повторил кормчий. — Это значит в огонь! С нашим же товаром приедем мы туда? С ланцетами и пиявками? Не

худо! Только чтоб там самому не пустили крови!.. Впрочем, по мне все равно: голова за всё отвечай!.. Мое дело поставить на место!.. Эй, нетопыри!.. Боковой и Стрелу! Южному вкось! На милую от пристани... Волю!

Канаты затрещали, между парусами зашумел ветер; казалось, что берега мрачные, как тучи, двинулись с места и быстро удалялись от корабля.

Неизвестный, Мери и маленькая Лена спускались уже в каюту, для них приготовленную, как вдруг палубный спросил: какой значок выкинуть?

— Ты сам должен знать, какой приличен!

— Твой любимый Бой? Здесь еще можно помериться силами со всяким, кто придёт на вызов, и проучить того, кто вздумает не по-сторониться. За каналом притихнем! Там мы выкинем просто Белый.

— Хорошо! — отвечал мнимый начальник Нереид, и сошел в каюту. Мери и Лена были уже там.

Мери трепетала за него. Кормчий мог легко отличить ложного Эола от настоящего. Первый шаг на корабль открыл ей всю опас-

ность положения, избавленного ею незнакома.

— Я не предвидела, — сказала она ему, — что мы встретим здесь этого страшного человека, которого Эол называл всегда правым своим крылом, без которого не вылететь бы ему из какой-то беды. С ним ты должен быть осторожен, обходиться ласковее; подобные люди дорого ценят память за одолжения.

— Трудно мне принять на себя все короткие знакомства Эола!

Мери села в углу каюты и успокаивала маленькую Лену, которая боясь корабельного шума, прижалась к ней со страхом.

Неизвестный ходил взад и вперед. Он кажется не позволял себе предаваться мыслям; рассматривал внимательно предметы, находящиеся в каюте: стену, украшенную различным оружием, койки, проч., но взоры его невольно остановились на песочных часах.

— Когда человек спокоен и доволен собою, тогда он не думает измерять, сколько времени еще осталось ему быть счастливым! Мери! если прошедшая жизнь твоя не тайна, то расскажи мне ее.

— Ни один поступок не упрекает совесть моей, что ж буду я таить? — отвечала Мери. Жизнь моя так единообразна и печальна, как поверхность моря... его волнуют только бури!

Неизвестный сел подле Мери внимать её словам:

— Голос отца и матери памятен мне, он говорил всегда сердцу моему что-то ласковое, приятное; но я не знаю отца и матери, я не видела их. Если б теперь привезли меня на ту землю, где я родилась, где провела четыре года первоначальной жизни, я не узнала бы ничего родного. Я еще была ребёнком, когда болезнь глазная лишила меня зрения; я была слепа и не знала никаких радостей кроме сладкого чувства, когда мать и отец сажали меня подле себя и лаская называли слепой любовью.

Однажды услышала я глубокие вздохи моей матери; отец мой прощался с нею; потом обнял он меня и сказал: прощай, Мери! таким печальным голосом, что я заплакала...

Это были последние слова его! С тех пор я не знаю, что сделалось с отцом моим. Печаль моей матери по сию пору отзывается в душе

моей: она вздыхала, брала меня к себе на руки, и слезы её падали на мое лицо, когда я обнимала и утешала ее.

Вскоре после отъезда отца моего, какой-то незнакомый человек стал ходить к нам часто. Он искал меня так же, как и батюшка, но я боялась его. Часто слышала я голос его, но не разбирала, что говорил он; ибо он говорил всегда тихо. При нем мне делалось грустно, при нем матушка не обнимала меня. Я радовалась только тому, что она перестала грустить и плакать; потому, что и у меня болело всегда сердце, когда она плакала.

В один день услышала я опять горькие слезы моей матери; эти слезы показались мне горячее тех слез, которые, она проливала при разлуке с отцом моим. Незнакомец утешал ее; я подбежала к ней, она схватила меня в объятия и назвала себя несчастною...

После этого слова на веки погибло во мне сладкое чувство, которое я знавала прежде!

Мы куда-то поехали.

— Скоро ли мы будем у батюшки? — спросила я; мать моя сжала меня в своих объятиях, и, утопая в слезах, не отвечала ни слова.

Незнакомый человек приказал ей перестать плакать, и она перестала.

Как теперь помню я, что какой-то шум оглушал меня, мне было страшно; помню, что внесли меня на какую-то лестницу, стук и шум увеличились; у меня закружилась голова, и я упала без памяти. Это мгновение, как минута смерти, лишила меня всего!

Не знаю, что было со мною до того времени, в которое я почувствовала; жар томил меня; я лежала где-то, без сил; слышала чьи-то незнакомые голоса, звала мать мою; но мне отвечали, что ее нет дома, что она скоро будет. Я плакала неутешно!

Мери остановилась, слезы покатились градом из глаз её; жалким голосом проговорила она:

— То были слезы на вечную разлуку с моею матерью! Она для меня уже не существовала!

У каких-то недобрых людей была я. Никто не водил меня, не смотрел за мною и не спрашивал: чего хочу я; часто бывала я голодна, но боясь, чтоб меня не бранили, молчала.

В одно время услышала я чей-то голос, он

был приятен для меня, потому что давно не испытывала я радостного чувства и не знала ни чьей ласки. Этот человек подошёл ко мне и спросил меня, родилась я слепую, или лишилась зрения от болезни? Я помнила, что меня лечили от глаз, и сказала ему это.

— Если другие лечили тебя безуспешно, — отвечал он, то я могу быть счастливее других.

Не знаю, что сделал он с моими глазами — мне даже показалось, что он совсем их вынул, потом чем-то обвязал. После уже узнала я, что это были очки, в которых вместо стекол натянуты были двенадцать соединённых между собою прозрачных пленок; каждый день срывал он по одной и с каждым днем ощущение света более и более давало мне чувствовать, что незнакомец возвратил мне зрение.

Но зачем он возвратил мне его, когда уже со мною не было ни отца, ни матери? Слепота моя не мешала мне плакать; об них бы только плакала я!.. Но теперь зрение дало мне ещё столько новых предметов для слез, столько душевной скорби...

— Не плачь, Мери; милая Мери не плачь! — вскричала Лена и обняла ее.

Мери не могла удержать слез своих; крепко сжала она ребенка в объятиях.

— Не понимаю, какие чувства говорят мне о тебе, доброе дитя, но знаю, что только ты одна привязываешь меня еще к жизни! — произнесла Мери и осыпала Лену поцелуями.

Рассказ несчастной девушки тронул неизвестного до глубины сердца, но, когда он увидел взаимные слезы и ласки двух невинных существ, в глазах его также заблестало чувство прекрасной души.

— Не много остается мне досказать, — продолжала Мери, успокоясь от волнений, внутренних горьким воспоминанием, — но эти несколько слов будут заключать в себе то время жизни, по которому можно предсказать человеку, счастье, или бедствие предназначены остальному его существованию!

Когда открылись глаза мои, я не поняла, что со мною сделалось, мне казалось, что рассудок мой помутился. Я не могла отдать себе отчета, что со мною было прежде. Я стала жалеть о той темноте, которой меня лишили. В сердце моем происходило какое-то неприятное, болезненное волнение. Прежде жила я

ощущением, слышала и помнила звуки голоса отца и матери, осязала прикосновение их, и была счастлива! После разлуки с ними одно только чувство давало мне знать, что я лишилась их; но получив зрение, я вдвойне испытываю потерю свою!

Добрый незнакомец думал подарить меня светом, и дал мне новое средство чувствовать несчастья!

Не скоро привыкла я различать предметы, долго поверяла я зрение осязанием. Все окружающее меня мне не нравилось. Дом и люди, у которых я жила, были чужды для чувств моих. Все мысли мои были заняты желанием взглянуть на отца и мать. Напрасно спрашивала я про них. Мне не отвечали, как будто вопросы мои относились до какого-нибудь сна, который, как игра воображения, никем не мог быть истолкован.

Таким образом прошло несколько лет; мне минул уже 12-й год; вдруг неизвестный человек приехал к нам... Он с удивлением взглянул на меня; не знаю, что во мне так поразило его. В доме у нас он был как хозяин; при нем обращение со мною всех в доме переме-

нилось: все старались предупредить мои желания. Как будто имея на меня какое-то право, однажды сказал он, что я должна ехать с ним; я не могла противиться, потому что я не знала: кто я и кому принадлежу; я даже рада была удалению от людей, которых я не могла любить. Он избавил меня от них, я чувствовала к нему благодарность.

Мы поехали морем. Вступив на корабль, я предалась невольной грусти; все чувства мои старались припоминать прошедшее; я слышала тот же шум, те же отвратительные звуки голосов; все было мне уже знакомо, хотя я никогда еще не видала корабля; но на нем не было уже подле меня того существа, которое я называла своей матерью, и которого ласки были для меня так дороги и сладостны; я старалась уверить себя, что-то был сон; хотела представить себе образ матери, но старания мои были напрасны. Она, кажется, не имела на себе земного образа, не могла явиться взорам; но являлась мне в образе мысли, в образе сладостного чувства, которое родители мои называли любовью.

Мы приехали на остров, с которым и тебя

познакомило несчастье. Покровитель мой... Эол... поручил меня своей престарелой матери, и уехал неизвестно куда.

Там нашла я это милое дитя. Эол ласкал и любил Лену, как дочь свою, но кто была её мать, это было тайною для меня; может быть, подобно мне, она лишилась ее на веки!.. Я желала заметить...

Внезапное колебание корабля, скрип и треск мачт прервал слова Мери.

— Сложи крылья! — раздался на палубе резкий голос кормчего.

— Волю левому перекоскому!

— Перебой в право!

— Туго!

— Что это значит? — спросила Мери.

— Мери, Мери! Кто это сердится? — вскричала Лена, и прижалась к Мери.

— Верно выходят тучи, — сказал неизвестный. — Это предосторожности; нам опасаться нечего; я уверен, что корабли Эола пройдут безопасно и между Вельтонскими морскими вихрями.

Качка корабля увеличивалась более и более, удары и плеск валов, о плечи Альзамы,

сливались с треском снастей и с громкими голосами матросов.

Слова неизвестного не успокоили Мери. Непривычка быть на море во время опасности, начинала на нее действовать: голова её кружилась, какое-то беспокойное чувство взволновало ее, невольный трепет пробежал по ней как холодная волна. Неизвестный заметил это, хотел успокоить ее, но вдруг корабельный вестовой вошел в каюту.

— Эол! — сказал он. — С юга тучи, будет гроза, по Миртовому морю нет пути; ветер несет к полуострову.

— Тем лучше, войди в какую-нибудь пристань! — отвечал мнимый Эол.

— Кормчий взял уже путь к острову Соколиному; я думаю, мы успеем еще долететь туда; и кстати, там есть наши!

— Идти по ветру!

— Воля твоя! До сих пор на этих берегах для нас пристани не было! — произнес вестовой корабля, и вышел вон.

Едва он удалился, неизвестный обратил внимание на Мери. Положение ее было ужасно: то забываясь, походила она на мрамор; то

очнувшись и вспыхнув, с ужасом всматривалась она во все, как в пустынное отдаление, и отыскивала предмета, который бы мог обратить её внимание; то обняв плачущую Лену и устремив взоры на неизвестного, она уподоблялась безумной деве, влюбленной в образ Архангела.

Неизвестный сел подле нее; она склонилась к нему на плечо голову, взглянула на него, прижала к груди, слезы заструились из очей; но вдруг, как будто на миг возвращенная к памяти, вскричала:

— Болезнь убивает меня! Вот дочь Эола! Кто бы ты ни был, замени ей отца! — Беспмятство прервало её слова.

Лена обнимала ее и плакала; неизвестный с жалостию смотрел на больную.

Вошедший кормчий был свидетелем всего; он слышал слова Мери. — Не умрет! — сказал он громко, — это душа знакомится с морем!

— В какую западню приказал ты ехать? — продолжал он, внимательно всматриваясь в лицо неизвестного.

— К берегам Пелопонесским — отвечал он. Кормчий вымерял глазами мнимого Эола.

— Да есть ли там место для нас? — сказал он злобно. — Впрочем, для нашего брата всякий честный человек уступит угол, даст надежный приют, куда ни день не проникнет, ни громовая стрела не пролетит!.. Не хочешь ли в пристань Напольскую? Там уж я был гостем! В заклепах Кастронских ржа съела на мне связку цепей!

— Иди исполнять, что приказано! — сказал неизвестный, удерживаясь от гнева.

— Ступай сам править кормой, молодец! — хладнокровно отвечал кормчий. — Кажется, ты не в свое стадо попал!.. Не думаешь ли отдать его под волчий надзор? Нет, друг! Как хочешь свисти, а не попадешь в ветры! Тяжела ворона для соколиного полета!..

Неизвестный не дал кончить дерзких слов, обнаруживающих тайну, он бросился на кормчего и схватил его за грудь.

— Товарищи! — вскричал кормчий резким голосом; но голос его слился с шумом бури, с треском снастей и с воем ветров.

На палубе все готовились встретить бурю. Туча, как чёрная полночь, покрыла уже все небо; только на северо-западе видна еще бы-

ла светлая полоса, как трещина в стене мрачной темницы; но и она уже исчезла подобно погибающей надежде.

Нельзя было отличить моря от неба; только перед раскатом грома, в мгновение полета молнии, заметно было, что морские черные валы, оттеняемые струями пены, поднимаются как горы, а черные тучи, волнуясь, несутся от юга к северу.

Вой ветра, падение волн и перекааты грома заглушали голоса отчаянных пловцов; но они не в первый уже раз недели пламенное небо и разъяренное море.

— Что-то скажет теперь наша старая Суратская Нимфа? Кряхтит!

— Не чудо, ей скоро минет сто лет!

— За то не даром ей прозвание вековая; ребра из Телиму, а одежда из нетленного Наньму.

— Эге! ломит становую!

— Где ж кормчий?

— Чорт его знает!

— Кажется пошел спросить у Эола, куда плыть.

— Время спрашивать воли начальства; те-

перь, но всем грозная воля бури.

— И то правда: в царстве небесном да в беде — все равны!

— Слышишь, как бранится! Только не приведи Владычица, чтобы она съездила своей огненной плеткой по нашим ребрам! — прожжёт кожу проклятая, засмолит волоса!

— Да что ж, шутит с нами кормчий?

— Да и Эола как будто нет на корабле?

— Ломит, ломит и прочь тряпки! Прочь крылья! — раздалось вдруг несколько голосов на палубе. Порыв вихря взнес корабль на огромный вал, как на скалу, и, сбросил оттуда в бездну. Как будто со Скардонского порога упали яростные воды на палубу Альзамы, и матросы онемели.

— Народы! — раздался повелительный голос.

— Ветры! — повторил тот же голос.

— Кажется, голос Эола. Пойдем, здесь делать теперь нечего, работа кончена.

Несколько человек бросились в каюту. Там Мери лежала без чувств, на шее её повисла маленькая Лена. Кормчий плавал на полу в крови, а мнимый Эол, показывая на него ру-

кою, сказал к вошедшим:

— Не хотел повиноваться! Бросьте; его в море, там он будет волен!

Молчаливо и быстро как цейлонский тигр, который бросается на свою жертву и влечет ее в логовище, пираты схватили труп кормчего и повлекли на палубу. Там дали они свободу и языку и чувствам своим, которые пробудил в них неожиданный конец кормчего и ужас бури, угрожающей общей гибелью.

В мраке тучи вспыхнула молния; громовая стрела пронеслась над Альзамой и осветила страшное лицо покойника.

— Вот он, наша зеница! Только его и видели!

— Прощай, друг! Упился смертью, опохмелится на том свете!

— Прощай, приятель! В широком море, не в могиле — велик простор!

— Ступай, брат, восвояси, будь здоров! Вечная память, вечная память, вечная память!

— Ну, дорогу, товарищи.

С сими словами альзамцы раскачали кормчего и хотели перебросить чрез обвод корабля, но налетевший вал ударил в корабль,

волна хлынула, окатила всех, и выбила покойника из рук; он грянулся о помост.

— Море не принимает!

— Не легок!

— Ну, еще!..

— Раз, два, три! Ага!.. Теперь пошел на всех парусах!

— Где-то ему будет пристань?

— В какую ни попадет, везде один прием!

Долго стояли еще они, придерживаясь за палубный обвод; когда вспыхивала молния, всматривались они в пенистые валы, чтоб взглянуть еще раз на труп кормчего, в белой одежде, облитый кровью и перепоясанный красною шалью.

Не веря чужим предрассудкам, не молясь, и не считая покойника жертвой принесенною разъяренному морю для спасения жизни всех прочих, они однако же удивились, заметив, что море стало утихать, а на востоке небо отделилось от моря.

— Смотрите! — вскричал один из них, — не даром море не хотело принять его: налег на море... и притихло! Ай, друг!

— Чу, идет!

Мнимый Эол показался на палубе.

— Опасность, кажется, прошла? — спросил он громко. — Кто из вас может заступить место кормчего?

— Только один и был у нас на помощь ему, вот он!

— Кормой править, пожалуй, а звезд считать не умею! — отозвался тот, на которого показали.

— Мы обойдемся без звезд, берег близко. Готовьте паруса! В первой пристани я найду, кем заменить кормчего.

— Сбудешь с рук голову, другую не скоро наживёшь! — говорили шепотом между собою альзамцы.

Прояснившееся с востока небо осветило отдаленный остров, лежавший прямо на север. Корабельщики всматривались в берег, который был виден.

— Это, кажется, Георгий, нижняя островская караульня!

— Ну, здесь молча не пройдешь!

— Выбирай, что честнее: или схватку на чья взяла, или прячь железо и свинец под спуд, да под пестрым флагом объявляй себя

торгашом!

— Оружие под спуд и выкинуть купеческий флаг! — сказал неизвестный, вслушавшись в слова корабельщиков.

Все с неудовольствием посмотрели друг на друга.

— Начальник! — сказал один из матросов, — чтоб наша Нимфа нас не выдала; она не похожа на купеческое судно. Не лучше ли пройти мимо, или наплевать в глаза Босфоранским морякам: двадцать четыре ядра закачены в дуло пусть просвистят им в уши, если вздумают запрашивать: кто и откуда!

— Что приказано, то исполнять! — отвечал он, и сошел с палубы.

— Этого с нами не случалось прежде: Омут не водит дружбы с домовым и с лешим.

— Чего доброго, пожалуй еще потребуют за проезд платы.

— В моем кошеле, кроме железной полосы ничего нет!

— Если пристанут, то и пуцу в ход свинцовую монету!

Так толковали между собой отчаянные альзамцы, нехотя сдвигая орудия, скрывая за-

слонами корабельные амбразурь, и снося орудия под спуд.

Между тем Альзама, на легких, медленно приближалась к острову. Выставленный боковой парус стал склонять ее в сторону, по направлению к острову Зее. Пираты хотели лучше пройти остров Георгий мимо, нежели назвать себя купцами. Но покушение их было уже поздно: с острова заметили Альзаму, и военный полет плыл к ней на встречу.

С полета подали знак для переговоров выстрелом.

— Выставьте купеческий, да отвечайте!

Громкий выстрел из орудия потряс Альзаму; ядро просвистело и впилося в полет, высланный с острова.

— Ну, черт его дери, улетело! Я и забыл, что орудие заряжено на бой! Холостыми сразу не стрелял, даром пороху не жег! — сказал стрелец.

Островской сторожевой полет принял выстрел за вызов. Тремя выстрелами отвечал он; с острова двинулся военный корабль ему на помощь.

— Ну, заварилась! — вскричал палуб-

ный. — Выдвигай орудия! Доставай клад из-под спуда! Да якорь в море! Крепче стоит, вольнее рукам!

Между тем как альзамцы распоряжались по обычаю, сообразно с обстоятельствами, неизвестный возвратился в каюту. Мери уже почувствовала, припадок прошел; она была спокойна. Лена, не зная, как выразить свою радость, ласкала ее и обнимала.

— Мери, скоро будем мы под надежным кровом — сказал неизвестный, — где ограждено спокойствие каждого любовью и честью; там я поручусь, за счастье Мери, если воля её рассудка сильнее, навыка к ложной причине слез, и если, в память отцу и матери, она хочет исполнить желание их, чтобы Мери была счастлива.

— Если счастье одно для всех, то я исполню их волю; если ночная птица может любить день, я буду счастлива! — отвечала Мери.

— Мери, — сказал неизвестный, — привычки и склонности человека есть приобретение, сделанное им в продолжении жизни; кто ж запретит ему сбросить с себя эту ношу,

если она тяготит его и лишает спокойствия.

— И память есть приобретение; но эту нощу не сбросить с себя!

— В памяти, как в зеркале, отражаются те предметы, на которые оно наведено. Отклони его от ложной цели.

Вдруг раздался выстрел.

— Мы вступили в пристань!

Новый выстрел с корабля потряс стены его; в след за сим еще несколько выстрелов; слышно было, как ядра гудели в воздухе.

Неизвестный остановился в недоумении.

— Что это значит? — спросила беспокойно Мери.

— Боюсь! — закричала маленькая Лена.

Шум, стук и всеобщее движение на Альзаме заглушилось громом новых выстрелов с корабля.

— Это встреча с каким-нибудь из моих кораблей! Тем лучше!.. Если счастье будет благоприятствовать, то мы спасены. Будь спокойна, Мери!

Он хотел идти, но Мери удержала его за руку.

— Помни, что ты не Эол! — вскричала она.

— Я очень помню, кто я! — отвечал он, сорвал со стены пистолет и палаш, и выбежал на палубу.

Там уже царствовал беспорядок.

— Ну! Кончено! — кричали несколько голосов на Альзаме, — последнюю надежду вашу перебило ядром!

— Не подарим же жизни своей!

— Готовь багры! Бросай лапы! Притягивай воротом!

И вот, корабли царские сцепились с Альзамой. Как львы бросились альзамцы на неприятелей, битва загорелась. Неизвестный, в толпе сражающихся не наносил удары, но только отражал их. Он подобен был Ясону, выброшенному на берет Делиона, принятому в мраке ночи за врага, и сражающемуся с союзником своим, для того только, чтоб не наносить закону чести, который повелевал скрывать свое имя во время битвы.

Но он уже утомился; царские воины окружили его.

— Друзья! — вскричал один альзамец. — Сюда! На помощь начальнику!

Несколько человек бросились на воинов и

отбили его; но пуля впилась в неизвестного и он упал.

Альзамцы дрались как непобедимые; но число превозмогло: большая часть из них была уже перебита, несколько человек раненых должны были отдаться в плен.

— Где ваш атаман? — спросил их начальник царского корабля — У нас нет атамана, мы не разбойники! Берем только с бою!

— Кто ж у вас главный?

— Есть у нас начальник, вот лежит он. Если б Эол был жив, не взяли бы вам его руками! — а теперь возьмете.

— Эол? — вскричали все на корабле царском. И толпа бросилась смотреть на плавающего в крови мнимого Эола.

— Если в нем есть еще признаки жизни, — сказал начальник царского корабля, — то берегите ее. Вслед за вестью к Царю о нашей добыче, мы и его отправим в Босфоранию.

XII

От берегов Савы, по каменной, прекрасной дороге, подымаясь на отлогий скат горы, ехал длинный ряд карет, сопровождаемый значительным отрядом конницы.

Величественная, прекрасная природа готова уже остановить на себе внимание, чтоб насытить внимание каждого, тем, что поражает чувства красотой и какой-то весёлою наружностью; но любопытство увлекается за мелькающими, непостоянными предметами и — природа забыта.

Подле большой передней кареты, украшенной золотом в коронованными орлами, с правой стороны, ехало несколько всадников в богатых воинственных одеждах. Всадник, находившийся впереди, близ самых дверей кареты, был на белом коне и отличался от прочих роскошью наряда. На голове его был легкий шлем; двуглавый чеканеный орел из черни, украшал его; забрало было поднято. Сверх бархатного, синего полукафтання, были надеты серебряные кольчуги, укрощенные также гербами; почетная перевязь показывала, что всадник принадлежит к числу сановников Властителя Босфоранского.

Всадники же, ехавшие с левой стороны кареты, были в узких одеждах, обшитых золотом. На плечах их лежали, плащи, украшенные шитыми рядами белых орлов, признаков

Галлии; головы были покрыты небольшими шапками, осененными густыми, серебристыми, страусовыми перьями.

Предшествовавшие и замыкавшие ряды конницы, были, подобно им, в узких красных одеждах; на всех блистали светлые шлемы, чешуйчатые латы, мечи, ружья и пики.

Весь поезд поднялся на гору. Сквозь редкие деревья, осенявшие путь, открылась странная долина, в которой извивалась река, унизанная густою зеленью. За пригнувшимся мостом через, быструю Вербу, правильные ряды каменных зданий окружали площадь, посреди коей возвышался храм пятью куполами, и уподоблялся древнему витии, которому молча и недвижно внемлет любопытный народ.

С правой и с левой стороны горы, по берегу реки, тянулись сады, огражденные пересекающимися рядами тополей. За городом, против середины долины, которая покрыта была зелеными холмами, на лугах, белелись большие стада. Крутой, нагорный берег стоял, как развалины стен с глубокими впадинами, покрытыми плюющим; а за ним ветви Скардоса

стлались по необозримому отдалению.

— Не это ли граница нашего царства? — раздался звучный, приятый голос из кареты, коей боковые стекла были задернуты от солнечного зноя занавескою.

— Перед взорами Царевны. — Отвечал ехавший сановник с правой стороны. — Это пограничный город.

— Послушайте! — раздался опять тот же голос, и вдруг занавеска отдернулась и из окошка выглянула девушка. Сановник подъехал ближе к карете.

Есть существа, которые изредка появляются на земле, только для того, чтобы дать людям понятие о красоте Ангелов.

Из числа сих существ была та, которая показалась из окна кареты; и которую сановник Босфоранской называл Царевною.

— Может быть, здесь получим мы весит от Властителя?

— Я в этом уверен Царевна; на границе должна ожидать вас встреча, посланная Государем Властителем.

— Сколько считается до Босфорании?

— Есть два главных пути, Царевна: берего-

вым считается пятьдесят переходов, или около двухсот часов; а нагорным путем не много менее.

— По которому поедем мы?

— Это зависит более от вас, нежели от приготовлений. Мы повсюду готовы встретить и принять будущую Царицу свою с одинаковой радостью.

— Я видела Иоанна, знаю спутников его, которых он при мне оставил; а потому я знакома уже и со всем народом. Я люблю его так же, как Иоанна.

— Мы счастливы, Царевна, как дети, у которых есть попечительный отец и добрая мать.

Съезд с крутизны горы прервал разговоры все стало заботиться об осторожности.

Скоро весь поезд приблизился к пограничной заставе. Встреченный всем церемониалом и почестями, какие только в состоянии отдать пограничный начальник с сторожевым своим отрядом, поезд проехал чрез поднятую заставу, и потянулся вдоль каменного моста.

Сановник Иоанна взглянул издали на по-

граничную заставу Словении; застава была опущена; только два часовых сходились и расходились, позади чугунных решетчатых ворот с двуглавыми орлами. Площадь подле караульни была пуста; только на широкой улице, ведущей прямо к храму, ездили и ходили жители города скоро и медленно, смотря по расчету и величины забот, сил, времени и цели.

— Царевна, позвольте мне опередить вас! — сказал Сановник беспокойно, и доскакал и заставе; часовые, увидев его, остановились о выровнялись.

— Кто здесь есть подле заставы? — закричал он им.

— Заставный Поручик — отвечал часовой.

— Позвать его.

Часовой позвонил в колокол. Поручик вышел.

— Кто там? — спросил он.

— Г-н Поручик, во-первых прикажите скорее отпереть заставу.

— Для кого?

— Для поверенного Властителя Иоанна и провожающего по воле его Царевну Галль-

скую.

Застава немедленно была отворена.

— В городе ли посланные от Властителя. — спросил Сановник Иоанна, въезжая в ворота.

— Здесь в городе нет никаких посланных из Босфорании! — отвечал Поручик.

— Как! Градоначальник не знает еще о проезде Царевны?

— Может быть и знает, но для встречи её никаких приготовлений нет.

— Что это значит? — вскричал пораженный сими словами Саночник Иоанна. Недоумение выразилось во всех чертах его, но приближение поезда заставило собраться с мыслями.

— Господин Поручик, Царевна приближается, вы должны встретить ее с почестью и проводить до дома Градоначальника.

— Это будет исполнено.

Сановник поскакал в город. Остановясь возле дома Градоначальника, он разослал всех, кого встретил, к старейшинам Города и почетным гражданам, чтобы они явились в доме градоначальника для встречи Царевны Гальской и для поздравления её с приездом;

а сам вбежал по терпкому крыльцу в покои. Вошёл в переднюю, там никого не было — Хозяин извинит, что я без предуведомления войду к нему! — сказал он громко, отворил двери в залу, пробежал ряд покоев и остановился в последнем, из которого не было другого выхода кроме боковой, притворенной двери.

— Может быть хоть здесь есть кто-нибудь живой! — вскричал он, отворяя оную.

— Тс! Тише, тише! Отец мой!.. Не волнуй моря громовым своим голосом!.. Оно опять выступит из берегов и все потопит! — раздался тихий, умоляющий голос в комнате!

На широких креслах, сидела девушка лет шестнадцати, голова её перегнулась назад, глаза были завязаны, волосы распущены, руки повисли, прекрасные черты лица покрывала болезненная бледность, грудь была в волнении...

Сановник Иоанна остановился. Её вид поразил его; он забыл всё и внимательно слушал слова, произносимые медленно, томным голосом.

— Какой прилив!.. Все слезы, слезы... горь-

кие слезы!.. Нет сил!.. они хлынут, потонут все!.. Но за что же потонут праведники?

Он так пламенно любил меня... в нем столько огня!.. А я потушу этот огонь своими слезами...

Нет!.. Ух! Кто хочет спасти себя... тот крепче завяжи повязку на глазах моих! А не то откроются, слезы хлынут!.. Завяжи скорее!

Тяжко! Тяжко!.. заплакала бы я! Но не бойся, милый друг... не заплачу!.. Не погублю тебя. Только тебе одному обязано человечество!.. Не заплачу! Иссущу слезы в груди моей!..

Полный сожаления, стоял Сановник и смотрел на несчастную; на глазах его заблестали также слезы; скорыми шагами удалился он от страшной картины болезни чувств...

Возвратясь на крыльцо, он встретил слугу.

— Где Градоначальник?

— В загородных садах, на семейном празднике.

— Покуда дадут ему знать о приезде нашем, я, именем Властителя, здесь хозяин, и принимаю Царевну Галльскую; понимаешь? Где все служители?

— Все здесь, — сказал недоверчиво слуга; но подъезжающая к крыльцу богатая карета, и сопровождающие оную, со всею важностью почетности, собравшиеся граждане города, вывели его из состояния нехоти, и он бросился отыскивать всю дворню господина своего.

Между тем Царевну ввели в богатые покои дома Градоначальника. Она задумчиво села подле стола, склонила голову на руку и произнесла к вошедшим с нею:

— Итак от Иоанна нет известия?

Все молчали.

— Когда отправили вы к Властителю вашему последние письма?

— В день обряда, за двое суток до выезда Царевны из Рома.

— На них нет ответа?

— Нет еще, Царевна; с посланными что-нибудь случилось.

— Может быть сам Иоанн не имеет причины торопиться отвечать.

— Царевна! Это первая недобрая мысль, которую я слышу про Иоанна.

— Слабость сердца человеческого свойственна и мне; извините меня в этой мысли и

пред самим Иоанном; но я вас прошу, ехать в Босфорию и сказать Властителю Иоанну, что невеста ожидает повелений жениха своего. По словам вашим, вы должны встретить на дороге ответ, или посланных от него; скажите же им, как нетерпеливо мое ожидание...

— Исполняю волю Царевны; — отвечал Сановник Иоанна.

— Прощайте, мы увидимся в Босфорании, — сказала Царевна, и вышла в другой покой.

Сановник задумчиво и медленно выходил из комнаты; два обстоятельства, поразившие его неожиданно, смешались в воображении; два понятия соединились в одно. Удивление, что от Иоанна нет посланных на встречу Царевне, и мысль, что причиною сего должен быть только какой-нибудь несчастный случай, — сливались с впечатлением, которое произвёл на него вид девушки, лишенной рассудка.

Без всякого внимания к окружающим предметам, он уже сходил по лестнице, как вдруг кто-то подошёл и сказал ему:

— Вот Градоначальник!..

— А! я очень рад узнать об ней от него самого! — произнес вдруг Сановник Иоанна; вскинул голову и опомнился. Пред ним стоял Правитель города.

— Здравствуйте, г. Правитель, — сказал он, — я отправляюсь в Босфорию, к Государю. На вашем попечении, до приезда посланных царских, остаётся Царевна Галльская, невеста Государева. Больше мне кажется нечего говорить.

— Обязанность моя мне известна, — отвечал Правитель.

— Прошу извинения, что без вас, по неволе распорядился я в доме вашем как хозяин.

— Я бы обиделась, если бы вы иначе поступили.

— Этому было причиною и то, что в целом доме я не встретил никого кроме девушки, которая кажется лишилась рассудка.

— Это к несчастью дочь моя, отвечал хладнокровно старый Градоначальник.

— Дочь Ваша? Я бы не сказал так равнодушно этих слов.

— Что же делать! Слепая глупость не верит чужим глазам, вырывается из рук, бежит, и

ударившись обо что-нибудь головою, по неволе теряет память и чувства.

— Мне кажется, то, что я сегодня видел не подходит под это правило. Не от ваших понятий и снисходительности зависит в этом случае разница между умом и глупостию. У сердца есть свой рассудок, который для счастья жизни не уступает расчётам холодного ума.

После сих слов царский Поверенный оставил Градоначальника. Вскоре быстрые лошади вынесли его коляску за город. На дороге Босфоранской заметно было только одно густое облако пыли, которое несло к востоку как вихрь, а наконец совсем исчезло в горе покрытой густым лесом.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть седьмая

Ты бережешь надежды свои как векселя, за которые думаешь получить наличное золото; утонешь, погибнешь в богатстве, если счастье выплатишь тебе хоть по одному проценту на 100.

XIII

Исчезла в Босфорании беззаботность, столь сродная уверенности в общем спокойствии. Молва о странном недуге Властителя, о неизбежной войне, об Эоле, росла как герой древних Русских сказок. Возмущенное воображение порождало чудовищ, которых некому было истреблять. Страх овладел сердцами.

На широкую среднюю площадь смотрели, как на место будущей казни; на улицы как на русло кровавых рек.

Народ унывал, а войско напротив, как будто очнулось от забывчивости; необузданный восторг от слов Иоанновых нарушил управу.

Воевода представил Иоанну о необходимо-

сти примера строгости для обуздания своевольства; но ответ: воин не баба! вручил все надежной воле и покровительству судьбы.

Странные слухи стали возмущать спокойствие Сбигора-Свида и прекрасной его, дочери; хотя причина перемены Иоанновой для них казалась понятною; но новость о какой-то войне не согласовалась с догадками. Подтверждаемая всеми болезнь черная немочь, также страшила их; но так как у людей богатых самолюбием, я, есть всему начало и причина, то Клавдиана более и более уверялась в могуществе своей красоты. Она помнила все слова, все взоры Иоанна, и ту минуту, в которую проезжающий Властитель не сводил с неё глаз, а улыбка на устах его казалась ей бессмертною.

Так как отец её от сбывшихся переворотов ничего еще не терял; то равнодушие его и мнимое спокойствие на лице, принято было некоторыми за твердость подобную скале, которая не боится моря. Утлые челны предчувствуя бурю, старались уже приставать под покров её, а большие суда, опустив паруса, остановились на мертвом якоре.

На третий день у Сбигора-Свида был тихий вечер. Во время тихих вечеров, главным занятием собрания, посреди гостиной, где столы были уставлены всем что, только изобрела роскошь угощения, были общие разговоры, чтение, музыка, пение, и рассказы о новостях и открытиях всемирных.

На сих вечерах опытность была восприимчивою рождающейся славы молодых любимцев наук и художеств; одобрения поощряли их к трудам, а общее мнение открывало в них истинное направление к совершенству.

Труды людей одинаково уважались, клонились ли они к общей пользе, или к общему увеселению; ибо открыть истину, прогнать с лица мрачную задумчивость и заставить забыть горе, которое везде, преследует человека, считалось равною заслугою пред справедливым судом ума.

Гости уже собрались. Поэты, певцы и музыканты, готовили свое воображение, свое искусство, и все, чрез что душа напоминает о таинственном своём существовании.

Вообще на всех лицах не было видно прежней веселой улыбки, а наружность Клавдия-

ны отличалась от всей красоты и томностью; необыкновенная задумчивость её была заметна; никто еще не встретил в тот вечер черных пламенных очей её. Они скрывались под длинными ресницами и ни на что не хотели смотреть.

Уже взоры всех отклонились невольно от Клавдианы на молодого человека, который приложил к устам своим древний рожок, из которого вылились нежные, томные звуки, как горькие слезы молодой Славянки, тоскующей по своему другу.

Вдруг в передних покоях раздался шум и скорые шаги бегущих доложить хозяину, что посланный от Властителя ожидает его. Все умолкли; общее внимание обратилось на смущенного Сбигора-Свида, который торопливо вышел из залы. Все окинули друг друга взорами недоумения и удивления; румянец Клавдианы обратился в пламень.

Сбигор-Свид вскоре; возвратился к обществу. Извинившись, что должен оставить гостей своих, ибо Властитель требует его к себе, он отправился, во дворец.

Несмотря на удаление хозяина, на разгово-

ры и шепот присутствующих, поэты, музыканты и вообще сочинители, как люди менее прочих принимающие участие в общих радостях и печалях, читали и играли произведения свои с тем вниманием, которое математику Архимеду стоило жизни; но внимание Клавдианы всех гостей было обращено на другие предметы: слух занят был стуком проезжающих, экипажей по мостовой, а взоры устремлены на двери.

Всех занимало нетерпеливое ожидание возвращения Сбигора, из дворца.

Один только Посланник Колумбийский устремил взор свой на задумчивую Клавдиану, вспыхивающую при малейшем стуке. Желая доставить наслаждение своему пожилому сердцу, он заводил с нею разговор; но покушения были тщетны. Звуки, по которым невозможно различать голос гармонический от простого, били ответом на все его вступления.

«О, — думал он вовремя долговременных антрактов разговора, — это существо должно быть переселено под веселое небо Квито! Оно для него создано!

Райский воздух моих садов разгонит эту

болезненную задумчивость, свойственную Югу. Дыхание Клавдианы может, возродить, утроить жизнь, дать бессмертие.»

И вот, решительным голосом прерывает он молчание свое словами: Прекрасная Клавдиана!..

Но вдруг доносят о приезде Сбигора; двери отворились, Клавдиана бросилась на встречу к отцу.

— Милая Клавдиана, сказал он ей тихо, — мне должно с тобой говорить наедине.

Клавдиана возвратилась к обществу, и чрез несколько мгновений, жалуясь на головную боль, удалилась в свою кантату.

Важно, как попечитель о благе общественном, обратился Сбигор-Свид к гостям своим. Все его обступили. Поздравительные взоры и улыбки сопровождались испытательными, тонкими вопросами о здоровье Властителя, о причине призыва, о приеме сделанном, во дворце. Нет ли войны? Нет ли перемены в правлении? Какая причина приезда правителей областей? Какая причина переезда в старый дворец? — раздавалось вокруг Сбигора-Свида; и если бы во внутренности его был

сокрыт жрец Мемфисский, то и тогда, он; отвечал бы двусмысленно на все предложенные ему вопросы, чтоб не обличить своего неведения. Слова: нет и неизвестно, были неприличны для человека, который воображал уже стоять, под рогом изобилия; и потому, вельможа отвечал придворными звуками, которые похожи на центр, соответствующий всем вопросам, лежащим на окружности.

Но люди тонкие, как математические линии, проницательные как миазмы, не с вопросами обращались к нему, а с предложениями услуг своих, если Властитель, возложил на него какое-нибудь поручение. По самонадеянности ли, или по недоверчивости, Сбигор-Свид не хотел ни с кем делать возложенного на него труда. Дав заметить всем, что поручение требует неотлагательных занятий, он проводил своих гостей со всеми приличиями и словами, какие только может изобрести светское искусство общежития, для замены простых слов: ступайте домой, мне некогда.

В подобных: случаях разъезды бывают необыкновенно медленно. В передней, и на

каждой ступени лестницы, бывают необходимые остановки, для сообщения друг другу догадок, суждений, заключений, и вообще умственных химических разложений важного события.

Кто бы не заметил, что Сбигор-Свид был в лучах радости; но что значило призвание его к Властителю? Что наполнило его таким светом? — Эти вопросы были основанием всеобщих толков и споров.

— Ну, милый друг, предположения отца твоего сбылись! — сказал Сбигор-Свид, входя в комнату Клавдианы, которая встретила его радостнее обыкновенного. — Ну, — продолжал он, — дело почти решено!

— Батюшка, расскажите мне скорее, как вас принял Иоанн? Что он вам говорил?

После краткого молчания, приведя в порядок мысли свои, Сбигор-Свид открыл дочери своей причину призвания ко дворцу.

— Властитель принял меня необыкновенно, ласково, и мне кажется, что болезнь черная немочь есть ложные слухи, рассеянные врагами нашими, предчувствовавшими перемену.

Властитель жалуется только на простуду и небольшое воспаление в глазах и в горле, что и заметно: он несколько охрип.

Должно однако ж сказать, что напуганный рассказами, я вошел к нему со страхом; но опасения мои скоро пропали: он встретил меня словами:

— Садись! Замечаешь ли ты во мне перемену?

— Всякая перемена в Царе есть перемена счастливая и клонящаяся к пользе и благу всего царства! — отвечал я.

— Да, — сказал он, — но мне хочется также переменить своё состояние, собственно в отношении к себе!

— Воля Вашего Величества священна! — сказал я.

— Конечно, — продолжал он, — но по обрядам мне нужно несколько спроситься и твоего согласия.

При сих словах, я встал с своего места с изъявлением и удивления и готовностью исполнить повеление; но он велел мне немедленно сесть подле себя и спросил: здорова ли дочь твоя? Поклоном я благодарил за мило-

тивное внимание к тебе. Властитель продолжал:

— Понимаешь ли ты меня? Мне нравится дочь твоя; подле меня есть место, которое она должна занять! Ясно ли?

Я хотел опять встать, благодарить его...

— Постой! — вскричал он, — сколько противоречия твои, столько же и благодарность для меня не нужны. Иди и открой мое желание своей дочери! Завтра ответ её на согласие, а вслед за этим и венчание! Я не люблю размышлений! Понятно ли? — прибавил Иоанн, и вышел из трудового покоя.

Я немедленно же отправился домой. Ты можешь представить себе, положение моих ненавистников, когда я проходил чрез приемную палату. Я не обратил внимания даже на их поклоны!

Страсть, овладевшая Иоанном, много переменила его; от нетерпелив он совершенно не свой — я это заметил; но чем скорее, тем и лучше! Однако же, без исполнения всех положенных законом обрядов, ничего делать нельзя. За согласием твоим дело не станет; но я не понимаю, каким образом завтра может

совершиться обряд венчания? Каким образом вдруг исполнить повещение о воле Властителя Верховному Совету; собрание Верховного Совета и поднесение согласно хартии; всенародное объявление; поздравление и дары от всех сословий; назначение коронования тебя в достоинство Царицы; пир благодарственный, который ты должна дать; принятие венчанного жениха своего; дары его невесте своей, и наконец венчание со всеми обрядами, требующими и приготовления, и времени? Каким образом, по меньшей мере 12 дней, Иоанн соединит в один? Не понимаю! Завтра же при объявлении ему благодарности твоей за доставляемое тебе счастье, я должен буду ему сказать, что излишняя торопливость в подобных случаях не возможна. Да и на что ж это похоже? Кажется, ему похищать тебя не нужно! Венчаться тайно также нет никакой необходимости. Отбросить обряды нейдет, ибо всякий шаг Царя должен быть величествен в торжественен.

Сбигор-Свид долго еще рассуждал; но слова его относились только до перемены собственного положения и потому утомленная Клав-

диана, будущая Царица, объявила отцу своему, что уже поздно и что она желает отдохновения.

Он удалился.

Клавдиана погрузилась в пух, но крылатый, изнеженный сон отлетел от ложа Клавдианы; ему казалось, оно беспокойно: он думал уже о Царской опочивальне.

На другой день, Сбигор-Свид очнулся рано, но не от сна, а от мечтаний, в которых он, провел всю ночь; сборы его во дворец были важны и медленны; можно было бы подумать, что он заботился о красоте своей, чтоб лишить дочь свою любви Иоанновой.

Во дворце, в сборной палате, собрались уже дневальные сменные, бессменные, вольные и невольные; Верховные Советатели, Сановники, Вельможи, Правители областей, царедворцы, ходатаи и послушники. Так как никто не решался входить к Иоанну, не только без доклада, но и с докладом, то все ожидали его выхода или призвания.

Во всех концах залы речь шла о Сбигор-Свиде. Призвание его к Царю занимало всех, как чудное явление на небе; но ни част-

ным проицательным умом, ни общими суждениями еще не решили, что оно предвещало. Древних волхвов уже не было, а книгам оракулам и ворожее Босфоранской верить образованность века не позволяла; хотя в книгах было написано про текущий год: «Великая морская битва; в одном знатном Государстве похищение власти; война между двумя просвещенными народами; болезнь неутолимая жажда; женитьба Великого Государя». А Босфоранская ворожея сказала одному придворному, которого всеми действиями управляли предсказания её и раскладка карт, что перемена при дворе будет необычайная и один из вельмож получит неожиданно большую доверенность при Царе; что у Царя болезнь не болезнь, а в голове великий замысел.

Из всех сих новостей и предсказаний, перегнанных чрез все мудрые головы, наконец получилось общее мнение, что Властитель намерен обратиться к старой системе правления.

Прибытие во дворец Сбигора-Свида, подтвердило сию основательно обдуманную

МЫСЛЬ.

Он важно прошел чрез всю палату и приказал доложить о своем прибытии Государю Властителю.

Повелено немедленно призвать его; он вошел к Иоанну, который ходил скорыми шагами в полусветлом трудовом покое, где шёлковые занавесы, по совету Эмупа, были пурпурового цвета, как лучшего для глаз, особенно страдающих воспалением.

— Здравствуй! — сказал Иоанн и остановился.

Сбигор-Свид поклонился низко.

— Что дочь твоя?

— Вручает себя щедротам высоких чувств Властителя!

— Ну!

— И исполняет волю его!

— Не о воле царской и отцовской я спрашиваю, но о том, что дочь твоя завтра же должна надеть корону.

— Государь Властитель! Обряды...

— Какие обряды?

— Повещение Верховному Совету о воле вашей!

— Это займет только время перехода твоего до Верховного Совета.

— Собрание Верховного Совета для поднесения Государю Властителю, согласной хартии.

— Я обойдусь без неё, потому что сажаю подле себя твою дочь, а не Верховный Совет.

— Всенародное объявление!

— Молва объявит народу.

— Принятие поздравлений...

— Успеют поздравить! — произнес Иоанн обрывисто и грозно.

Сбигор-Свид умолк.

— Ну, все ли? — произнес опять Иоанн.

— За три дни до венчания должно быть коронование её в достоинство Царицы, а на другой день принятие Царя у невесты.

— Это все кончится завтра — понимаешь? Исполнение всего обряда возлагаю на тебя. Как отец, ты должен заботиться о дочери, а завтра и корона, и венец должны быть на ней.

— Государь Властитель! Я могу исполнить волю твою, но только тогда, когда благоугодно будет Государю Властителю возложить на меня временное председательство в Верхов-

ном Совете.

— Согласен!

— Для сего необходим своеручный указ Верховному Совету.

— Хорошо! — сказал Иоанн, сел перед письменным столом, выложил перед собою какую-то написанную бумагу, и всматриваясь в нее, начертил несколько строчек на чистом листе и отдал их Сбигору-Свиду.

— Читай!

— Явитель сего председательствует временно в Верховном Совете и исполняет волю мою.

— Печать Властителя.

— Возьми и ступай!

Сбигор-Свид отдал глубокий поклон Царю и хотел уже удалиться, как вдруг вошедший истопник Филип доложил о прибытии чрезвычайного гонца из Архипелага.

Иоанн велел призвать его.

— Имею счастье поздравить государя Властителя! — сказал вошедший чиновник морской службы. — Пират Эол взят в плен, вот донесение.

— Эол? — произнес Иоанн сиповатым го-

лосом и надвинул зопник на глаза свои; грудь его взволновалась. — Читай, — сказал он Сбигору-Свиду, бросив привезенную гонцом бумагу на стол.

Сбигор-Свид читал:

— Властителю Государю Иоанну имеет счастье донести начальник 2-го отряда сторожевых Архипелагских кораблей, что Эол, предводитель пиратов, известных под именем Нереид, взят в плен, и вследствие указа Государя Властителя, вслед за сим, с подробным описанием битвы, отправляется в Босфоранию.

— Ты видел Эола? — спросил отрывисто Иоанн.

— Видел, Государь, когда переносили его с корабля на остров; он был ранен; но верно переживет свою рану...

— Ну! — вскричал Иоанн, вскочив с места.

— Все удивлялись в нём сходству... — продолжал гонец, взглянувший в лицо Иоанна, которое осветил прокравшийся солнечный луч, но слова его были прерваны громким восклицанием:

— Ступай! Плыви обратно! И — в море его!

Никто не должен видеть в лицо разбойника!
Море ему гроб!

Голос Иоанна привел в ужас и Сбигора-Свида и гонца; они отступили к самой двери.

— Что ж стоишь ты? Ступай! — повторил Иоанн и обвел кругом себя взорами, как Аскалаф, обращенный в филина. — В море его! Живому или мертвому завязать ему глаза, как преступнику, привязать его к мертвому якорю и бросит в море! Слышишь? Что ж медлишь ты? Вот мое повеление! В море его, говорю я! — повторил страшным голосом Властитель.

Как сорванный с места и увлеченный вихрем, чрезвычайный гонец пронесся сквозь двери царского кабинета, чрез ряды покоев дворцовых, сквозь толпу придворных в сборной палате, сквозь народ, бывший на площади и на улицах, упал на прибрежную ладью и поплыл морем быстро как испуганная Альда.

Еще новая причина для толков и пища для пугливого воображения, которое видит во всем худые предвещения.

Сбигор-Свид вышел со страхом вслед за ис-

пуганным чрезвычайным гонцом.

— Все признаки безумия! — думал он, но эта мысль не мешала ему торопиться исполнять волю Иоанна, которая так была согласна с целью его желаний.

Счастье и беда одинаково всходят: в памяти или в беспамятстве, человек бросает семена их на тучную почву обстоятельств.

Новость о явлении к Царю чрезвычайного гонца из Архипелага и о немедленном отправлении его обратно в Архипелаг, разнеслась по городу быстро, как холод, нанесенный северным ветром.

— Это ничего, что ты это знаешь, но главное то, чтоб другие знали, что ты это знаешь, — сказал Персий.

Восходящее солнце и воскресающий городской шум напомнили судьям земных событий, что час их успокоения от забот об общем благе настал. Они истопились, устали, умолкли и разошлись по домам.

XIV

Час сбора для присутствия в Верховном Совете настал. Двери в просторную мраморную круглую палату отворились. Величе-

ственная колоннада поддерживала свод; из середины одного десница держала огромные весы правосудия, усеянные светильниками и заменяющие роскошные древние люстры и канделябры.

С восточной стороны палаты было председательское место; по обе стороны одного стояли кресла для четырех Верховных Советателей; далее полукругиями места для двенадцати Советников. Перед каждым был стол, покрытый сукном, со всеми принадлежностями.

В конце сих отдельных полукругий советательного заседания, была возвышенная кафедра для чтения дел, речей и последних оправданий виновных.

Между колоннами, столы для исполнительной части, с надписями различия отделений.

Все члены Верховного Совета и Советники были уже на местах; в след за ними прибыли Верховные Советателя.

Два Сообщителя дел уже собирали в отделениях исполненное и клали на столах перед Советниками; принимали от них дела для пе-

редачи к исполнению, или смысл дел, для представления на заключение Верховных Совещателей.

После долгого молчания, но время которого каждый занимался рассмотрением принадлежащей ему части, вдруг первый Верховный Совещатель встал с места и произнес:

— Позвольте, господа, прервать частные занятия для общего. Вот полученное сообщение от Колумбийского Посланника, оно заключает в себе странность, дело необыкновенное! Он представляет присланный от своего правления долговой лист, и требует уведомить, каким образом Властитель примет обязательство Георгия о заплате законного долга на один миллион слав.

Этому листу не более как сто шестьдесят лет. Бывшие перевороты в обоих царствах изгнали из памяти этот долг, сделанный, во время путешествия по Америке Царя Георгия. Теперь не известно где и как сей лист случайно отыскан. С условленным ростом он составляет долговую сумму на 12,000,000 слав.

Как полагаете вы принять этот чудный запрос?

— Без Властителя этого делать невозможно, — отвечали все Совецатели.

— На этот вопрос нам также почти трудно отвечать, как Симониду на вопрос Гиерона, — сказал один из Советников.

— Но Властитель может быть спросит наше мнение, мы должны быть готовы.

— Я думаю, что ответ Колумбийцам должен быть краток и ясен: что ни от долга, ни от заплаты его мы не отрекаемся; но рост за 163 года платить не обязаны.

Все согласились на мнение Верховного Совецателя, но один Советник предложил другое мнение:

— Мне кажется, — говорил он, — что Америка, наш займодавец, давно скончалась, и потому должно еще исследовать: законные ли наследники её требуют заплаты долга?

Приличие места не могло удержать всех от смеха над богатою мыслию Советника и никто не заметил, как вошел в Верховный Совет Сбигор-Свид.

«Вот, — думал он, — важно подходя к председательскому месту, — вот занятие гг. Совецателей, Советников и членов в Верховном

Совете. То ли было при мне!»

Его появление всех удивило. Первый Совецатель объявил всем, что предложенное дело представится на разрешение Государю, а потом обратился к Сбигору.

— Что вам угодно? Кажется здесь нет ни одного дела, которое бы до вас касалось?

— Вы ошибаетесь, Господин Верховный Совецатель; по этому листу бумаги все дела Верховного Совета касаются до меня!

Все обратило глаза на Сбигора. Верховный Совецатель прочел слова писанные Иоанном, и пораженный удивлением, он обратился к собранию и сказал:

— Господа члены! Вот председатель, заменяющий здесь самого Властителя! Сбигор-Свид, извольте занять назначенное вам место и принять от меня отчет в течении дел, а потом прошу меня уволить от службы, которую по старости лет продолжать более не в силах.

— Мы точно того же просим! — сказали прочие Верховные Совецатели.

— Мы надеемся, что увольнение нас от службы будет первым делом, с которого вы

начнёте свою службу! — прибавил первый Верховный Совецатель.

— Извините, Господа Совецатели, я назначен временным Верховным председателем не для исполнения вашей воли, а для исполнения воли Властителя; и потому прошу вас занять места свои и выслушать предложение Государя.

После сих слов Сбигор занял место Председателя и начал читать следующее:

«Верховному совету Босфорана.

Указ.

Государь Властитель Иоанн X, повелевает Верховному Совету, обще с священным правлением, совершить торжественное коронование Клавдианы Сбигор-Свид, дочери Временного Верховного Председателя Сбигора-Свида, в достоинство Царское, как избранной волею Провидения и Царя в Государыни и Царицы.

Обряд коронования совершится в первый день Цветеня.

В сей же день назначается брачное венчание Властителя Иоанна X с Царевною Клавдианой.

Все обряды совершатся по неизменным за-

конам.

Исполнение возлагается на Верховный Совет».

Во время чтения сего указа Совещатели и Советники смотрели друг на друга, и не верили ни слуху, ни глазам своим. Новость слишком была неожиданна, чтоб не испытать чего-то более удивления. Чиновники исполнительской части, чтоб яснее слышать, с каждым словом, произнесённым Сбигором-Свидом не совсем внятно, приближались и нему из отдаленных частей зала, и наконец окружили его как древнего Римского Оратора. Внимательному народу каждое слово Цицерона было так дорого как золото, за которое можно купить земное благо.

Едва Сбигор-Свид кончил чтение, первый Верховный Совещатель встал с своего места и произнес:

— Закон и воля царская нам святы! Господа Совещатели! По смыслу данного указа, и по неизменному закону, к сожалению нашему, а вероятно и к сожалению общему, Верховный Совет лишается уже в особе Сбигора-Свида своего Председателя.

Сбигор побледнел и затрепетал.

— Дайте, — продолжал Верховный Советатель, — первую книгу закона! Читайте восьмую статью, о браке Властителя с достойною из среды подданных!

Чтец Верховного Совета, с книгою закона в руках, взошел на кафедру и прочел громко:

— Отец и все родственники Царицы, избранной из среды подданных, не имеют права занимать должностей государственных.

— Итак господа, — сказал первый Советатель, — нам остается благодарить г. Сбигору-Свиду за председательство его в Верховном Совете; хотя слишком кратковременное, но во время коего решено одно из важнейших дел, от которого зависит некоторым образом благосостояние Государства. Пожелаем г. Сбигору-Свиду счастливого пути!

С сими словами первый Верховный Советатель встал с места; все прочие члены судилища последовали его примеру, и отдали поклон Сбигору-Свиду, который задыхаясь от испуга, кричал:

— Без воли Властителя Совет не может делать своих положений!

— Как Председатель, я предлагаю, именем Царя, исполнить то, что он повелевает! Никто не имеет права...

— Повторите восьмую статью неизменно-го закона! — сказал равнодушно первый Советатель, прерывая слова Сбигора-Свида.

Громко раздался по палате судилища голос чтеца:

— Отец и все родственники Царицы...

Но Сбигор-Свид не ждал окончания статьи; скорыми шагами удалился он из палаты, стограя от стыда и злобы.

Между тем, как отец Клавдианы председательствовал таким образом в Верховном Совете, доктор Эмун представлял Иоанну, что для совершенного его здоровья необходимо рассеяние, а для рассеяния что-нибудь приятное.

Слова его прервал докладчик о прибытии Сбигора-Свида; его велено было впустить, а Эмуну показаны двери.

С смущенным видом вошел Сбигор-Свид. Он не мог скрыть обиды, нанесенной его самолюбивому сану. Нетерпеливо внимал Иоанн рассказу его о состоянии, в коем нашел

он Верховный Совет; о приеме, который сделали ему в сем главном судилище; о неуважении к воле Властителя; но главные, основные причины происшествия он таил, или не успел еще объяснить, ибо Иоанн, не дождавшись конца рассказа, как иступленный, вскочил с места.

— На палубу их! Камня на шею! — вскричал он.

Страшный голос, которым произнесены были сии слова, напомнили Вельможе о болезни Властителя; с ужасом отступил он к двери и замолчал.

Но Иоанн, казалось, переломил гнев свой.

— Мы обойдемся без Верховного Совета! — произнес он равнодушно.

Сбигор-Свид успокоился также.

— Как Государю угодно, сказал он ободрясь, — я и сам полагаю, что совещательную часть на время можно отменить и препоручить исполнение воли Государя исполнительной...

В это время вошел истопник Филип.

— Из Галлии нарочный чрезвычайный го-нец!

— Это что за новости? Впустить! Нет!
Узнать с чем он приехал?

Филип вышел и чрез несколько минут возвратился.

— Письма из Рима от наместника при Галльском дворе.

Иоанн приказал Сбигору-Свиду взять бумаги, а Филипу выдти.

— Читайте!

— Это письмо в собственные руки Государю Властителю.

— Все равно!

Сбигор-Свид читал:

— Иоанн! Я уже на пути в Словению. Какие слова заменят эти звуки? Смысл их так велик, так для меня беспределен: в этих словах и печаль и радость моя, тяжкая разлука, и сладостное свидание! Противоречия чувств ужасны! Но обвинит ли меня любовь к Иоанну, за любовь к отцу, к отечеству, к родине, и народу? Ужели или не позволить мне забить будущее счастье, во время слез о настоящем...

Сбигор-Свид не мог читать далее; слова сливались в глазах его, смысл письма стал для него понятен... он взглянул на подпись.

— Государь, это письмо от Царевны Эвфалии! — сказал он Иоанну, которого лицо разгорелось, а взоры не знали, на чем остановиться.

— Вот ответ Царевне Эвфалии! — вскричал он, вырвав письмо из рук Сбигора. Лоскутки разлетелись. — Ну, еще кому отвечать.

Сбигор-Свид развернул другую бумагу.

— Это донесение от Государева наместника в Риме.

— Ну!

Сбигор-Свид читал:

— Воля Государя Властителя исполнена. Обряд благословения на венчание Царевны Эвфалии Галльской с Властителем Иоанном, совершен. Отъезд её в Босфоранию...

— Довольно! — вскричал Иоанн, — это не стоит ни внимания, ни ответа!

Сбигор-Свид перестал читать, но не мог еще придти в себя от внезапного удара, который разрушил все надежды его. Бумаги подтверждали молву о браке Иоанна с Царевною Галльской, а поведение Иоанна противоречило всему. «Это болезнь!» — думал Сбигор; но в душе он готов был воспользоваться и бо-

лезнию, чтоб только иметь право встать наряду с троном.

После долгого молчания, Иоанн обратился к нему.

— Я не давал обета Царевне Эвфалии возвести ее на трон Словении. Тот, кто дал этот обет, может и исполнить его!.. Царевна может продолжать путь к жениху своему; но вряд ли он поднимется с места, чтоб встретить и обнять невесту свою. Обманутая надежда скоро воротит ее назад.

Если отец её потребует у нас отчета, — сказать ему, что отчет готов в зарядных ящиках. Кстати здесь правители пограничных царств. Войска должны готовиться к делу. Понимаешь?.. Но это между нами! Кончим одно, потом за другое! Сего дня и завтра заботы ваши будут касаться лично до меня и до вашей дочери.

Сбигор-Свид слушал Иоанна и не постигал его; он видел в нем чудную перемену. Если б он не был убежден в мысли, что необыкновенные обстоятельства переменяют людей, и если б не самолюбие и не выгода личная; то Сбигор готов бы был уверять каждого, что во

дворце царском поселился нечистый дух, принявший, образ Иоанна. Но Иоанн прежний напоминал Сбигору одно падение с высоты почестей, а Иоанн настоящий, утоляет жажду его честолюбия.

Успокоенный на счет неожиданной новости, которую чрезвычайный гонец привез из Западного царства, Сбигор Свид торопился домой, чтоб известить дочь свою о вечернем посещении, которым удостоит Всепресветлейший жених невесту свою и тестя.

Между тем как Сбигор заботился о распоряжениях к высокотожественному браку и к принятию венчаного жениха Клавдианы в доме своем, а дочь его, как румяная Изиды, божество целого Востока, украшалась золотом, алмазами, изумрудами и рубинами, — весь Босфоран поднялся на ноги.

Появились в народе две новости, как два солнца на небе; нельзя было распознать, которое из них настоящее.

Одни говорили, что Царевна Галльская, невеста Иоаннова, едет в Босфоран. Другие утверждали, что Властитель избирает в Царицы Клавдиану, прелестную дочь Сбигора-Сви-

да, бывшего Верховного Совецателя.

Первая новость была верна, потому что многие собственными ушами слышали ее от приехавшего из Галлии чрезвычайного гонца.

Второй новости также должно было верить, ибо весь Верховный Совет говорил об этом со всеми подробностями, которые относились и не относились к сему случаю.

Противоречия рождали толки, толки рождали недоумения, а недоумения били основою единогодушного заключения, что придворный медик говорит правду, и что Иоанну опасно показываться на глаза.

Не смотря на сие, в сумерки Великая площадь стала наполняться народом, любопытным, как неопытность неведение.

Колесница царская подъехала к выходу; дневальные вестовые и дружина, подскакали на гордых конях и все ожидало появления Иоанна.

Народ также столпился подле дворцового крыльца. Все взоры были устремлены на ступени лестницы внутренней. Любопытство, ожидание и боязнь смешались в мыслях каж-

дого. Никто не смел нарушить общего молчания; только гордые нетерпеливые кони, запряженные в колесницу, ржали, вскидывали гривами, взвивались на дыбы и рвали копытом землю. Сбруя и серебряные цепи, которыми головы их были прикованы к упряжи, гремели; а пена брызгала на любопытных зрителей, которые, кажется, хотели сглазить уроженцев Иэменских.

Наконец Иоанн показался; народ отхлынул от него как морская волна от берега. Только двое неизвестных, в плащах и красных шапках, как прикованные к угольным ступеням крыльца, стояли, не двигаясь с места.

— Здравствуй, Царь! — произнесли они вдруг, таким голосом, который казалось поразил слух Иоанна. Не останавливаясь, окинул он их взорами, сел в колесницу и поехал.

Не сходя с места, неизвестные проводили Иоанна взорами.

— Он не узнает старых знакомых! — сказал один из них злобно.

— В государственных заботах потерял память! — отвечал другой.

— Первый прием сух.

— Чорт нас понес на сухую землю!

— Правда твоя. Не соваться бы огню воде в родню.

— Однако ж во что бы ни стало, а я доложу о себе!

Они скрылись в народе, который потянулся вслед за колесницей царской. Быстро пронеслась она по великой площади и широкой улице, которая тянулась на набережную. Подле крыльца Сбигорова дома, шелковые возжи натянулись как струны, кони осели, колесница остановилась. Иоанн вышел, и исчез в блеске освещённой галереи.

Народ снова ожидал появления его, с тем же любопытством, как у дворца.

Солнце уже садилось. Смотря с набережной на восток, картина вечера была очаровательна; последние лучи отражались еще на верхнем значке кораблей плывущих по Босфору, и на золотых шарах высоких игл Китайского дворца, в бывшей Скутари. Тих был вечер, как на холмах Крита, когда нежная, легкая Ора плавала по благовонному воздуху.

Уже становилось темно, когда Иоанн вы-

шел от своей невесты. Сопровождаемый отцом её и сопутствующими, он сошёл с крыльца и подходил уже к колеснице своей, как вдруг раздались подле него опять те же громкие слова:

— Здравствуй, Царь!

Торопливо сел он в колесницу, и жеребцы понеслись.

Прибыв во дворец, Иоанн потребовал к себе Сбигора-Свида и приказал ему, чтоб во время выездов две охранных сотни всегда сопутствовали его и не допускали приближаться к нему народу.

— Между мною и народом должно быть войско! — сказал он и пошел в опочивальню.

По данной власти Сбигор-Свид делал распоряжения и приготовления к свадьбе, сообщаясь единственно с сею главною необходимостью. Все прочее как будто не касалось до Председателя Верховного Совета и до самого судилища; все Верховные Совещатели были удалены от дел.

Исполнительная часть занялась только поручениями отца Клавдианы; правление царства сделалось для всех постороннею вещью,

как в день древнего Еврейского шабата, когда закон воспрещал и нравственные и физические заботы и о частном и об общественном благе.

Настал великоторжественный день венчания Властителя Иоанна с Клавдианой. Рано пробудилась невеста.

Беспокойство чувств сгоняло пугливый сон; в продолжении всей ночи, как ласточка вился он около очей Клавдианы и отлетал, когда из волнующейся груди вырывался продолжительный вздох, когда начинало стучать сердце, или, когда внутренний пламень вспыхивал на ланитах и пробегал как пожар по всему телу красавицы.

Будущая почетная наперсница будущей Царицы Босфоранской стояла уже подле её ложа.

— Вставайте, Клавдиана, — сказала она, — родитель ваш желает, чтоб вы скорее назначили сами достойных составлять двор и дружину Царицы.

Вскоре в зеркальной стене отразилось все, что от начала до конца мира было и будет предметом восторгов и первую мыслию пер-

вой песни каждого певца.

Клавдиана одевалась.

Её разговоры с наперсницею касались до выбора в свиту её дев и женщин из всего родства и знакомства.

Пристрастие, как судья всех выборов, припомнило Клавдиане и её наперснице, холодные взоры, колкие слова, обидные для самолюбия достоинства, лесть, угодливость, и все, чем одни могут нравиться, а другие нет.

Долго продолжался бы этот нерешительный выбор, если б отец Клавдианы не присылал несколько раз напоминать о времени, и не пришел сам сказать, что ему пора уже идти к Иоанну, для представления списка свиты Царицы. Наконец список был готов; целый лист, наполненный именами почетных Босфораном, назначенных быть спутниками новой планеты, вручен был Сбигору, и он отправился, но дворец.

Распоряжения были утверждены, во всей силе.

Около вечера весь Босфоран, извещенный о бракосочетании Царя, стекался на средней площади. Весь путь торжественного шествия

от дворца до храма Вознесения был уже огражден тройными рядами Славянских воинов двенадцати охранных царских полков.

Посредине площади было устроено возвышение, под бархатным навесом, с золотыми кистями и махровыми коймами; между сим возвышением и храмом были сооружены торжественные врата. Столбы, своды и образы, представляющие Словению, окруженную мудростью, верой и славою, выделаны были из разных трав и цветов, в роде мозаиков.

Весь путь шествия был устлан розами, лаврами и миртами; по обе стороны, перед рядами воинов стояли попарно юноши и девы в белых одеждах переплетенные цепью из цветов.

Вся пустота между строениями и торжественным путем наполнилась народом. Она казалась мостовой, выложенной не камнями, а человеческими головами. Чудный гул тихих общих разговоров уподоблялся вихрю, пролетающему чрез лес перед приближением грозы: Вдруг громкий залп из орудий, возвестил шествие Царя и невесты. Удар повторился перекатами между берегами Босфора, и по-

всюду водворилась тишина.

На пути от дома Сбигора-Свида до возвышения на площади, показалась колесница, запряженная гордыми конями, покрытыми розовым бархатом, облитым золотом. В ней сидела прелестная Клавдиана, невеста Царя; прозрачное покрывало не таило от любопытных очей ни Дамасскую розу, ни белизну Лиосской камелии, ни двух звезд светильников седьмого неба, ни улыбки девы души. Все дивились красоте Клавдианы. Блистательная одежда её, золото и светлые камни бросали от себя яркие лучи, как будто на зло, чтоб затемнить природные прелести Клавдианы и скрыть их от жадных взоров; но тщетно блистали они: красота природы и в пламени солнечном была бы заметна.

Когда приблизилась колесница к возвышению, Клавдиана вышла из оной; ее ввели на ступени. Когда божественная Астартея, облеченная в облако, ожидала сына Мирры, она уподоблялась Клавдиане, нетерпеливо ожидающей приближения Иоанна.

В подобной же колеснице, но со всеми признаками царской власти и величия, шество-

вал Иоанн от дворца, сопровождаемый двором своим. С приближением его, народ повсюду волновался, невольно отступая от пути шествия.

— Как переменялся Царь! — говорили все друг другу шепотом, — блиставшее в очах его милосердие потухло; доброта, и ясность лица исчезли; он бледен и мрачен.

Подле возвышения, где ожидала Иоанна невеста его, он сошел с колесницы, приблизился к ней, взял её руку; гром орудий раздался во всех концах города и Босфора, и торжественное шествие началось.

Уже Иоанн и Клавдиана готовы были вступить на возвышение колоннады храма, вдруг, в толпе народа раздался звонкий голос человека, который пробивался сквозь народ.

— Пустите, — кричал он, — пустите меня для чести Царя и царства!

Народ со страхом расступился перед ним; он расторгнул ряды воинов, прорвал цветочную цепь, переплетающую юношей и дев, остановился пред Иоанном, гордо вскинул голову и громко произнес:

— Государь Властитель! Обрученная с то-

бою Царевна Галлии Эвфалия на границе Словении ожидает встречи жениха своего. Вот кольцо её!

Из руки Иоанна выпала рука Клавдианы, которая без чувств лежала уже на ступенях храма. Бледный и трепещущий, он искал ответа на произнесенные к нему слова не в голове своей, а за поясом; но руки встречали одни только складки порфиры осыпанной драгоценными камнями.

Часть восьмая

Мстительная судьба нашла его.

XV

В гостеприимной пристани Босфоранской, на самой набережной, устланной Эвбейским мрамором и обнесённой узорчатою оградой на белой меди, гостиница, Вселенная славилась и привольем, и раздольем. Со всех концов мира съезжались туда гости и были там как дома. Прихотливый европеец находил там разнообразную смесь царства животного с царством растений, изготовленную по пылкому воображению утонченного и изне-

женного вкуса. Житель Ледовитого моря удовлетворял страсть свою к мясу кита и белого медведя. Дикому колумбийцу подавали раковины, рыбную муку, юколу и любимую ольховую кору, облитую жиром; океанцу глину, разведенную ромом и незрелый маис, жареного казора и саго вареное на пальмовом вине; негру островитянину вайгутскую черепаху; африканцу финики и белед-аль-джеридскую саранчу; индейцу, которому Вейдам запрещает употреблять в пищу все, что одарено жизнью, приносили маис и пшено сваренное в молоке и осыпанное сахарным песком, сушёные тамаринды и фиги. Для жителей Киана изготовлялось снежное пшено, поджаренное в кокосовом масле, поджаренные ломтики мяса золотого Фазана и кирпичный чай; для безобразных степняков Кажарских и Торфанских, сырое, прелое мясо кобылиц румелийских. Для японцев, мясо белых медведей.

Одним словом, там можно было иметь все; видеть всех народов, слышать все языки.

Огромная гостиница сия тянулась вдоль набережной; на стороне, обращенной к пристани были два яруса сеней, основанных на

мраморных столбах; несколько входов вели на оные посетителей; над каждым крыльцом прозрачные надписи, освещенные, во время ночи, означали различие входов в отделения.

Жилье в нижнем ярусе было посвящено прихотям матросов, народа черного и рабочего. Часто из него, как из Египетского Арсиноиского Лабиринта, гости не находили выхода без попечительного проводника.

Широкие окна, окладные ставни, были увешены и загромождены копченой и вяленой рыбой, устрицами, улитками, сыром, пластинками мяса, и проч.

Перед входом, с одной стороны, на столике, был фонтан любимого прохладительного напитка, с другой стороны, кипел самовар. Бутылки с семитравником и разными виноградными винами украшали полки в окнах и на стенах.

Во внутренности, услужливые и гостеприимные хозяева, в белых, полотняных одеждах, с засученными до плеча рукавами, в фартуках, суетились около пылающих очагов, варили, жарили, и пекли, и молча исполняя требования посетителей, угощали их всем,

чем только может располагать мелкая монета и прихоть дикого вкуса.

Солнце еще не успело озолотить рассеянных облаков по восточному небу, Босфор был еще покрыт туманом, только из некоторых труб Босфоранских зданий вился дым столбом и предвещал новый прекрасный день. В гостинице, по обыкновению, все уже было готово: и обед, и ужин, и завтрак, и полдник. Только движение миров, не знающих ни отдыха, ни ночи, ни дня, и неусыпный Харон, беспрестанно перевозящий чрез Стикс, за известную плату беспрестанно прибывающих теней, уподоблялись гостинице и её прислужникам, вечно готовым к приему и угощению, за все монеты в мире.

— Здорово, рыжий! Здравствуй, тюленья шкура с маслинами! — сказали двое моряков, входя в двери 3-го отдела нижнего яруса.

— Здравствуйте, господа!

— Что есть на очаге?

— Жар да полымя, чего прикажете?

— Сам съешь! Да закуси черствым камнем.

— Зубы худы, господа! Не угодно ли попробовать свежего лецца с наваром из каракати-

цы.

— Горячих! И Мессарийского пеннистого.

— Понимаю!

Они сели на нары, покрытые ковром.

— Патрон забыл нас; если пришло напоминать о себе, то разве только кадилом в голову!

— Когда мы подали ему голос, побледнел как будто мы послали ему двенадцать пуль в сердце!

— Залез в орлиное гнездо: хочет раззнакомиться с соколами!

— Не думает ли он их переловить, да сделать из них чучел?

— Не даром что-то пришла мне черная мысль в голову: сердце у меня всегда чувствует непогоду. Послушай, Эвр! Мне кажется, по вашим следам ходит черный глаз. Я тебе еще не говорил, пора сказать, не понравились мне вчера два молодца, которые что-то часто встречаются да присматриваются на вас. Не вашей ли стаи? — думал я, посмотрел на полет: — нет; вот я и сам наметил на них зрачки. Уж не рыбу ли удят они для стола Властительского?

— Если так, то не выворачивать же шкуру

наизнанку и не поджимать хвоста! Палец ближе к стальному кузнечику, ладонь на рукоятку — и кончено! Но не смыкает же и он глаз: мы даром не венчаем на царство!

— Вот, господа, прошу подуть на ложку! — сказал хозяин 3 отдела, поставя на стол перед двумя пришельцами чашу, из которой вылетал пар, как из сопки Сицилийской.

— А вот старое с острова Св. Ирены; от двух стаканов прорастут к спине крылья, а от четырех в голову набегут тучи, а на ногах повиснут гири!

— Доброе дело! Ну, что у вас нового?

— Нового столько, что не знаешь с чего начать. Да вы, господа, я думаю, сами все знаете, про все слышали, все видели.

— Ничего со вчерашнего дня мы не видали и ничего на слыхали, кроме прилива, да отлива.

— Так вы не были вчера на большой площади?

— Покуда еще не были!

— Ну, уж в другой раз незачем и быть: слышали ли вы про Властительскую болезнь?

— Это-то знаем!

— Ну, а знаете ли, что в Иоанна влюбилась во время его путешествия Римская Царевна; он от нее уехал, да поздно: успела заворожить.

— Ну?

— Так вот что: как приехал он сюда — больнехонек, призывают лекаря одного, другого, всех собрали, какие только есть в Босфорании — ни какое лекарство не действует от заговора. Один только придумал натирать его магнитом, да дать сонного зелья на крепком вине: вот во сне он и заговорил:

— Привести ко мне Германского лекаря, который сию минуту въезжает в город.

Поскакали на все 12 застав. Что ж, думаете вы, случилось? Во дворце ждут не дождутся; вдруг является первый, второй, третий и все двенадцать посланных, каждый с лекарем! Вот двенадцать лекарей входят в сборную царскую палату; за ними следом двенадцать дневальных, которые привезли их. Смотрят — в палате подле дверей стоит лекарь, один одинёхонек; нос синий большой, как волосья почка, лицо как рубцы, глаза как у белуги, рот как у акулы, волоса как войлок;

весь, как буйловая шкура с оливками.

— Это мой! — думают все посланные.

— Кто привез его?

— Я, я, я!.. — отвечают все они вдруг, — я встретил его въезжающего верхом в северную заставу! Я привез его от юго-восточной заставы!.. От западо-северной! Нет, я! Я!.. Я!.. Я!.. — кричали дневальные. У всех волосы стали дыбом. Доложили Властителю про это чудо.

— Такого мне и нужно, — сказал он.

Вот привели к нему лекаря; спрашивают: чем помочь Царю?

— Велите, — сказал, — запрячь колесницу, я прогуляюсь с Властителем; на дороге попадутся нам черные глаза: если влюбится в них — хорошо, а нет — то плохо.

Что же думаете, господа! Властитель влюбился в черные глаза дочери бывшего Верховного Советателя! Скорей свадьбу — сказал лекарь — покуда Римская Царевна не наслала нечистую силу.

Вмиг все было готово; построили торжественные ворота, чрез которые Властителю с невестою должно было ехать в храм; устлали

дорогу цветами и золотой парчой. Вот Властитель и невеста сошлись, взяли друг друга за руку; как вдруг является, откуда ни возьмись, какой-то человек в черной одежде, взглянул на народ страшными глазами — все расступились! Сказал несколько слов — невеста без памяти покатила на ступени храма, а Иоанн опять обезумел! Народ со страху пустился бежать куда Бог ноги понес; черный исчез, а Властитель, небесная сила знает как, очутился опять во дворце, заперся, велел ловить черного, посадить в железную клетку, границы запереть, войску готовиться в поход на Римскую Царевну, которая, говорят, идет войною к Босфорану! Страшные времена пришли! И не приведи Бог, сколько погибнет от чародейства проклятой!

— Угости-ка, и нас дружок! — сказали двое вошедших, смиренным голосом, и прервали чудный рассказ хозяина.

Они были в простой одежде; садясь на нары перед общим столом, они всматривались на первых двух пришельцев.

— Что прикажете? — спросил хозяин.

— Да так, что-нибудь перекусить и вы-

пить, трилистнику, да чего-нибудь жареного.

Хозяин занялся приготовлением.

— Эвр! Вот они! Те же птицы, да в других перьях! — шепнул один моряк другому.

— Нет... Молодцы хоть куда, да не в своей коже. Если твоя правда, то верно они задаток еще не получали.

— Эй, друг! две бутылки Мессарийского!..

— Нет! Подсыпь в стакан туману, мы их повышаем, — прибавил Эвр тихо.

Трилистник, жареной фазан и две бутылки Мессарийского немедленно были поданы. Между тем как два новых гостя молча принимались за скромный свой завтрак, один из моряков налил в стаканы пенистого вина с острова Св. Ирены и поставил их пред ними.

— Господа! Сего дня мой праздник! Прошу выпить за здоровье Эвра Строуса, вольного матроса, у которого нет ни отца, ни матери, ни рода, ни племени, но за то, есть везде встречные, добрые приятели! Гей! Стаканов! Ну, товарищ! Что ж ты отстаешь?

— Рад знакомству! — сказал один из Босфоранцев.

— Благодарим! Но за честь честью: пью,

с тем только, чтоб после идти гулять ко мне! — сказал другой, посматривая на товарища и как будто поздравляя с успехом.

Новые знакомцы стукнулись стаканами и опорожнили их.

— Слышите ли, ко мне! — повторил Босфоранец.

— Ваши гости! — отвечал Эвр и ударил по плечу Нота. — Ну, друг, теперь за твое здоровье! Он, господа, вытащил мертвый якорь из моря!

— Каким это образом? — спросили Босфоранцы.

— Здесь не место рассказывать. Дивная, чудная история! Пойдём к нам на корабль, пропустим несколько струй в горло; попотчую вас сладким куском, а потом расскажу то, чего вы с роду не слыхали! Слыхали-ли вы, например, про грешную душу, как она по мытарствам ходила, да испить просила? А? Пойдем же, друзья! Для вас и на деле покажу! А потом к вам на пир, хоть ночь проводить.

Босфоранцы взглянули друг на друга лукаво, но по выражению хозяина 13 отдела и у них на ногах повисли уже гири.

— Хорошо! — сказали они, — мы готовы!

— Готовы, готовы вижу, — отвечал Эвр.

— Только чур, на ночь к нам!

— К вам, к вам! Ну, давай руку! товарищ, помоги приятелю! Шлюпка недалеко.

Моряки взяли под руки отуманенных Босфоранцев и повели к сходу на пристань. С трудом свели они их по лестнице, усадили в ладью, и пустились вон из залива; потом чрез Босфор на Азиатскую сторону. Скоро миновали они Леандрову башню, приблизились к небольшой пристани, к легкому судну с купеческим вольным значком.

— Эй, живее лестницу! — вскричал Эвр.

С корабля спустили лестницу!

— Спустите и помочи, которыми бочки катают, а то приятели-то наши отяжелели. Ну! Подвязывай им под бока!

Они обмотали спущенные толстые канаты около Босфоранцев, которые тщетно уверяли, что они сами, без помощи, войдут на палубу.

— Мечта, друзья! Лучше не свалитесь в море, а то после за вас отвечай Царю.

Между тем как их тащили на палубу как огромных сомов, услужливые моряки, хозяе-

ва корабля, помогая подниматься, успели перевязать им руки и ноги.

— Ну, бесхвостые рыбы, теперь вы в неводе и на берегу! Тащи их в особую корабельную каюту! Да подайте жаровню, опилок, да еще кое-чего питательного: надо гостей угостить!

— Полно шутить, развяжите нам руки и ноги! Чорт вас возьми с вашими морскими забавами! — говорили Босфоранцы, но видя, что на них не смотрят и не слушают их убеждений, они стали рвать канаты, которыми были связаны. Канаты были надежны, угрозы также мало действовали, некому было придти на помощь.

— Втащи одного в мою каюту, а другого оставить в общей корабельной, — сказал Эвр матросам. — Пойдем, Нот, угостим их по очереди.

Они вошли в отдельную каюту.

— Ну! Зажми ему рот, да пошарь в карманах, какой монетой набиты!

— Разбойники! — проговорил, задыхаясь связанный, и тщетно силился разорвать веревки.

— Молчать! Без осмотра на корабль не принимают!..

— Эге, друг!.. Верно ты собирался кого-нибудь в бок ужалить, славный четырехгранный с зазубринами!

— Ну еще что?

— Что-то в бумаге — порошок!

— Знаю! Эта пыль хоть кого удушит!

— Посмотри в боковых карманах! А! пара дуэльных! На всякой случай!

— Ну, теперь разденьте и уложите, как долг велит; потом ступайте все вон! Только я с товарищем, да с гостем здесь останусь.

Все корабельщики вышли вон; связанный Босфоранец лежал на полу и тяжело дышал, Нот раздувал мехом жаровню, и калил опилки.

— Ну, друг! — сказал Эвр, — теперь ты на страшном суде, говори всю правду.

Босфоранец побледнел и с ужасом устремил взор на раскаленное железо.

— Дьяволы! Что хотите вы делать со мною? — вскричал он.

— Отвечай сперва: кто ты? — спросил его Эвр.

— Житель Босфорании.

— Нот, капни ему на язык леденцу, чтоб говорил правду.

— Прикусил язык! Постой, я тебе вытяну душу! Говори, проклятый, или истязую как дьявол грешника!

Эвр прыснул на него раскаленными опилками.

Как мученик Торквемады вскрикнул Босфоранец.

— Ага! отвечай! Кто ты?

— Охранной сотни урядник!

— Имя!

— Порфирий Орай.

— Имя товарища?

— Петр Луч.

— Какое поручение дано вам?

Ответчик с невольным удивлением взглянул на моряка и молчал.

— Говори! — вскричал сей последний.

— Велел принести ваши головы!..

— Ну, говори все, как было?

— Три дни тому назад мы стояли на часах у двери Властительской опочивальни во время ночной смены, вдруг, гораздо за полночь,

сам Властитель вышел и позвал нас к себе, рассказал нам все приметы ваши, что вы морские разбойники шайки Эоловой и приказал убить вас тайно, и принести к нему ваши головы.

— Дорого ли он оценил наши головы?

— Обещал нам по тысяче слав, и дал приказ считать нас своими слугами.

— За эту цену можно купить сто голов с туловищами! Однако ж, все-таки дешево!.. Ха! Продавать чужой товар без спроса у хозяина! Нет, друг! Моя голова не продажная. Ну, а где ж показан вам ход в опочивальню?

— Нам показали тайный ход под морскими воротами, направо, в длинных крытых сенях есть круглая лестница, она ведет под темный свод; в боку железная дверь, потом чрез длинные переходы и покои прямо в опочивальню.

— Ключ от двери?

— Ключа нет: она отворяется изнутри!

— Морочишь, проклятый!

— Верь! Железная дверь выбита гвоздями; седьмой гвоздь сверху и пятой с боку крепче придавить, это подаст знак — и двери тотчас

отопрут.

— Какой дан вам знак или отзыв?

— Когда отворят двери, то должно произнести Аз.

— А часовым какой ответ, на сегодняшней день?

— Сила.

— Ну, теперь, приятель, с тобою кончено! Нот, вели тащить другого?

Принесли другого Босфоранца, уложили на пол, как и первого. Бледный как парус, он просил помилования и пощады.

— Как зовут тебя?

— Илларион... Петр Луч! Луч!

— Где служил?

— Сторожем в Блюстительской!

— Как! Отрекаешься от службы царской?

— О, о! Пощади, я слуга Властительский.

— Ну говори, что обещано тебе за пару голов?

— За какие головы?.. Тысячу слав! Тысячу!

— Э, ты как лимон: режь или жми, а сам сок не течет!

— Который гвоздь прижимать в железной двери?

— Седьмой сверху да пятой со стороны.

— Хорошо!

— Эй, дети! Возьмите и этого, да накормите досыта! Слышите ли! Кормите их на убой, а нам, для подкрепления силы, Тарского фазана, бутылку Островского, стаканы и пробочник, живо!

Связанных Босфоранцев вынесли в общую корабельную палату, а Эвр и Нот, как палачи, после совершённой казни, сели за стол подкреплять усталость своим вином; яркие взоры их не с таким удовольствием, смотрели на белое мясо фазана, как на тела мучеников: он был пережарен— и кровавый сок не брызгал под ножом.

Утолив голод и жажду, остаток дня они посвятили сну.

Перед закатом солнца, главный из них вскочил с койки, и ударил по плечу сонного товарища.

— Вставай, пора нести Властителю подарки.

Они вышли в общую корабельную палату.

— Сыты-ли? — сказал Эвр, подходя к связанным Босфоранцам.

— Отпусти нас на Божью милость! Дай пожить на спасенье души! — произнесли умоляющим голосом связанные.

— Сыты ли, спрашивают вас, ежи?

— Сыты, сыты!

— Пить хотите?

— Жажда томит душу!

— Сейчас отведете душу морской водой! Эй, дети! Острую секиру! Снесите с них по башке, а сытое брюхо в море: пусть себе пьет на здоровье! Ну!

Скоро приказ был исполнен в точности; несчастные не успели еще проговорить мольбы о помиловании, и зверские исполнители приказаний Эвра вцепились уже им в волосы и с одного размаха отхватили головы; кровь хлынула, трупы свалились в море.

— Обмой, оберни и уложи их в мешки! Они пойдут в подарок.

Эвр и Нот оделись в кафтаны убитых Босфоранцев, взбросили на плечи по мешку, спустились в ладью и понеслись быстро на Босфоранскую сторону.

Солнце уже закатилось. Просторный и высокий дворец Босфоранских Властителей,

прекрасный как сооруженный волшебным воображением Тасса для Армиды, отражался в водах Босфора. Трудно было уже различить образы гранитных статуй, бывших на оконечностях обходов, вдававшихся полукружиями в море. Подобные великанам допотопных времен, они казались уже вековыми соснами на холме Арвенском; между ними, ступени из белого мрамора, ведущие на обширную мраморную же площадь перед дворцом, похожи были на снежные уступы Сан-Готарда. В рядах окошек дворцовых мелькали огни; над громадой сложных строений, подобных двенадцати дворцам Царей Египетских на своде, против потухающего западного неба, был колоссальный всадник, держащий в правой руке развевающееся знамя царского присутствия: он походил на черную тучу, окрестности которой представляют взорам фантастические образы.

Ночь, была прекрасна.

— Проснись, раб роскоши — сказал бы певец времен — насладись часами спокойствия, разливающимися по природе свежесть и благоухание! предайся размышлению! воспой гим-

ны, которым научит тебя душа твоя!

Ладья остановилась подле дворцовой пристани; Эвр и товарищ его выскочили на мраморные ступени.

— Ну, господа гребцы, не двигаться с места: вы будете ждать нас до самого света; если к свету не воротимся, то это будет знаком, что мы приказали вам долго и мирно жить. Тогда, друзья, вам добрый совет — не ждать попутного ветра. Понимаете? Прощайте! Ну, товарищ, помни же, что я Порфирий Орай, а ты Петр Луч, пойдём! Вот небывалая вещь, мы теперь двухголовые: одна голова на плечах, а другая за плечами.

— Попадем ли мы в морские ворота?

— Язык покажет дорогу, первого встречного спросим. Эй, господин! Где ход во дворец в морские ворота?

— Во дворец? — спросил прохожий, остановясь и посмотрев на вопрошающих. — К воротам вы доберетесь, а в ворота вряд ли вашу братью пропустят.

— Об этом не твое дело горевать.

— Во дворец вход запрещен. Теперь уже не те времена, когда дом Властителя был открыт

для всех, как храм.

— Пройдем, не твоя забота!

— Если есть у вас по лишней голове, то ступайте!

— Есть приятель, есть! Да только покажи дорогу к морским воротам.

— Ступайте прямо, перед ними падает с башни водопад; без дозволения не выдвинется отвод и ворота не отворятся.

— Спасибо тебе за доброе слово.

Эвр и товарищ его пошли далее; скоро стал слышен шум падающей воды, они направили к нему стопы свои. Приблизились к высокой башне; вход чрез оную был заперт водопадом; перед ним стояли часовые.

— Кто идет?

— Царские слуги, Порфирий Орай и Петр Луч.

— Прочь!

— Не прочь, а во дворец!

— Отзывает?

— Сила! — произнес на ухо часовому ложный Порфирий Орай.

— Можете идти!

Часовой подали знак колоколом. Падение

воды разделилось посредством отвода, выдвинутого над воротами, ключи заскрипели в замках железных ворот; они отворились, Орай и Луч вошли.

— Кто идет! — закричали внутренние часовые.

— Царские слуги!

— Отзывает?

— Сила!

— Ступайте.

Пройдя сквозь ворота, Орай и Луч повернули ко входу на право, ведущему в темные сени.

— Ну, здесь и леший заблудится! Ни кошельных глаз, ни фонаря! Вот тебе раз!

— Лестница наверх в конце.

— Да есть ли у неё конец?

— Ступай, покуда головой обо что-нибудь стукнешься. Ага! Уступ, так и есть. Вот и ступени, ну, куда-то дойдем!

Лестница вилась около столба, как дикий виноград около высокого паана.

— Ну, приятель, это скользкий путь; тут и своей головы не донесешь.

— Скоро ли конец этому проклятому вин-

ту?

— Насилу выбрались на чистое поле!

— Хоть бы сова посветила своими глазами.

— Шарь же ты по одной стороне, а я по другой, покуда наткнемся на железную дверь.

— Что?

— Покуда еще ничего.

— Ну?

— Что ну! Хоть света дожидать!

— А! Ступай сюда!

— Нашел?

— Железная дверь есть, теперь стоит только подать голос.

— Пятой гвоздь с угла отщитан; а! Подается!

— Чу!

За дверью послышался гул подобный удару в колокол без отголоска; вскоре кто-то приблизился к двери; два раза повернулся ключ в замке, два раза стукнула щеколда; отворяющиеся двери заскрипели на пробоях и отворились; шарообразное явление показалось в дверях, осветило витым светильником пришедших, и спросило голосом сходным с воем Фавония в развалинах башни ветров:

— Кто?

— Царские слуги.

— Ну?

— Аз!

— Идите за мною!

Это был Эмун; он почти бежал через длинный коридор по лестнице, под сводами, между колоннадою, через галерею, через длинный ряд покоев, и наконец, остановясь пред огромным зеркалом, пожал пружину, скрытую в бронзовой раме; зеркало отделилось от стены — и мнимые Орай и Луч вошли в след за Эмуном в покой, украшенный древним оружием.

Из сего покоя отворились двери в кабинет Властителя. Он сидел перед столом, спиною к двери.

— Исполнили?

— Все готово! — отвечали они, и опустив мешки на пол, вынули окровавленные головы и поставили на стол, Иоанн, взглянув на головы, вдруг вскричал:

— Это не те!

Обратился к мнимым слугам своим, но слова замерли на устах его, он побледнел и

вскочил с места.

— Мы принесли те, которые тебе нужны, но на плечах, а не в мешках! — вскричал Эвр, и, выхватив пистолет, бросился на Иоанна, схватил его за грудь и произнёс приставя дуло: — Здорово, Эол! Властитель Босфоранский!

Товарищ его сделал тоже и занес кинжал над ложным Иоанном.

— Кому теперь помолишься: Богу или нам?

— Дьяволы! Ни вам, ни Богу! — произнес, задыхаясь Эол, — мне не о чем просить!

Пустите, злодеи!.. Дайте мне еще вздохнуть свободно и сказать правду!.. Пустите! Я ваш! Слышите ли, ваш, низкие души!.. Слышите ли слово Эола? Оно вернее ваших кровавых рук!

— В последний раз верим тебе, говори! Все равно, спасения нет!

— Думаете вы, что мне нужна жизнь, царство, власть, богатство, сон, прах, блеск? Нет, малодушные! Нужна мне была свобода, независимость, пространство, которое не имело бы пределов, время, которое не тяготило бы меня ни часами, ни днями, ни изменчиво-

стью своей; солнце, которое светило бы постоянно; ум, который бы не заблуждался; чувства, которые бы не ведали горя; глаза, которые бы не знали ни слез, ни ночей, ни сна; тело, которое не испытывало бы усталости; женщина, которая стояла бы в зорех, чувств и молитвы моей; друг, который бы не учил, а понимал меня!.. Но ни здесь, ни в целом мире, ни во всей жизни, нет того, чего искал я!

Низкие души! Что мне в царстве, когда и вы, презренные, встали выше меня и можете попирать меня ногами!

Эти блестящие оковы, эта алмазная темница, прозванная чертогами; эта гранитная скала, подавляющая человеческие силы, названная державою; эта страшная зависимость, называемая властью — я проклял их в то мгновение, когда взошел на первую ступень невозвратного восхода, ведущего на поднебесную высоту, от которой до бездны один только шаг! На этой высоте одного только жаждал я: я хотел повергнуться в бездну... Эолом!

Слышите, низкие души? — я хотел умереть

Эолом! И потому искал и вашей смерти, чтоб ни вы, ни случай не открыли: кто я, и не лишили бы меня последнего земного блага: снять самому недостойную личину, которую Эол покрыл себя! Или не верите мне? Вот вам рука моя!

С сими словами, Эол сорвал со стены меч, сбросил ножны, отсек одним размахом кисть левой руки своей, а правую сжал её и остановил хлынувшую кровь.

Эвр и Нот, пораженные удивлением, молчали; казалось, что в них возродились чувства, которые испытывает слабый пред сильным.

— Еще говорю вам, — вскричал Эол, — вот рука моя! Теперь вы можете дать клятву, что я не завладею вашей долей. Вот вам и золото, рабы! Кажется, я откупил у вас жизнь свою до завтра! Приходите же в полдень на площадь: там покажу я вам и всему народу, где у меня сердце. Там повторю я, что лучший плод данный мне жизнью, есть смерть!

Идите, рабы! Вот лежит золото и камни; они чище души человеческой, но также, как человек, готовы быть злодеями!

Постойте! Скажите женщине, которую вы почитали за мать мою, что я не сын её...

Там есть Мери, скажите ей, чтоб она благословила дочь мою Лену! Но нет! Вам эти слова не понятны! Вы не будете уметь пересказать их!

Ступайте! Вот царский лист; с ним вы можете пройти все царство и забрать все золото в казнохранилищах. Ступайте!

Пораженные поступком Эола, Эвр и Нот взглянули еще раз на него и вышли молча; уста их сковались удивлением, они не могли произнести — прощай — бывшему начальнику Стаи Нереид.

XVI

Все жители острова Св. Георгия столпились, смотреть на пойманного Эола. С радостным криком и с проклятиями провожали они носилки, на которых несли мнимого врага в дом правителя острова. Вслед за ним вели бесчувственную Мери и плачущую Лену.

По слухам, Эола не воображали человеком: — А! морской дьявол, попал! Вечная честь и слава острову Св. Георгия! Целый свет избавил от разбойника Эола! Где он, где? Покажи-

те, дайте посмотреть на его крылья! Это дракон! Верно весь в железной чешуе!

Так кричал народ, сбежавшийся смотреть Эола.

Но восторги, обезображивающие людей, эта безумная радость, когда они смотрят на волю и силу лишенных свободы, исчезли при взгляде на беспамятного пленника, которого воины несли на носилках.

Душа женщин добрее, сердце чувствительнее, взоры светлее. С первого взгляда они лучше нас умеют понимать наружность и черты, выражающие душу и сердце. Доброта ближе к ним, по природе. Они узнают ее везде как родную. Они верят истине, что «за ясным небом не скрываются громы».

— Неужели это Эол? — раздавались женские голоса со всех сторон.

— У него на устах улыбка! Добрая наружность! С этим спокойствием на лицо мог ли он быть злодеем?

— Это что за женщина?

— Говорят, жена его.

— Пираты не женятся!

— Неужели? Но все равно, он любит ее. Да

за что ж ведут и ее как преступницу? А дочь — посмотрите, как идет она за матерью, как слезы текут из глаз её!

— Боже мой, как хороша она собою! О, верно она не была участницею злодейств своего мужа!

— Как должна она страдать за него?

— Она его страстно любила!

— Она, может быть, и не знает, что он пират.

— Верно, не знает. Если бы и узнала, так уже поздно; любовь хуже честного слова, назад не возьмёшь!

— Что будет с ними?

— Отправили гонца к Властителю, что прикажет.

— Неужели казнят?

— Я бы не казнила, а дала бы им дом, прислугу и содержание; они бы стали жить мирно, счастливо.

— Да, верно, бедность причиною, что они ездили по морю, да искали насущного хлеба.

Так говорили несколько женщин, следуя за мнимым Эолом, Мери и Леной.

Когда неизвестного принесли к дому Пра-

вителя, он вышел на крыльцо взглянуть на Бича морей. Носилки поставили на землю; беспомысленный, лежал он на них как Александр, поражённый стрелою на стенах Оксидрага. Мери, слабую и почти бесчувственную, придерживали воины; Лена прижалась к ней, смотрела на все со страхом, слезы падали из глаз её.

— Наконец и Эол, этот злодей, достиг к концу своего поприща! Так наказует судьба преступников! — сказал правитель острова, приближаясь к пленнику. Он хотел говорить далее, но слова замерли на устах его, взоры остановились на неизвестном; долго рассматривал он черты его.

При слове Эол, Мери очнулась: она окинула всех взором.

— Где Эол? — вскричала она, и обвела снова взглядами окружающих её и тихо произнесла: — Его здесь нет! — и опять впала в бесчувствие.

— Это не Эол! — произнес Правитель тихо — кто ж это? Обманывают меня глаза мои, или память моя? Не Эол!

— Внесите его в дом мой, — продолжал

он. — Пошлите за врачом; раненому должно скорее подать помощь. Женщину с её дочерью также отведите ко мне; её положение и судьба кажется стоят сожаления.

Мнимого Эола внесли в особенный покой. Вскоре пришёл врач, он осмотрел рану, пуля ударила в левый бок над сердцем; удар был силен, но пуля пролетела почти вскользь, только прилив крови к сердцу был опасен. Врач объявил, что рана ничтожна, и после небольшого кровопускания, больной почувствуется и будет совершенно здоров. Слова его сбылись прежде времени.

Неизвестный пришел в себя, окинул взором все окружающие его предметы.

— Где я? — спросил он.

— В надежных руках, — отвечал врач.

— Пираты разбиты?

— На твою беду.

— Жива ли девушка Мери, которая была на их корабле? И с нею ли малютка Лена?

— Они здесь же, в доме Правителя острова.

— Как этот остров называется?

— Остров Св. Георгия.

— Я имею необходимость говорить с самим

Правителем острова; прошу вас, сказать ему это.

— Все настоящие твои необходимости известны теперь мне. Когда поставлю тебя на ноги, тогда Правитель острова будет знать, что тебе необходимо, а теперь нужно пустить только кровь из левой руки.

Неизвестный посмотрел на врача, и удержался от слов негодования. Через несколько минут принесли инструменты для кровопускания; но он отвергнул требования лекаря протянуть руку.

— Э, приятель, на все есть средства! — сказал врач, — от внутренних болезней лекарства внутренние, от наружных наружные; но твою внутреннюю болезнь можно, я вижу, вылечить наружными только средствами. Не протянешь руку — протянут! Позовите сюда несколько человек стражи! Из тебя много крови должно выпустить, чтоб унять горячку в языке!

В это время вошел Правитель острова; при виде его врач и причет его, отступили от мнимого Эола.

— Пришел ли в себя раненый? — спросил

он.

— Не только пришёл в себя, но уже и из себя выходит, — отвечал доктор.

— Что это значит?

— Г. Правитель, — сказал неизвестный, — прикажите выйти всем отсюда, мне должно говорить с вами наедине.

Правитель дал знак врачу и всем, кто только имел право входить в дом Правителя, чтоб удовлетворить любопытство видеть Эола.

Когда все удалились, неизвестный обратился к Правителю:

— Графа Провида я мог узнать, но ему узнать меня невозможно.

— Ужели чувства меня обманули! Государь Властитель Иоанн? — воскликнул Правитель острова.

— Он, — если ты веришь еще глазам своим, слуху и моим словам!

— Золотой век Астреи был полон чудес, Государь; царствование твое есть новый золотой век.

— До возвращения в Босфоран ты сохранишь тайну мою. На трон мой воссел злодей, за которого вы меня приняли; непостижимое

сходство дало ему всю возможность воспользоваться доверенностью Царя к народу, насилие сняло с меня порфиру, и оно, может быть, скрывает теперь от народа обман, которого не создавало еще воображение до сего времени. Если хищник найдет случай заменить Корурский алмаз ложным, то и зрение знатока, не дерзающего приблизиться к голове Великого Могола, будет долго думать, что тупой блеск камня происходит от неясности солнца. Кому придет в мысли при разительном сходстве Эола со мною, что он не я? Но граф, подробности ты еще успеешь узнать. Прошу тебя, вели изготовить к отплытию в Босфоран корабль; ты поедешь со мною. Мне могут еще предстоять и опасности, и затруднения. Как аэролит, упавший в области Адрианопольской, трудно извлечь из земли, так, может быть, трудно будет мне свергнуть хищника власти с престола Царей; но Проведение сохранило Царя, сохранит и царство от замыслов его! На одном со мною корабле была девушка Мери с шестилетним ребенком. Где она, граф?

— И она, Государь, в моем доме.

— Теперь я спокоен; она возвратила мне свободу; я хочу быть ей благодарным, она поедет с нами.

— Но здоровье, Ваша рана, Государь!

— Рана моя ничтожна. Во время пути и след её пропадет. Граф, мое имя здесь не должно быть известно; назовите меня как хотите, только не Эолом; ибо это название может навлечь новые беды.

Правитель острова исполнил приказ Иоанна, корабль был изготовлен. Жителям острова и морской страже, взявшей в плен Альзаму, объявлено было, что раненый под именем Эола, не есть Эол, а владелец острова Мило, взятый в плен Пиратами, и что Эол вероятно погиб во время битвы. Чтоб успокоить гордость победителей, разочарованных сим известием, Правитель от имени Царя осыпал их наградами, и сказал, что он лично едет к Царю, просить для них особых вознаграждений за подвиг, который возвращает царству благоденствие.

Когда все было готово к отъезду, Иоанн вступил на корабль. Мери и Лена ожидали уже его в каюте. Радость их была неописанна,

при появлении его. Но как удивилась Мери, когда заметила она уважение, которое Правитель острова оказывал Иоанну.

Корабль двинулся из пристани на всех парусах; день был ясен, ветер попутен, море спокойно; вправо были видны лиловые берега Ионии и Хиос, влево чернеющие скалы Скироса, а за ними область Эвбейская, и в тумане, отрасли обители древних богов и певцов.

Тучны и надуты были паруса, корабль, как дивный жезл рассекал море и оставлял за собою далекую, белеющуюся, как будто окаменевшую струю; иногда только, вслед за ним неслись дельфины стаями, и уподоблялись Нимфам, окружавшим корабль Энея, и поздравлявшим своего Царя с возвращением в родную Трою. Кто не сказал бы, что Иоанну покровительствуют те же боги, которые были рабами, оруженосцами, помощниками и исполнителями воли героев Илиада, Одиссеи и Энеиды?

Берег моря Эгейского, берет Геллеспонта и моря Мраморного пронеслись как время.

На третий день, пристань Босфоранская,

волны Босфора и великолепные здания столицы приблизились к кораблю, который казалось стоял неподвижен. Набережная была пуста, выстрел приветный не раздался при входе корабля в морскую заставу; только над городом стояло облако пыли, которого причиною должно было полагать необыкновенное стечение народа.

С корабля спустили ладью. Иоанн, Правитель острова С. Георгия, Мери и Лена сели в онаю и приблизились к берегу.

— Что значит это необыкновенное состояние города? — произнес Иоанн, — злодей успел уже нарушить порядок и лишит всех спокойствия!

— Мы это узнаем от этих людей, которые, кажется, отстали от прочих! Несколько матросов с кораблей и жителей набережной, заметно было, торопились также куда-то, все шли по одному направлению; Правитель остановил одного прохожего.

— Скажи мне, приятель, куда торопится народ?

— Как будто вам не объявляли, куда велено всем собираться.

— Мы приезжие.

— А! Так знайте же: ровно в полдень царским приказом всему правлению, войску и народу велено быть на площади, напротив дворца. Там, сказано в объявлении, совершится суд и казнь; там уже построен и эшафот.

— Кого же будут судить и казнить?

— Бог знает кого; все думают, что того человека, который помешал свадьбе царской с дочерью Сбигора-Свида.

— Кто-же этот человек?

— Нечистая сила знает про-то! Говорят, оборотень, которого наслала Римская Царевна. Однако же, вы верно видали как казнят, что не торопитесь на площадь; а всему Босфору это в диковинку.

Прохожий удалился скорыми шагами.

— Свадьба Царя, посланный от Римской Царевны! — вскричал Иоанн. — Нам должно торопиться, я хочу присутствовать на суде злодея; но казнить злодей может только невинных и добрых; если б можно было спасти несчастную жертву его! Он умел до сего времени сохранить на себе личину Царя, умел отдалить все подозрения, что он не

Иоанн! Удивляюсь ему!

Скорыми шагами приблизился Иоанн к площади, сопровождаемый Графом Провидом, Мери и Леной, которые не хотели оставлять его ни на шаг. Между тем среднюю площадь, против главного дворца, народ наводнил собою; все стояли в каком-то ожидании; смотрели на место царское и на эшафот; никто не подходил близко к оному, скрывая боязнь, чтоб Властитель в гневе не назвал его преступником, а возвышение, покрытое черным сукном, не было местом казни: боязнь свойственная тому миру, в котором нет положенной цены ни добру, ни злу.

— Властитель! Властитель! — пронеслось тихо между народом; и все умолкло. Мнимый Властитель шел из дворца, во всем облачении царском, сопровождаемый всем двором, в торжественных одеждах. Он остановился подле эшафота, и приказал следовавшим за ним занять свои места. Когда Сановники исполнили его волю, он к удивлению, всех взошёл на ступени эшафота. Все молчали, никто не осмелился произнести приветствия Царю.

— Народ! — сказал ложный Иоанн гром-

ким голосом. — Я пришел совершить суд над преступником!

Взоры всех следовали за страшными взорами его и с ужасом ожидали, на ком они остановятся.

— Читайте указ Иоанна об Эоле!

Чтец читал:

«Волею Провидения и согласиём народа, я Иоанн, отец и Властитель, назначаю 1000 слав в награду тому, кто доставит живого или мертвого нарушителя благоденствия общественного — Эола...».

— Довольно! — вскричал лже-Царь. — Эол не дожил еще до того поношения, чтоб кто-нибудь на земле мог им располагать. Если собственную волю можно назвать предназначением Провидения, то раб Провидения сбрасывает с себя и эти оковы! Внятен ли вам голос Эола? Эол достиг до той высоты, с которой видна неизмеримая будущность, мой любимый океан! Слепцы! Если б был путь на небо, — я бы похитил свет у солнца, взшел бы с востока, и вы почли бы ложный блеск за затмение, привыкли бы к этому сумраку и не заботились бы о настоящем светиле! Рабы!

Живите в тесноте ничтожного мира! Удовлетворяйте ничтожные потребности свои! Пресмыкайтесь! Спите, покуда настанет конец ваш, подобный началу! Смотрите на судью Эола! Смотрите на исполнителя казни, смотрите на это оружие!..

Он выхватил кинжал, поднял его, поразил себя прямо в сердце, извлек из раны, поднял снова и показывая изумленному народу, произнес:

— Смотрите на кровь Эола!.. Радуйтесь!.. — и упал на помосте.

— Эол! Эол! — вдруг раздался в толпе пронзительный женский голос! Девушка бледная и иступленная прорвалась сквозь толпу, вбежала на эшафот и упала на Эола. Как будто пробужденный знакомым голосом, он открыл глаза, и увидя Мери, столкнул ее с себя приподнявшись произнёс:

— Возьмите ее, отвлеките от соблазнителя её матери.

Народ пораженный ужасом безмолвствовал и казалось ожидал нового чуда... Но скоро общее онемение прошло, громкой гул, как шум пролетающего по лесу ветра во время

осени, пронесся в народе:

— Это злодей, это Эол! Где ж Царь наш? Где наш Иоанн?

— Где Иоанн? — повторили тысяча голосов, и толпы двинулись к возвышению, где устроен был трон, эшафот и где Сановники сидели как окаменевшие от прикосновения Арунова жезла.

— Где Властитель наш?

— Где изменники? — повторял голос народный. Верховный Совецатель встал уже, чтобы отвечать толпе, которая теснилась к нему. Вдруг раздаются позади его слова:

— Здесь Властитель наш! Вот ваш Иоанн!

Народ остановился, умолк; недоверчивый к словам, он искал взорами, откуда был слышен голос и где был Властитель.

— Вот Властитель ваш! — повторил Правитель острова Св. Георгия, приподнявшись на первую ступень трона, и возводя на оный Иоанна.

— Правители и народ! Вы знаете своего Царя! Вам не нужна на нем царская одежда, чтоб узнать его... Небо спасло его для вашего блага!

Верховный Совецатель, Властитель мира, помощник Иоанна и все сановники и царедворцы узнали величественную наружность его и взоры, блестящие миром и милосердием; они бросились к ступеням трона, на котором Иоанн в военной одежде, с подвязанною рукою, обратив взоры к небу, стоял безмолвен как воскресающий праведник.

— Он! он! — раздалось подле трона, и Иоанн был уже на руках детей своих. Его несли во дворец; крики народной радости раздавались по всей Босфорании и отзывались за Великим проливом. От бесчисленности народа, казалось, что земля колебалась и взволновалось море около стен Босфоранских. Все текло к дворцу; пробегая около эшафота, все со страхом смотрели и отдалялись от него.

— Дальше, дальше! — говорили все, — там лежит тело, в котором был нечистый дух, принявший образ нашего доброго Властителя, нашего отца Иоанна!

Часть девятая

Чувствуешь ли, что ты жертва двух противных сил? Не поддавайся ни той, ни другой.

XVII

После ужасного события в Босфорании водворилась тишина; народ разошёлся по домам, благословляя Властителя своего, и припоминая как несбыточный сон все виденное и слышанное. Но у Иоанна ещё не спокойна была душа; немедленно послал он гонцов на встречу к царевне Эвфалии. Беспамятная Мери была исторгнута из хладных объятий преступного Эола и перенесена во дворец; маленькая Лена стояла в слезах около её постели.

В трудовом своем покое Иоанн нашёл сверток бумаги. Это была рукопись Эола.

Признания злодея ужасны; но Иоанн читал их, и невольный вздох сожаления вырвался из груди его.

Вот что заключала рукопись;

«Люди, в которых есть сердце, но сердце не

холодное, не бесчувственное; люди, в которых есть зрящая, могучая душа, но не дух обыкновенной жизни, хотите ли знать причины бедствий человеческих?.. Но что вам в чужом опыте? Вы не поверите ему!.. Для вас нужно собственное бедствие? Испытывайте же нещастия и слушайте жизнь мою, как несбыточный рассказ, который в состоянии только усыпить вас! Не принимайте слов моих за исповедь, за раскаяние: перед вами ли, слабые существа, мне считать себя виновным, перед вами ли оправдываюсь я, и вашего ли ищу прощенья? Нет! Я виноват сам перед собою, перед самим собою падаю я на колена, перед очами собственного разума я наказываю сердце своё! Кого еще казнил бы я презрением, как преступника? Того, кто первый не сказал мне, что я человек... Того, чья рука поднялась, чтоб указать мне ложный путь к счастью и цель не соразмерную ни предназначению моему, ни силам моим; того, чьи уроки поселили в душе моей нечеловеческую надежду утолить голод светом солнца, а жажду светом луны!

Слушайте слова мои! Они опечалят вас на

время, как заунывная песнь страдальца; вы вздохнете и броситесь опять по тому же пути, на оконечности которого думаете вы найти цель ваших надежд и желаний.

Я бы сказал вам: учитесь, люди, чужими бедами; если вы не прах, не камни, не металлы, и если вы ищите в себе спокойствие, а вне себя света и радостей! Но вас ли учить, опытных, мудрых, самонадеянных?

У меня были отец и мать, как и у всех; но не всех судьба лишила их безвременно. Брат отца моего принял на себя попечение возрасситить и воспитать меня. Как испытатель таинств природы и сил человеческих, он и меня сделал жертвою своего испытания. Мысль о всеведении казалась ему возможною: он отвергал предопределение и думал, что ум, подкрепленный твёрдостью духа, может овладеть волею людей, обстоятельствами, случаем, судьбою! Он хотел исторгнуть из меня все отрицательное человека и наполнить одним положительным. Внушая в меня возвышенную твердость духа, он лишил меня добрых содраганий души: сожаления, чувствительности, нежности. Он создал для меня какой-то

новый мир и приучал мои понятия ко всему сверхъестественному. Как Эрифея, желавшая погубить Геркулеса, он задал мне работы не совершаемые и полубогами: обращая мое внимание и взоры на недосыгаемую высоту, он отклонил их от предметов обыкновенных окружающий человека; по его понятиям цель действий человека видима была только зорким воображением; только высота и отдаление были светлы. Достигни до них, говорил он, и ты будешь на вершине горы, под стопами твоими, и люди, и громаы, и молнии; там, не поразят тебя ни кары неба, ни козни людей!

Изострив ум мой как меч, он сделал его способным только для битвы с общими мнениями.

Пресмыкаться ли создан человек, говорил он, для пищи ли и для сна ли только создан он? Испытай, говорил он, обыкновенные нужды и наслаждения, и скажи, какое чувство поселят они в сердце твоём?

И пресыщал он меня всевозможными наслаждениями.

И я поверил ему. Пресыщение оставляло по себе тягость, боль, грусть, отвращение! Я

поверил ему, потому что мысль стремилась к показанной мне отдалённой цели, окрыляла меня, облегчала все существо мое, вливала в меня какое-то чувство, которое было выше радости, сладостнее наслаждения.

Настал юношеский возраст мой. Дружба частная, говорил он, есть слабость: она невидимо накидывает оковы, известные под именем снисхождения, невольной взаимности; ласки ищут ласк; одолжение просит одолжения; отличие требует воздаяния; ты будешь пристрастен столько же к другому, сколько слабости твои делают тебя пристрастным к самому себе. Будь несправедлив противу всех, управляйся сердцем, не умом, делай все по сердцу, а не по обязанности— и ты будешь обыкновенным человеком, рабом ложного приличия.

Я поверил ему, отказался от дружбы, смотрел на всех людей одними глазами, как будто все они были равны между собою, во всех одни чувства, одно сердце, та же душа. Я избегал, ласк и одолжений, чтоб не быть обязанным знать благодарности и взаимности. Тяжкая душевная пустота и природная наклон-

ность к изливию доброго чувства заменялись мечтательностью о великих предназначениях человека. Что такое любовь? — говорил наставник мой, — не новые ли оковы, в которых ты для одного слабого существа забываешь всех, забываешь мир и себя; рабствуешь, упиваешься чувственностью и лежишь в прахе, как самый презренный из людей.

Как духу соблазнителю, я верил ему, и он извлек меня из сферы, для которой я был создан, извлек из мира простого, существенно-го, в мир воображаемый, извлек меня из среды человечества и — умер.

Я не плакал об нем, потому что сожаление он называл слабостью, а слезы малодушием. А слабости и малодушия я боялся, как пугливый младенец темноты.

Посреди людей, исполненный мечтательности, я был один; ибо я не искал в них, и отвергал предупредительность и услуги.

Не о жизни, не о пище, не о спокойствии и будущем благосостоянии думал я; но о чем-то будущем, далеком, к чему я хотел стремиться, чего я жаждал, алкал, чего недоста-

вало для меня; на всех окружавших меня я смотрел как на существ лишенных рассудка, воли, силы, желаний; как на существ прозябающих, которые рады первому приюту, первому теплоте объятию, первому огню, первому сердцу, которое согреет их лаской, сладким словом, волнением чувств и крови. Тоска, грусть, скука овладели мною; я знал, что они есть плоды бедствия; но круг действия в сфере, в которой я жил, был мал для меня, как для возмужалого пища младенца.

И я должен был искать деятельности соответственной моим силам и понятиям.

Где же был тот механизм, который я должен был приводить в движение?

За оградами Лакании лежали горы, леса долины; за ними были другие обиталища людей, и оконечности острова Крита, который был моя родина; синело море, за морем был другой мир; там все лучше, там все выше, обширнее, величественнее, совершеннее, думал я — и бросил все мое наследство дальним родным, которые с жадностью кинулись на него как нелюди, забросали меня ласкательствами, задушили в объятиях, чтоб скорее из-

гнать из отеческого дома.

Взяв небольшую сумму денег, я сел на первый корабль, который отправлялся в Александрию. И ехал с жадностью видеть чужие земли. Пустыня морская, ропот волн, слияние земли с небом, светлое, чистое отдаление, ничем не ограниченное, в котором терялся взор и мысли, отыскивая, ожидая чего-то, — были близки к моим чувствам.

По приезде в Александрию, столицу Осмаилидов, богатую серебром и чудными тканями, толпы людей, озабоченных мелочными своими нуждами, снова отяготили чувства мои; я был чужд для них; не торговли искали мои желания. Что ж я стал бы делать между ними? Я хотел уже, удалиться, но природа, свойственная слабости, человека и судьба, остановили меня. Я изменил понятиям моего наставника!

Дом, в котором я жил, принадлежал одному семейству, которого все богатство и надежда составляла дочь, прекрасная как будущность, про которую говорил мне мой наставник.

Если б он встал из гроба я спросил бы его:

для чего была создана Реана?

Для бездушных ли объятий какого-нибудь из грубой толпы людей, окружающих ее? Около ли истукана должны, были обвиться её руки?

Нет! Я встретил ее, и она жаждала моей любви...

Она меня полюбила, полюбила страстно! Она клялась мне, что жить без меня — значит умирать.

Мне ли лишить ее хоть одной минуты блаженства в жизни?

Жизнью своею я не мог ей жертвовать: я не для нее был создан; но для чего же не пожертвовать днями... для чего не удовлетворить чужой жажды?

Я не знал, что любовь есть вечная жажда!

Значительная сумма денег, которая была со мною, также быстро истощилась, как первый восторг любви.

Скоро цветы обратились в железные звены — и я почувствовал тяжесть оков. Недостатки возмутили душу мою.

Слова наставника моего отозвались во мне снова. Я не мог долее уподобляться терпели-

вым страдальцам.

Я оставил Реану. С последними деньгами я приехал в Конию; на корабле свел я знакомство с молодым сицилианцем. Он бежал из отечества как преступник. Злая судьба руководила нами и как нарочно свела нас, чтоб родить ужасную мысль восстановления пиратов.

Недостаток, бедность, внушают злые умыслы.

Чтоб не быть нищим, думал я, должно быть решительным.

Но не мелочной же промысл избрать средством к существованию.

Я скоро отыскал свое счастье.

В Конии случайно узнал я, что Изуара Кра-тер, больная и скупая старуха, имеет сына, единственного наследника богатств необъятных. Еще младенцем он был отправлен на воспитание к брату её в Афины; окончив науки, он возвращался к ней; нетерпеливо ждала она его возвращения.

Я пользуюсь случаем: узнаю подробности семейственные, являюсь к ней, бросаюсь в её объятие, называю своею матерью, и старуха

верит словам моим. Уверив ее, что воздух островов западных более благоприятен для её здоровья, я увожу ее со всем её богатством из Коники, и оставив на Цитерее, под предлогом торговли, уезжаю, и с помощью сицилианца, набираю шайку праздных, готовых быть всегда злодеями.

Чтоб разложить огонь, довольно одной искры: золото мнимой моей матери дает мне все средства купить вооруженный корабль, населить его людьми отважными и пуститься в море полным хозяином.

Первый поход доставляет нам богатые добычи на море, и новых сподвижников.

Приняв на себя имя Эола, вскоре я делаюсь обладателем нескольких кораблей. Море волнуется подо мною, берега трепещут от приближения моего, люди содрогаются от имени — я богат, властен, волен.

Остров Цитерея нравится мне. Он неприступен, богат природой, ущелья гор его неприступны. Овладев им силою, я изгоняю жителей, с нравами чуждыми моей душе, основываю в нем мой притон, и укрепляю природу искусством.

Зови людей на помощь людям— они не пойдут; зови их на гибель себе подобных — они готовы, они не спросят: для чего ты делаешь зло, кто дал тебе право на злодеяния?

Я искал могущества и воли; я успел в этом. Никто из людей не располагал мною; власть моя расселилась по морям. Но и это не утешило меня! И эта воля, и эта власть стали мне несносны.

Власть над толпами преступников, людей, в которых не было ни чувства, ни души способной понимать цель жизни; людей, похожих на человека дикого, необразованного, грубого, как будто века, прошедшие от создания мира, были сны ни чему не научающие, не оставляющие по себе следа; как будто путь предназначенный человеку, не проложен еще, не очищен от терния поколениями, прошедшими по нем в вечность!

Я искал, я жаждал власти, но власти над теми, которых бы можно было вести к высокому предназначению человека.

О, если б величие предприятия не рабствовало пред ничтожными обстоятельствами!

Я хотел облагородить мои дела, проник-

нуть с отчаянными людьми, которые меня окружали, на край света, хотел быть там, где возгорается эфир от полета земли в пространстве вселенной; но на пути своем, на острове Скиросе встретил новую женщину.

Она лишила меня власти над самим собою. Это была Лора, мать несчастной Мери.

Счастливая взаимной любовью человека доброго, её участь постоянно бы равнялась благу воображаемому, если б беспокойная душа моя не завидовала спокойствию и благу других.

Властолюбивое сердце внушило мне новый злой замысел. Мне казалось, что дыхание Лоры было необходимо для меня, чтоб согреть грудь мою на полюсе.

Сицилианцу, товарищу своему, поручил я познакомиться с мужем её, завлечь его в торговые обороты, выманить из Скироса и удалить от Лоры; а сам я взялся лишить его всего в мире!

Он поехал. Я познакомился с Лорой, чрез доставление ей писем от её мужа. Как легко вкрадываться в сердце человеческое! Время возвращения её мужа настало, прошло — он

не едет; Лора не получает писем — мое участие осушает слезы, мое сожаление и ложные известие об нем внушают досаду, поселяют недоверчивость, обольщение, слабость, забвение...

Лора моя. Я увожу ее, вместе с дочерью её, слепую Мери, из острова; но болезнь Мери вынуждает меня оставить ее, против воли матери, на берегах Сицилии и поручить надзору. Преступление, разлука с любимой дочерью, как принятый яд быстро пожирают Лору... В моих руках остается только несчастный плод, бедное дитя, бедная Лена; я отвожу ее на свой остров, отдаю на попечение мнимой моей матери. Но Лена похожа на меня, а Мери, совершенный образ Лоры; я хочу видеть еще раз образ её, и еду за Мери. Как велики было удивление мое и радость, когда я встретил этого ангела, с возвращенным зрением, ангела, который напомнил мне красоту своей матери. С каким чувством обнял я это несчастное, близкое мне существо, и что же! Оно меня полюбило любовью пламенной.

Полюбило убийцу своей матери!

Казнью были мне её нежные чувства!

Но она была похожа на мать, я любил, ласкал ее, боялся ее, трепетал от приближения к ней; а она искала дружбы... любви моей... чувств... не детской привязанности!

Однажды я оттолкнул ее от себя как привидение сдавившее мою грудь. Слезы её были ужасны, как слезы безнадежной страсти!.. Страсти к кому же?..

Но это не все! Судьба жестоко казнила меня! Отец её, возвратившись на Скирос в надежде обнять жену и дочь свою после долгой разлуки, нашёл только то место, где сбылся мой адской замысел.

Отчаяние стубило его. Он пошел в пираты под именем Севера. Он стал жить близ дочери своей, он не узнал ее, он полюбил ее за сходство с Лорой, он просил у меня ее в жены.

Не думаете ли вы, что эту просьбу его было мне легко слышать?

Я увлек отца Мери с собою из острова Цитереи, чтоб отдалить его от дочери, чтоб не отвечать за его преступление своей душою, своей совестью!

Что еще остается сказать мне здесь? Какого еще признания требует совесть? Жизнь од-

ного человека урок ли целым поколениям?

Корабли мои собирались около Лемноса; но Иоанн вырвал из рук моих все будущие мои надежды, мои покой на оконечностях земного шара, мою славу в потомстве!

Он разбил меня, а я приехал мстить ему в Босфорании.

Нужно ли говорит о чудном внешнем сходстве нашем?

Нужно ли говорить о новой страсти моей к Клавдиане. Босфоранцы и она внушили мне новую страшную мысль, и я погнался за исполнением её, как заносчивый охотник, который видит перед собою только серну, а не пучины, не скалы, не воды и не горы!

Я выведал слабую струну Иоанна, узнал о сношениях его с Галлией, и нетерпеливое ожидание известий. Трудно ли обмануть доверчивость!

Север, Нот и Эвр были со мною, в долине охоты мое намерение увенчалось неожиданным успехом.

Иоанн уединился в своем гроте. Оставив Севера на стороже, я с Нотом и Эвром вошел в грот, и перервал задумчивость Иоанна наси-

лием.

Накинув на себя Властительскую мантию, я забыл обо всем; разоблаченный Иоанн остался в руках у Нота и Эвра, а я вскочил на коня его и помчался в Босфоранию, как ночная птица на гнездо горлицы.

Но мои глаза не были способны видеть дня, я боялся его; только во время ночи мог я различать предметы.

Воображая взлететь на высоту, я упал, чтоб не вставать.

Дело не мысль!

Судьба наказала дерзновение, избрав его же быть самому себе мстителем.

Тщетно желал бы я выйти из бездны; с падением моим в нее, она накрылась гробовой доскою.

Обстоятельства восстали на меня, как насекомое, я опутался в паутине; но как человек, я узнал, что не разорву уже оков своих, и мне оставалось торопиться вырвать хоть чувства свои из рук мстительных людей.

Возьмите труп Эола, казните его! Но, бедные безумцы, это уже не Эол, это не преступник, который возмущал собою все, что только

сила и воля человеческая могли возмутить!

Возьмите же вместо преступника земное рубище! Рвите его на части! Эол уже далеко от вас».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII

(*Дворец Властителя*).

Иоанн.

Евфалия! Вот участь человека, до временно перенесенного воспитанием в другой мир. В нем, до самой смерти, борется он с жизнью, как утопающий посреди океана борется с волнами.

Евфалия.

Ужасно! Но еще ужаснее для меня судьба бедной, ангела Мери! Кто преступник: случай или она? Если б, она узнала эту бедственную тайну, она не пережила бы откровения её.

(*Входит Князь Любор*).

Кн. Любор.

Властитель, остров Цитерея взят; там найдены только семейства пиратов, и двое из них, один дряхлый старик и другой раненый; они привезены сюда.

Иоанн.

Привести их ко мне.

(Час спустя).

(Иоанн, Евфалия и подле нее Мери, печальная и бледная).

(Вводят скованного пирата старика).

Иоанн.

Имя твое?

Мери.

Исаф!

Исаф.

(всмотревшись в Мери).

Она правду сказала; эта девушка знает меня.

Иоанн.

Я тебя знаю: ты свободен; глубокая старость искупила вину твою пред людьми; совесть накажет тебя, если ты был преступником.

Исаф.

Я был кормчим на корабле, купленном Эолом. Вот мое преступление.

Иоанн.

Освободите старика. Введите ко мне раненого пирата.

Может быть раскаяние его даст мне другой случай снять оковы с виновного.

(Вводят пирата, бледного и окованного цепями).

Пират.

(окинул всех испуганными взорами, и вдруг остановил их на Мери; оковы на нем затрепетали).

Мери.

(вскрикивает и закрывает глаза руками).

Иоанн.

Пират, твое имя?

Пират.

У меня два имени; одно известно ей *(показывая на Мери)*: оно очернено собственными моими делами; другое имя заставили меня сбросить люди: оно очернено соблазнами моей Лоры, похитителями моего блага, моей дочери...

Мери.

(смотрит на него, готовая воскликнуть, но голос умирает на устах её).

Пират.

Моей слепой Мери....

Мери.

(падает без чувств).

Отец!

Иоанн.

(вскакивает с места, к страже).

Стой!.. выведите его! Помогите Мери!

Пират.

(рвется из рук стражи).

Отец... сказала она... постойте!.. Нет, ведите меня, на груди моей лежит уже совесть!.. Крепко прижалась она к сердцу!.. Подле него нет уже места ни для Лоры, ни для Мери...

(выбегает).

Биография

ВЕЛЬТМАН, АЛЕКСАНДР ФОМИЧ
(1800–1870)

Русский писатель, историк, фольклорист. Родился 8 (20) июля 1800 в Петербурге, сын шведского дворянина, в 1786 принявшего российское подданство. Учился в Благородном

университетском пансионе, в 1816 окончил пансион братьев Терликовых, в 1817 — Московское училище колонновожатых. В 1818–1830 служил в Бессарабии военным топографом. В Кишиневе сблизился с В.Ф. Раевским и А.С. Пушкиным (высоко ценившим юмористические стихи Вельтмана, высмеивающие кишиневское общество, — Воспоминания о Бессарабии Вельтмана, частично опубликованы в периодике 1837 и 1893; Вельтман изобразил Пушкина в рассказе Илья Ларин, 1847, и повести Не дом, а игрушечка! б.г.). Был свидетелем греческого восстания 1821; получил орден за храбрость, проявленную в русско-турецкой войне 1928–1829. Увлёкся изучением археологии, этнографией и историей края, опубликовал многочисленные научные и научно-популярные работы (Начертание древней истории Бессарабии, 1828; О господине Новгороде Великом, 1835; Аттила и Русь IV и V в., 1858; Первобытное верование и буддизм, 1864, и др.). С 1831, выйдя в отставку в чине полковника, жил в Москве. По протекции М.Н. Загоскина стал помощником директора, с 1852 — директором Оружейной палаты. С 1854 — член-кор-

респондент Академии наук.

Оправдывая характеристику современника, филолога и этнографа И.И. Срезневского («добр, прост, окружен книгами, непрерывно работает, чем и живет»), Вельтман издал за 40 лет литературной работы огромное количество произведений. В их числе романтические поэмы Беглец (1825), Муромские леса (1831; Что затуманилась, зоренька ясная — из нее стала народной песней), драмы Ратибор Холмоградский (1841), Колумб (1842), Волшебная ночь (1844, по мотивам Сна в летнюю ночь У. Шекспира), роман Странник (ч. 1–3, 1831–1832) — одно из лучших творений Вельтмана, где писатель, иронически обыгрывая приемы известных литературных путешествий (Л. Стерна, Ксавье де Местра и др.), совмещает подлинность фактографии с комической условностью, а реальные описания — с воображаемым, по географической карте, путешествием («Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию...») и, переходя в калейдоскопической непоследовательности от прозы к стихам и обратно, дает редкий образец «романтически-лирического повествования» (Ю.

Манн). Интерес к славянской старине, сплав исторических и мифологических элементов национального сознания, при явной идеализации патриархального бытия, отразились в романах Кащей Бессмертный (1833), Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного солнца Владимира (1835), в повести Райна, королева Болгарская (1843), а также в разворачивающемся на фоне Отечественной войны 1812 романе Лунатик (1834). Размышления о прошлом и будущем человеческой цивилизации явились основным импульсом к созданию «экспериментальных» фантастических романов МММСДХLVIII год. Рукопись Мартына-Задека (1933) и Предки Каломероса. Александр Филиппович Македонский (1836), в которых доминирует мысль о вечном повторении, круговороте общественных структур, человеческих пороков и заблуждений, нравственных и умственных исканий. Критики усматривали поверхностную сатиру на Наполеона в романе Вельтмана Генерал Каломерос, в романах же Виргиния, или Поездка в Россию (1837), Новый Емеля, или Превращение (1845), повестях Эротиды (1835), Аленушка

(1836), Ольга (1837) и др. — апологию «просто-душного», невольно разоблачающего фальшь и лицемерие «цивилизованного» общества (стойкая традиция европейской литературы). Наивному и чистому «простаку» Вельтман противопоставляет расчетливого прагматика, цепкого и хваткого «делового» человека (повесть Карьера, 1842) из того буржуазно-«накопительного», чиновничье-бюрократического мира, который был решительно чужд сентиментально-славянофильскому духу Вельтмана и который писатель обличал в манере как иронически-фантастической, полусказочной (роман Сердце и думка, 1838), так и реалистической (повести Неистовый Роланд, др. назв. Провинциальные актеры, 1835; Приезжий из уезда, или Суматоха в столице, 1841; романтическая эпопея Приключения, почерпнутые из моря житейского, кн. 1–4, 1846–1864, в которой особенно выделяется первый роман, Саломея). Приключения — самое известное и масштабное произведение Вельтмана, где выведено более ста представителей разных сословий, демонстрирующих с позиций превосходства «старинных нравов перед нынешни-

ми» (В.Г. Белинский) вырождение аристократии, моральное разложение купечества, алчность и цинизм промышленников, деградацию мещанства. Характерный для художественного мира Вельтмана сплав бытовой конкретности в описании антуража и отдельных образов с условностью сюжета, приводящей к мистификациям и недоразумениям, проявился в романах Чудодей (1856), герои которого случайно «поменялись» судьбами, Воспитанница Сара (1862) и отчасти Счастье-несчастье (1863). «Экспериментальные» произведения Вельтмана, полные загадочных, фантастических и сказочно-потусторонних персонажей, авантурных приключений, анекдотических неурядиц, насыщенные каламбурами, эпатажирующие гротеском и многокрасочной стилизацией, вызывавшие и признание («оригинальный игривый талант»), и критику («археологический мистицизм»), в силу переизбыточности, неправдоподобности, утомительной многословности его повествования не стали классикой отечественной словесности. Однако, во многом опередив свое время, они оказали влияние на Ф.М. До-

стоевского, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского и далее на И. Ильфа, Е. Петрова, М.А. Булгакова, Вс. В. Иванова, Е.Л. Шварца. Заслуживает упоминания и литературно-просветительская деятельность Вельтмана, в т. ч. как составителя несколько раз переизданной книги Начальное чтение для образующегося юношества (1837), автора вызвавшего интерес Пушкина стихотворного перевода Слова о полку Игореве под назв. Песнь ополчению Игоря... (1833), переводчика фрагментов древнеиндийского эпоса Махабхарата и средневекового германского героического эпоса Песнь о Нибелунгах.

Энциклопедическая образованность, ум, такт и терпимость писателя способствовали тому, что в 1830-1860-е годы дом Вельтмана был одним из известных в Москве литературных центров, где собирались люди самых разных профессий, политических, философских и эстетических направлений и взглядов, от убежденных славянофилов до радикальных «западников» (М.П. Погодин, В.И. Даль, В.Г. Белинский, Ф.И. Буслаев, А.И. Герцен, Ф.Н. Глинка, Н.В. Гоголь, Г.П. Данилевский, Ф.А. Ко-

ни, М.С. Щепкин, В.Ф. Одоевский, А.Н. Островский и др.). С 1850 активное участие в литературной жизни Вельтмана принимала известная в свое время беллетристка (исторические и семейно-бытовые повести и романы) и просветительница (Азбука и чтение для первого возраста, 1862) Елена Ивановна Вельтман (ум. 1868), вторая жена писателя.

Умер Вельтман в Москве 11 (23) января 1870.

Энциклопедия Кругосвет

Библиография издания

Вельтман, Александр Фомич.

МММСDXLVIII [3448] год: Рукопись Мартына-Задека. Кн. 1-3 / [Вельтман]. — Москва: А.С. Ширяев, 1833. - 3 т.

МММСDXLVIII

Г О Д Ъ.

Р У К О П И С Ъ

М А Р Т Ы Н А - З А Д Е К А.

—•••—
К Н И Г А П Е Р В А Я.
—•••—

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирург. Академіи.

~~~~~
1833.

Примечания

Ора — зєфир.

[^^^]

2

Золотая рыбка, которая готова считать крючок за пищу.

[^^^]

Легкое судно.

[^^^]

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XXXI

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

